

СИБИРСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Том 20 · № 1

• 2023 •

Vol. 20 · No. 1

SIBERIAN LAW REVIEW

DOI: 10.19073/2658-7602

Учредитель и издатель:

частное образовательное учреждение высшего образования
«Сибирский юридический университет»

Адрес издателя и редакции:

ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Россия
Телефон: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

© Редакция научного журнала
«Сибирское юридическое обозрение», 2023

Founder and publisher:

private educational institution of higher education
“Siberian Law University”

Address of the publisher and the editorial office:

12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russia
Phone: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

© The editorial board of the scientific journal
“Siberian Law Review”, 2023

Журнал включен в:

- Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук;
- Категорию 1 (К 1) журналов, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук;
- базу данных «Российский индекс научного цитирования»;
- каталог Ulrich's Periodicals Directory – авторитетную базу данных, которая содержит библиографическую информацию о научных периодических изданиях мира;
- Directory of Open Access Journals (DOAJ) – ведущую международную базу журналов открытого доступа;
- электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ»;
- научную электронную библиотеку «КиберЛенинка» и др.

В соответствии с пунктом 1 части 2 статьи 1 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» настоящий журнал знаком информационной продукции не маркируется.

The journal is included in:

- the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degrees of candidate of sciences and doctor of sciences must be published;
- Category 1 (K 1) of the list of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degrees of candidate of sciences and doctor of science must be published;
- the database “Russian science citation index”;
- Ulrich's Periodicals Directory is an authoritative database that contains bibliographic information about scientific periodicals of the world;
- Directory of Open Access Journals (DOAJ) – a community-curated online directory that indexes and provides access to high quality, open access, peer-reviewed journals;
- legal information database “GARANT System”;
- scientific electronic library “CyberLeninka” and others.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Председатель редакционной коллегии –
главный редактор**

Соловей Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Заместитель главного редактора

Караманукян Давид Тониевич – кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Ответственный секретарь

Агеева Алена Викторовна – кандидат юридических наук (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Бабурин Василий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Бавсун Максим Викторович – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Бекетов Олег Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Гатт Лусилла – профессор частного права (Университет Неаполя им. Сестры Орсола Бенинкасой, Неаполь, Итальянская Республика);

Герасименко Юрий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области, Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Гундур Раджив – доктор философии в области криминологии (PhD in Criminology) (Университет Флиндерс, Аделаида, Содружество Австралии);

Деришев Юрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Кархалев Денис Николаевич – доктор юридических наук (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Кодан Сергей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Российская Федерация);

Кожевина Марина Анатольевна – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Кононов Павел Иванович – доктор юридических наук, профессор (Второй арбитражный апелляционный суд г. Кирова, Киров, Российская Федерация);

Коэн-Альмагор Рафаэль – профессор, доктор философии в области политики (Университет Халла, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Кузьмина Ирина Дмитриевна – доктор юридических наук, доцент (Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация);

Луговик Виктор Федорович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Мэггс Питер Б. – профессор-исследователь (Юридический колледж Университета Иллинойса, Шампейн, Иллинойс, Соединенные Штаты Америки);

Мюллер Амрей – доктор юридических наук, доцент (Юридическая школа Сазерленда UCD, Дублин, Республика Ирландия);

Озунгур Фахри – доктор философии в области права, семьи, бизнеса (Университет Мерсин, Мерсин, Турецкая Республика);

Паризи Франческо – профессор права (Университет Миннесоты, Миннеаполис, Миннесота, Соединенные Штаты Америки), профессор экономики (Болонский университет, Болонья, Итальянская Республика);

Пфандер Джеймс Э. – профессор права (Юридическая школа Северо-Западного Притцкера, Чикаго, Иллинойс, Соединенные Штаты Америки);

Пьеткевич Михал – доктор философии в области права (Варминьско-Мазурский университет, Ольштын, Республика Польша);

Руда-Гонсалес Альберт – доцент в области частного права (Университет Жироны, Жирона, Королевство Испания);

Торнхилл Кристофер – профессор права (Манчестерский университет, Англия, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Фор Майкл Дж. – профессор сравнительного частного права и экономики (Маастрихтский университет, Маастрихт, Королевство Нидерландов);

Хамедов Иса Ахлиманович – доктор юридических наук, профессор, имеет дипломатический ранг (Университет мировой экономики и дипломатии МИД Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан);

Хоссейн Мд Саззад – доктор философии в области защиты прав человека (Азиатско-Тихоокеанский университет, Дакка, Народная Республика Бангладеш);

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Российская Федерация);

Чен Джеймс Мин – профессор права (Юридический колледж Университета штата Мичиган, Ист-Лансинг, Мичиган, Соединенные Штаты Америки);

Черников Валерий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация);

Шарапов Роман Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация).

SIBERIAN LAW REVIEW

Scientific journal

Volume 20, no. 1

2023

Published since 2004

Published four times a year

Previous titles of the journal:

“Vestnik of the Omsk Law Institute” ISSN 2222-856X (2004 – first half of 2012);

“Vestnik of the Omsk Law Academy” ISSN 2306-1340 (print), 2410-8812 (online)
(second half of 2012 – first half of 2019)

EDITORIAL BOARD

The Chairman of the Editorial Board – Editor-in-Chief

Yury P. Solovey – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Deputy Editor-in-chief

David T. Karamanukyan – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Executive Secretary

Alena V. Ageeva – Candidate of Legal Sciences, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Vasilii V. Baburin – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Maxim V. Bavsun – Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation;

Oleg I. Beketov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

James Ming Chen – Professor of Law, Michigan State University College of Law, East Lansing, Michigan, United States of America;

Valerii V. Chernikov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation;

Raphael Cohen-Almagor – D. Phil. in political theory, University of Hull, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

Yury V. Derishev – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Michael G. Faure – Professor of Comparative Private Law and Economics, Maastricht University, Maastricht, Kingdom of the Netherlands;

Lucilla Gatt – Professor of Private Law, Suor Orsola Benincasa University of Naples, Naples, Italian Republic;

Yury V. Gerasimenko – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Ombudsman for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Omsk Region, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Rajeev Gundur – PhD in Criminology, Flinders University, Adelaide, Commonwealth of Australia;

Md Sazzad Hossain – PhD in Law, University of Asia Pacific, Dhaka, People's Republic of Bangladesh;

Denis N. Karkhalev – Doctor of Legal Sciences, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Isa A. Khamedov – Doctor of Legal Sciences, Professor, has a diplomatic rank, University of World Economy and Diplomacy of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan;

Sergei V. Kodan – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation;

Pavel I. Kononov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Second Arbitration Court of Appeal of Kirov, Kirov, Russian Federation;

Marina A. Kozhevina – Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Irina D. Kuzmina – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation;

Viktor F. Lugovik – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Peter B. Maggs – Research Professor, University of Illinois College of Law, Champaign, Illinois, United States of America;

Amrei Muller – PhD in Law, UCD Sutherland School of Law, Dublin, Republic of Ireland;

Fahri Ozsunger – PhD in Law, Family and Consumer Sciences, PhD in Business, Mersin University, Mersin, Republic of Turkey;

Francesco Parisi – Professor of Law, University of Minnesota, Minneapolis, Minnesota, United States of America; Professor of Economics, University of Bologna, Bologna, Italian Republic;

James E. Pfander – Professor of Law, Northwestern Pritzker School of Law, Chicago, Illinois, United States of America;

Michal Pietkiewicz – PhD in Law, University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Republic of Poland;

Albert Ruda-Gonzalez – PhD in Law, University of Girona, Girona, The Kingdom of Spain;

Roman D. Sharapov – Doctor of Legal Sciences, Professor, University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation;

Christopher Thornhill – Professor of Law, University of Manchester, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

Nikolai N. Tsukanov – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russian Federation.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Ю. П. Соловей, П. П. Серков

Административное усмотрение: вопросы и ответы (часть 2) 6

А. В. Хромов

Административно-правовой статус добровольной дружины в период действия военного положения 25

Цзя Шаосюе

Эволюция и перспективы развития законодательства КНР об иностранных инвестициях 37

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Е. Г. Беглярова

Основания, порядок, правовые последствия отмены усыновления 48

Д. Н. Кархалев

Гражданско-правовые формы охранительных отношений 55

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

А. А. Максуров

Недвижимость как предмет хищения: социально-исторический анализ 64

Р. Д. Шарапов

Изменение категории преступления судом: закон, теория, практика 77

РЕЦЕНЗИИ

Н. Н. Цуканов

Рецензия на монографию: Серков П. П. Правоотношение (теория и практика современной правовой политики). Москва: Норма, 2023. 1544 с. 90

Информация для авторов 100

CONTENTS

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Yu. P. Solovey, P. P. Serkov

Administrative Discretion: Questions and Answers (Part 2) 6

A. V. Khromov

Administrative-legal Status of a Voluntary Squad During Martial Law 25

Jia Shaoxue

Evolution and Prospects of the Foreign Investment Law of the People's Republic of China 37

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

E. G. Beglyarova

Grounds, Procedure, Legal Consequences of the Abolition of Adoption 48

D. N. Karkhalev

Civil Law Forms of Protection Relations 55

CRIMINAL LAW SCIENCES

A. A. Maksurov

Real Estate as a Subject of Theft: a Socio-Historical Analysis 64

R. D. Sharapov

Changing the Category of Crime by the Court: Law, Theory, Practice 77

REVIEWS

N. N. Tsukanov

Review of the Monograph: Serkov P. P. Legal Relationship (Theory and Practice of Modern Legal Policy). Moscow: Norma, 2023. 1544 p. 90

Information for Authors 102

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ Public Law (State Law) Sciences

УДК 342.92

DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-1-6-24

EDN: NZWFRB

Оригинальная научная статья

Административное усмотрение: вопросы и ответы (часть 2)

Ю. П. Соловей

Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация

✉ rector@siblu.ru

П. П. Серков

Москва, Российская Федерация

Аннотация. Настоящая статья продолжает запланированную редакцией журнала «Сибирское юридическое обозрение» серию научных публикаций, авторы которых в формате «вопрос–ответ» анализируют весьма актуальную для российской административно-правовой теории и юридической практики проблему административного усмотрения (дискреции). В отечественной юридической литературе можно встретить различные дефиниции административного усмотрения, содержатся они и в законодательстве ряда постсоветских государств. Указывая на недостатки некоторых определений названного понятия, Ю. П. Соловей предлагает подразумевать под административным усмотрением выбор публичной администрацией варианта решения управленческого вопроса в форме принятия административного акта (нормативного или индивидуального), соответствующего, по ее мнению, установленным законом требованиям к административным актам, в условиях недостаточной нормативно-правовой определенности целей, оснований, условий, содержания, обстановки, места, объектов (адресатов), субъектов, порядка оформления, процедуры и (или) сроков (времени) принятия административного акта. В ответе на вопрос о целесообразности подобного подхода к пониманию рассматриваемого понятия и призыв сформулировать свою дефиницию административной дискреции П. П. Серков соглашается с критическими оценками упоминавшихся определений понятия усмотрения. Вместе с тем, по его мнению, исследование явления административного усмотрения предполагает не толкование этого словосочетания, в результате которого рождаются очередные дефиниции усмотрения, а прежде всего уяснение его содержания. Последнее невозможно без обращения к логической конструкции механизма административного правоотношения, поскольку дискреционные решения в максимальной степени наполнены неизменяемой логикой возникновения и развития этого механизма, доступной для воспроизведения и контроля. Между тем аналитический потенциал названной конструкции, к сожалению, в теории современного административного права остается невостребованным. П. П. Серков делает вывод, что административное усмотрение функционирует в естественности правовой действительности, формируемой правовым регулированием, в том числе за счет идейного содержания норм административного права, и их государственным психическим принуждением в качестве безальтернативно необходимого компонента правового регулирования.

Ключевые слова: административное усмотрение, дискреция, дискреционные полномочия, публичная администрация, механизм административного правоотношения

Для цитирования: Соловей Ю. П., Серков П. П. Административное усмотрение: вопросы и ответы (часть 2) // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 1. С. 6–24. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-1-6-24>. EDN: <https://elibrary.ru/nzwfrb>

Original scientific article

Administrative Discretion: Questions and Answers (Part 2)

Yu. P. Solovey

Siberian Law University, Omsk, Russian Federation

✉ rector@siblu.ru

P. P. Serkov

Moscow, Russian Federation

Abstract. This article continues the series of scientific publications planned by the editors of the Siberian Legal Review, the Authors of which analyze the problem of administrative discretion (discretion), which is very relevant for the Russian administrative law theory and practice, in the “question-answer” format. In the domestic legal literature, one can find various definitions of administrative discretion; they are also contained in the legislation of a number of post-Soviet states. Pointing out the shortcomings of some definitions of the named concept, Yuri P. Solovey proposes to define administrative discretion by the choice made by public administration of a variant of solving a managerial issue in the form of an administrative act (regulatory or individual), corresponding, in its opinion, to the requirements established by law for administrative acts, in conditions of insufficient legal certainty of goals, grounds, conditions, content, situation, place, objects (addressees), subjects, procedure for registration, procedure and (or) terms (time) for the adoption of an administrative act. In response to the question about the appropriateness of such an approach to understanding the concept under consideration and the call to formulate his own definition of administrative discretion, Petr P. Serkov agrees with the critical assessments of the mentioned definitions of the concept of discretion. At the same time, in his opinion, the study of the phenomenon of administrative discretion does not involve the interpretation of this phrase, as a result of which the other definitions of discretion are born, but, first of all, the clarification of its content. The latter is impossible without referring to the logical construction of the mechanism of administrative legal relations, since discretionary decisions are filled to the maximum extent with the immutable logic of the emergence and development of this mechanism, available for reproduction and control. Meanwhile, the analytical potential of this construction, unfortunately, remains unclaimed in the theory of modern administrative law. Petr P. Serkov concludes that administrative discretion functions in the naturalness of legal reality, formed by legal regulation, including due to the ideological content of the norms of administrative law, and their state mental coercion as an unalternatively necessary component of legal regulation.

Keywords: administrative discretion, discretion, discretionary powers, public administration, mechanism of administrative legal relationship

For citation: Solovey Yu. P., Serkov P. P. Administrative Discretion: Questions and Answers (Part 2). *Siberian Law Review*. 2023;20(1):6-24. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-1-6-24>. EDN: <https://elibrary.ru/nzwfrb> (In Russ.).

Вопрос Ю. П. Соловья: Отвечая на мой вопрос в предшествовавшей настоящей публикации статье, Вы, Петр Павлович, согласились со мной в том, что «из поля зрения российского административно-правового научного юридического сообщества, действительно, выпал важный, если не наиважнейший раздел

административно-усмотренческой проблематики»¹. Но, с Вашей точки зрения, речь идет (вопреки моему мнению) вовсе не о пределах судебного контроля над административной дискрецией. Вы полагаете, что «наука административного права **прежде всего обязана системно и конкретно** объяснить, **что** собой представляет обозначенная дискреция, **для чего** она предназначена и **каким образом** осуществляется»².

Мне же представляется, что в российской науке административного права названные Вами вопросы в существенной мере уже получили свое разрешение. Здесь достаточно указать на десятки содержащихся в юридической литературе определений понятия административного усмотрения, отражающих те или иные его признаки. При этом, правда, не обходится и без курьезов.

Так, автор объемной книги с весьма многообещающим, но лишь усиливающим разочарование от прочтения этой книги названием, формулирует следующее, по его выражению, «определение данного явления»: «Административно-правовое (административное) усмотрение, как вид правоприменительного усмотрения, представляет собой мотивированную возможность свободного выбора уполномоченным органом государственного управления в лице его должностного лица, являющегося государственным или муниципальным служащим, возможного в будущем правомерного поведения, фактическим основанием которого являются объективные факторы окружающей действительности, основанные на дискреционной специфике полномочий и деятельности данных органов и метода правового регулирования публично-правовых отношений, а также осуществляемые в рамках правового регулирования публично-правовых отношений» [1, с. 39–40].

На мой взгляд, здесь всё неправильно. Во-первых, «административное усмотрение» и усмотрение «административно-правовое» нельзя считать синонимами, поскольку усмотрение может быть не только правовым (не выходящим за установленные правом рамки), но и неправовым, т. е. превращающимся в административный произвол. Во-вторых, вряд ли оспорим тот факт, что административное усмотрение выступает атрибутом как правоприменительной, так и в меньшей степени нормотворческой деятельности публичной администрации. В-третьих, усмотрение не может трактоваться как некая «мотивированная возможность свободного выбора», оно предстает в качестве самого выбора, причем, и это в-четвертых, не «возможного в будущем правомерного поведения». Дело не столько в допущенной автором тавтологии («возможность возможного»), сколько в том, что в любом случае проявления административного усмотрения речь идет не о «будущем поведении», а о решениях или действиях (бездействии) публичной администрации, принимаемых (совершаемых) в настоящий момент времени. Причем, в-шестых, в реальной жизни административное усмотрение подчас оказывается как раз немотивированным выбором или выбором, вопреки утверждению автора критикуемого определения, «неправомерного поведения»: собственно говоря, во многом именно по этой причине усмотрение попадает в число приоритетных объектов внимания административно-правовой науки. Характеристика же усмотрения как «свободного» выбора свидетельствует об игнорировании ее автором того весьма важного обстоятельства, что публичная администрация, проявляющая усмотрение (делающая выбор), обязана соблюдать ряд требований, предъявляемых законодательством к административным,

¹ Серков П. П., Соловей Ю. П. Административное усмотрение: вопросы и ответы (часть 1) // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 4. С. 382. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-4-374-383>

² Там же.

в том числе дискреционным актам, в результате чего упомянутый выбор свободным признать нельзя.

Примечательно, что к такому же выводу Вы, Петр Павлович, пришли в ходе исследования механизма административно-правовых отношений. В связи с этим я полностью согласен с Вашим утверждением, что «должностные лица выступают носителями, а не обладателями властных полномочий... Должностные лица не имеют полномочий “властвовать”, но обязаны надлежащим образом, в пределах и объеме своих функциональных правомочий, исполнять обязанности и реализовывать права, принятые государством... Правовое положение, занимаемое органами публичной власти и их должностными лицами, не является главенствующим, а управленческая деятельность – их усмотренческой “вотчиной”» [2, с. 20].

Наконец, возвращаясь к процитированному выше определению понятия административного усмотрения, отмечу, в-седьмых, что упоминаемые его автором «объективные факторы окружающей действительности», конечно, должны обуславливать (хотя административная и судебная практика дает примеры обратного) поведение публичной администрации, проявляющей усмотрение. Но разве могут такие факторы, являющиеся «фактическим основанием» выбора поведения, на чем-то «основываться» (от этой тавтологии – «основание основывается» – можно просто сойти с ума!), даже если имеются в виду так называемая дискреционная специфика (опять тавтология – понятие усмотрения раскрывается посредством отсылки к дискреционной, то есть усмотренческой специфике) «полномочий и деятельности» органов государственного управления, а также (упомянутого явно не к месту) «метода правового регулирования публично-правовых отношений»? Разве могут, далее, эти злополучные «объективные факторы окружающей дей-

ствительности» как-то вообще «осуществляться» в неких «рамках правового регулирования публично-правовых (еще одна тавтология!) отношений»?

«Отчаянная безвкусица с сильной примесью нелепицы» [3, с. 120–121] – такие слова классика приходят на ум по прочтении не только данной книги, но и немалого числа других публикаций, где затрагиваются вопросы административного усмотрения. С удивлением и сожалением приходится констатировать, что административное усмотрение относится к числу тех тем, которые по не очень ясным причинам находятся в самом центре внимания создателей откровенно графоманических текстов. Возможно, это происходит потому, что публичные рассуждения об административном усмотрении, представляющемся некоторым авторам феноменом, окутанным ореолом таинственности и загадочности, позволяют, как им кажется, заявить о своей принадлежности к некой касте «посвященных».

Как бы то ни было, при формулировании дефиниции административного усмотрения (дискреционных полномочий публичной администрации) лучше опираться не на литературные, а на правовые источники.

В российском законодательстве определение понятия административного усмотрения отсутствует, однако оно закреплено в законодательных актах ряда постсоветских государств (Грузия, Эстония, Армения, Азербайджан, Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан, Молдова, Казахстан). Например, ст. 4 Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан (принят 29 июня 2020 г.) определяет понятие административного усмотрения как «полномочие административного органа, должностного лица принимать в установленных законодательством Республики Казахстан целях и пределах одно из возможных решений на основании оценки

их законности»³. Данная дефиниция, относящаяся, строго говоря, не к административному усмотрению, а к дискреционному полномочию публичной администрации, в известной степени, что называется, схватывает сущностные моменты усмотрения: административный орган (должностное лицо), выбирая решение в ситуации, когда законодатель ставит его перед необходимостью делать такой выбор, должен остановиться именно на том варианте, который представляется ему в наибольшей степени соответствующим целям закона и не выходящим за его пределы. Правда, остаются неясными два момента: во-первых, откуда возникает необходимость делать выбор, и, во-вторых, что включает в себя предварительная «оценка законности» вариантов решений – только ли соотнесение их с целями закона, установление их нахождения в «пределах закона» или нечто большее?

Проясню отмеченные два момента. С моей точки зрения, публичная администрация вынуждена проявлять усмотрение (делать выбор) потому, что применяемый ею закон в силу своей недостаточной определенности не дает однозначного ответа на вопросы, действовать ли в той или иной конкретной ситуации, и если действовать, то каким образом. При этом орган (должностное лицо), выбирая вариант решения, обязан не только учитывать цели применяемого закона и не выходить за формально очерченные им пределы, но и, кроме того, соблюдать иные установленные законом требования к издаваемым административным актам, совершаемым административным действиям (например, требование соразмерности).

В данной связи предложил бы следующую дефиницию рассматриваемого понятия: *административное усмотрение – это выбор публичной администрацией варианта решения управленческого вопроса*

в форме принятия административного акта (нормативного или индивидуально-го), соответствующего, по ее мнению, установленным законом требованиям к административным актам, в условиях недостаточной нормативно-правовой определенности целей, оснований, условий, содержания, обстановки, места, объектов (адресатов), субъектов, порядка оформления, процедуры и (или) сроков (времени) принятия административного акта.

Насколько справедливым Вам, Петр Павлович, кажется такой подход, и как бы Вы определили понятие административного усмотрения?

Ответ П. П. Серкова (в авторской редакции): Как представляется, в этом вопросе *наглядно* декларируется *свобода* исследовательского *усмотрения* на сущность административного усмотрения.

Высказанное предположение *красноречиво подтверждается* мнением о том, что «в *отечественной юридической* литературе содержатся *десятки* определений понятия административного усмотрения» (выделено мной. – П. С.). Автор вопроса в целом *обоснованно* и *весьма основательно* критически оценил одно из таких определений. Вместе с тем его подход выразился в том, что *сразу же* был предложен *свой вариант* определения понятия административного усмотрения.

Невольно возникает предположение, что ответ должен сводиться *всего лишь* к формулированию обозначенного определения. Тем самым можно полагать, что упоминаемые в вопросе несколько десятков определений пополнились еще одним⁴.

Это значит, что, несмотря на *неоднократную естественную* смену поколений исследователей, в нашем случае административного права, в методике правового познания современное юридическое научное сообщество *ничего нового не предлагает*.

³ URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K20000000350> (дата обращения: 03.02.2023).

⁴ Остается *лишь догадываться*, что определение, сформулированное автором вопроса, завершает или начинается очередной «десяток».

Более того, *реальных доктринальных запросов* на корректировку такой методики *даже не высказывается*, хотя *завершается первая четверть 21-го века*⁵.

Во всяком случае, сложившаяся исследовательская технология *весьма отчетливо* проявляется в *каждом* из *двух* определений, указанных в вопросе. Например, в первом определении говорится о свободном выборе, во втором – просто о выборе. В первом определении используется понятие «объективные факторы окружающей действительности», во втором приводится перечисление в виде целей, оснований, условий и др., т. е. по существу очерчивается та же действительность. В первом определении акцент делается на правомерном поведении, во втором – на варианте решения управленческого вопроса, которое *невозможно* без поведения.

Причем указание в первом определении *только* на правомерное поведение *однозначно ограничивает* понимание административного усмотрения, так как не учитывает незаконного административного усмотрения. Вместе с тем с *такой же бесспорностью* обозначенное понимание *ограничивается* и во втором определении доводом о недостаточной нормативно-правовой определенности с учетом того,

что незаконное усмотрение при желании всегда можно мотивировать ненадлежащей нормативной определенностью.

При таких обстоятельствах различия в рассмотренных определениях, *скорее, внешние, но глубинно незначительные*.

Как следствие, *вполне определенно* напрашивается следующее *неизвестное*. Если *современные* ученые, исследующие административное право, не могут «договориться» о *единообразной* сути административного усмотрения, то *неясно*, на основании какого *доктринального фундамента* должны оправдываться ожидания человека, общества и государства по *единообразному* осуществлению этого усмотрения *весьма многочисленным корпусом* должностных лиц органов государственной власти и органов местного самоуправления. Уместно отметить, что и на этот счет сомнения подобного рода *даже* не высказываются.

Из *тезисно* изложенных перипетий исследовательской мысли *беспристрастно* напрашивается, что уяснение *явления* административного усмотрения предполагает *не толкование* этого словосочетания. Оно не устраняет *длительной* сохранности в *естественности* правовой действительности *незаконно* административного усмотрения⁶. Поэтому

⁵ Речь идет не о возможных *отдельно взятых цитатах* в *отдельно взятых* статьях и монографиях, а о позиционировании *консолидированной обеспокоенности* исследовательского корпуса и *единении усилий* по переосмыслению и обновлению понимания правовой гносеологии.

⁶ Это отмечалось в ответе на первый вопрос. О естественности правовой действительности см., напр. [4, с. 75–77]. В данной связи оправдано сделать исторический экскурс, свидетельствующий о том, что *естественность* правовой действительности имела место *независимо* от времени и пространства существования государства. Соответственно, она хронически сопровождалась административным усмотрением в бытийной рутине человека, общества и государства. Так, говорится, что «в Указе “О должности Сената”, изданном в *декабре 1718* года, Петр I предписывал сенаторам *иметь в памяти царские указы и не откладывать их исполнение*. Неисполнение указов он *приравнивал* при этом к *преступлению* более опасному для устоев государства, нежели государственная измена... Ибо *как может* государство *управлено* быть, – заявлял он, – *егда указы действительны не будут*: понеже *презрение* указов ничем рознится с изменою, и не точию *равномерно беду* *примает государство* от обоих, но от сего еще вящше, ибо услышав измену, *всяк остережется*, а *сего никто вскоре почувствует*, но *мало-помалу все разорится*, и люди в *непослушании останутся*; чему ничто иное, токмо *общая погибель* следовать будет, как то о греческой монархии явной пример имеем» (выделено мной. – П. С.) (*О должности Сената*. Именной указ [Декабрь 1718 года] // Законодательство Петра I. 1696–1725 годы. М. : Зерцало, 2014. С. 218–219).

Вряд ли получится *доказать*, что ситуации, называемые в Указе Петра I, *не отображают локальные* проявления *ненадлежащего* административного усмотрения того времени. Со времени издания Указа Петра I прошло *свыше 300 лет*, но проблема административного усмотрения так и не разрешена. Значит, у такой действительности есть свои *правовые* причины. Соответственно, их выявление способно привести в юридическую науку *реальный*, а не *понятийный* историзм.

доктринальные аналитические приоритеты должны придаваться **не толкованию формы**, но **уяснению содержания** административного усмотрения. Такой подход **неизбежно** повлияет на **способы познания** этого явления. Например, вряд ли получится **доказательно не согласиться** с тем, что административное усмотрение, **неотъемлемо** слагающее деятельность должностных лиц исполнительных органов государственной власти и местного самоуправления, **всегда** осуществляется в режиме правовой динамики. В свою очередь, ее течение и наступаемые результаты снова **неотъемлемо** генерируют режим правовых ощущений⁷.

Обозначенные режимы **безальтернативно** охватывают **всю** деятельность указанных должностных лиц. Собственно, **благодаря** этим режимам и становится возможной **зримая** фиксация и **одновременно такая же** детализация функций применения действующего правового регулирования в ракурсе **одновременного** исполнения функций этого регулирования должностными лицами государственных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления. Представляется, что названные функции можно разделять **лишь аналитически**, так как они представляют собой «две стороны одной медали». Объясняется это **нераздельностью** формы и содержания. Вряд ли возможно доказать, что содержание применения **одновременно не означает** содержание исполнения. Хотя по **внешнему** и **формальному** восприятию вполне можно привести доводы о различиях между ними.

В силу чего, **собственно**, за счет **указанных режимов** в **естественности** правовой действительности происходит

внутриличностное формирование административного усмотрения в **каждом** конкретном управленческом сюжете. Внутриличностные акценты означают, что явление административного усмотрения с **очевидностью** формируется сознанием в целом и правосознанием в частности.

Названные режимы в теории административного права с вероятностью **лишь подразумеваются**, очевидно, как само собой разумеющиеся. Об этом **локально** свидетельствует констатация, опять же, в вопросе **факта** формулирования **десятков** определений понятия административного усмотрения. Как следствие, **видимо неизбежно** от исследовательских взглядов укрылся ряд **существенных** обстоятельств, **универсально** характеризующих **правовую** деятельность должностных лиц органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, притом, что предположение о существовании **правовой** универсальности, а значит и о наличии **правовых** закономерностей, высказано еще в 60-х годах прошлого столетия. Имеются в виду выводы С. С. Алексеева о механизме правового регулирования. Однако суть названного механизма (его выражение) продолжает оставаться в дискуссионном поле по **той же** причине **доминирования** описательных интерпретаций правовых понятий в формате **статики** теории права [5, с. 543–612].

Образовавшаяся ситуация заслуживает ассоциации с зеркалом, заглядывая в которое **каждый** исследователь «видит» **свое** понимание искомого усмотрения в **атмосфере отсутствия доказывания** того, что **доктринальная неопределенность** в научных исследованиях **неизбежно не распространяется** на **ежедневное**

⁷ Об их сути подробнее см.: [4, с. 85–139, 542–546]. Обращает на себя внимание, что **описательный** режим доминирует в юридической науке до **настоящего времени**, хотя оправданно еще раз отметить, что **проходит** уже первая четверть **21-го века**. Поэтому **невольно** складывается впечатление, что **неопределенность** административного усмотрения, сформировавшаяся за **многие столетия**, чем-то даже привлекательна как для научного юридического сообщества, так и для отдельно взятых должностных лиц исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления.

применение действующего законодательства. Соответственно, *не встретилось подтверждения* и того, что подобное правоприменение продуцирует *всегда* благоприятные последствия для человека, общества в целом и образованного им государства.

Напротив, как представляется, в том числе «*благодаря*» отмеченной неопределенности, *приходится беспристрастно констатировать* пролонгацию в *естественности* правовой действительности *двух* прикладных результатов. Они назывались в ответе на первый вопрос. Уместно несколько детализировать каждый из результатов. Один из них *нравственно* оправдан, так как отображает административное усмотрение, влекущее *законные* решения должностных лиц⁸. Другой безнравственен, ибо выражает административное усмотрение, формализующее *незаконные* решения. Вместе с тем представляется, что *каждый вариант* предопределяет *универсальную юридическую* аналитику.

Своего рода стержнем или ядром, слагающим отмеченную универсальность в сознании в целом, а значит, и в его части в виде правосознания, выступает *естественная нераздельность естественных идеальных и эквивалентных* категорий субъективных прав и обязанностей. Они, во-первых, *безостановочно* динамично функционируют, а во-вторых, позволяют ощущать *координаты направленности конкретного* акта административного усмотрения и *наступающие результаты*. Важно *особо подчеркнуть*, что это происходит *во всем многообразии* государственного управления, осуществляемого исполнительными органами государственной

власти и органами местного самоуправления, *неизбежно* охватывающего муниципальное управление. Соответственно, оно *не может быть лишенным* своей формы, неотделимой от содержания.

Средоточием этого управления в виде упорядочивающего *умозрительного* взаимодействия, с одной стороны, государства, а с другой – отдельно взятого физического или юридического лица, формирующего отмеченные форму и содержание, выступает механизм административных правоотношений [6, с. 119–361]. Правовая теория, в *частности* административного права, *не знает* этой логической конструкции, соответственно, *не использует* ее аналитический потенциал. Притом, что он (механизм) *самым непосредственным образом* связан с *внутриличностными* нравственными ощущениями совести и вины за принимаемые решения [5, с. 215–389].

Обоснованность приведенных доводов подтверждается примерами из судебной практики⁹. Итак:

1. Межрайонная инспекция налоговой службы обратилась в суд с административным иском о взыскании с Д. недоимки по налогу на имущество физических лиц.

2. И. обратился в суд с административным иском о присуждении (или взыскании) компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок.

3. Л. обратился в суд с административным иском о признании кадастровой стоимости земельных участков равной их рыночной стоимости. Его доводы мотивированы завышением кадастровой стоимости, а как следствие – и земельного налога.

⁸ В данном случае под решениями *обобщающе* имеются в виду, в том числе, различного рода индивидуальные резолюции и распоряжения, а также принимаемые иные ненормативные и нормативные правовые акты.

⁹ Использование примеров обусловлено целью *повышения наглядности* предлагаемых рассуждений. Ко всему прочему, примеры из судебной практики, несмотря на их обезличивание, *служат убедительным доказательством реальности и нераздельности* режима правовой динамики и режима правовых ощущений. Поэтому *неизбежное* возрастание объема настоящей статьи представляется оправданным.

4. Межрайонный прокурор обратился в суд с административным иском с заявлением о признании незаконным бездействия администрации муниципального образования. Оно выразилось в необеспечении ряда земельных участков инженерными коммуникациями системы газоснабжения, что затрудняет строительство жилья многодетными семьями. Прокурор просил возложить на ответчика обязанность по устранению указанного нарушения.

5. М. обратился в суд с административным иском с заявлением об оспаривании решения городской Думы, установившей коэффициенты для расчетов арендной платы за земельные участки, государственная собственность на которые не разграничена. Он полагал, что оспариваемый нормативный правовой акт противоречит федеральному законодательству, ибо ставка в размере 3 % от кадастровой стоимости земельного участка экономически не обоснована.

Обозначенные *пять* фабул, *безусловно*, отображают *малую толику* всех споров физических и юридических лиц с органами власти различного уровня, как по количеству, так и по направленности. Тем не менее, они позволяют сформулировать ряд *концептуальных* положений, углубляющих понимание административного усмотрения.

Так, *вполне очевидно*, что в *каждом* из сюжетов имеет место межличностное общение между указанными *реальными* и *конкретными* лицами¹⁰. Кроме того,

в *каждом* сюжете со стороны должностных лиц органов исполнительной власти и местного самоуправления имело место административное усмотрение. Судя по всему, это явление может быть *двух* видов. В одном случае административное усмотрение не требует судебного подтверждения, но может быть оспорено в судебном порядке (примеры 2–5). В другом для реализации предполагаемого решения, *органично* проистекающего из *конкретики* административного усмотрения, необходимо получить судебное санкционирование (пример 1).

При таких обстоятельствах, *безусловно*, подтверждается, что административное усмотрение функционирует в *естественности правовой* действительности, формируемой правовым регулированием, в том числе, за счет идейного содержания правовых норм, относимых к административному праву, и их государственным психическим принуждением в качестве *безальтернативно необходимого* компонента *правового регулирования*. Предположение укрепляется тем, что *нет никаких данных* о возможности административного усмотрения в формате права в целом, и административного права в частности¹¹. Более того, *общепринятая доктринальная концентрация* на системе правовых норм и субъективном праве, служащих *основой* права, существенно ограничивает исследовательское внимание¹². В настоящем случае такое ограничение сказалось на том, что уяснение административного

¹⁰ То обстоятельство, что обозначенное общение подчас протекает в опосредованной форме, не опровергает самого факта межличностного общения. Подобный дуализм свидетельствует о *естественной гибкости* в *нераздельности* формы и содержании государственного управления, осуществляемого исполнительными органами государственной власти, и его неотъемлемой мощи в виде административного усмотрения. Поэтому административное усмотрение и представляет собой не понятийную *абстракцию общепризнаваемой* правовой теории, но всегда *конкретное* явление правового регулирования. В свою очередь это регулирование *абсолютно* лишено *самой возможности* существования *упорядочивающих процессов за пределами естественности* правовой действительности.

¹¹ О различии права и правового регулирования подробнее см.: [7, с. 35, 145–146, 187–304].

¹² Эта *общепринятость* в своей основе *искусственная*, а *главное*, ее рациональность *не доказана*. Поэтому и стало возможным формулирование *десятков* определений понятия «право», о чем отмечалось в ответе на первый вопрос. А в качестве *закономерного следствия неопределенности* права воспроизводится в *десятках* определений административного усмотрения.

усмотрения переведено в плоскость его понятийного толкования.

При этом **бесспорно**, что должностные лица исполнительных органов государственной власти и местного самоуправления, с одной стороны, а физические и юридические лица, фигурирующие в приведенных примерах, с другой имеют **свое** субъективное право, **свои** субъективные интересы и **свои** субъективные свободы. Вместе с тем **некая тождественность** формы **не означает**, что у **каждого** из названных лиц **идентичное содержание** перечисленных категорий. Напротив, оно **всегда различается**.

В силу чего **это содержание** легитимируется взаимодействием субъективных прав и обязанностей в **конкретных** актах непосредственного или опосредованного межличностного общения за счет **естественного режима правовой динамики, неотъемлемого от естественного режима правовых** ощущений указанных категорий. Тем самым осуществляется **упорядочивание субъективного** распоряжения субъективными правами **каждого субъекта каждого отдельно взятого механизма** административных правоотношений. Соответственно, **гипотетические** субъективные интересы и субъективные свободы соподчиняются **юридическим закономерностям** возникновения и развития механизма административных правоотношений¹³.

В связи с чем напрашивается еще одно **концептуальное** предположение о том, что форма и **нераздельное** содержание административного усмотрения наполнено **ментальной комплексностью**. Она складывается в формате **конкретного** механизма административных правоотношений

из идейного содержания правовых норм и их государственного психического принуждения. Это идейное содержание **всегда** в **обобщенном виде** отображает **публичные потребности**, сформулированные государством за счет конкретики субъективных потребностей. Тем самым отмеченное идейное содержание предусматривает **возможность удовлетворения** соответствующих субъективных потребностей. Отсюда следует, что если оно **не отображает** каких-либо потребностей в числе законодательно регулируемых, значит, они **не подлежат** удовлетворению.

Как представляется, кратко изложенное **глубинное** соотношение идейного содержания правовых норм и их государственного психического принуждения с публичными и субъективными потребностями также предстает **знаковым** для уяснения сущности административного усмотрения. Например, соотношение публичных и субъективных потребностей имеет место в **каждом** приведенном сюжете из судебной практики. В частности, публичные потребности заключаются:

– **во взыскании** недоимки по налогу на имущество физических лиц согласно идейному содержанию и государственному психическому принуждению ст. 57 Конституции Российской Федерации, ст.ст. 23, 52, 69, 400–403 Налогового кодекса Российской Федерации (пример 1);

– **в исполнении** судебного акта в разумный срок, как это следует из идейного содержания и государственного психического принуждения ст.ст. 18, 46, 53 Конституции Российской Федерации, ст.ст. 2, 4 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»¹⁴ и ст.ст. 1, 2

¹³ Уместно отметить, что в формате настоящей статьи нет возможности отобразить все **юридические** нюансы возникновения и развития механизма административного правоотношения. Достаточно уточнить, что в указанном выше источнике текст только одного параграфа составляет свыше 100 страниц. В очередной раз **объективно** проявляется, что процессы упорядочивания **не могут** протекать в самом праве, иначе **надо будет** признавать, что **средства** отмеченного упорядочивания в виде права **одновременно** выступают и **противостоят** упорядочиванию. Так **не декларируется**, но **получается** по правилам формальной логики.

¹⁴ Рос. газ. 2007. 6 окт.

Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»¹⁵ (пример 2);

— **в установлении** кадастровой стоимости земельных участков равной их рыночной стоимости в соответствии с идейным содержанием и государственным психическим принуждением ст.ст. 8, 9, 34, 36 Конституции Российской Федерации, ст.ст. 4, 7, 8, 14, 221 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке»¹⁶ (пример 3);

— **в своевременном обеспечении** инженерными коммуникациями системы газоснабжения земельных участков, выделяемых многодетным семьям под строительство жилья, на основании идейного содержания и государственного психического принуждения ст.ст. 7, 40, 130, 132 Конституции Российской Федерации, ст. 16 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹⁷, п. 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 600 «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг»¹⁸ (пример 4);

— **в согласованности** идейного содержания и государственного психического принуждения нормативных правовых актов органов местного самоуправления

с идейным содержанием и государственным психическим принуждением правовых норм ст.ст. 72, 76 Конституции Российской Федерации; ст. 7 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», ст.ст. 2, 397, 65 Земельного кодекса Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации от 16 июля 2009 г. № 582 «Об основных принципах определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и о Правилах определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации»¹⁹ (пример 5).

В свою очередь названные публичные потребности в правоприменительных актах поддаются детализации на субъективные потребности. В таком ракурсе **субъективные** потребности в механизме **конкретного** административного правоотношения, опосредующего приведенные примеры, заключаются:

— у межрайонной инспекции налоговой службы **как представителя** государства, выступающего **единственным** субъектом в механизме индивидуальных конституционных правоотношений, — **во взыскании** недоимки по налогу на имущество физических лиц с **конкретного** должника Д. (пример 1)²⁰;

¹⁵ Рос. газ. 2010. 4 мая.

¹⁶ Там же. 2016. 6 июля.

¹⁷ Там же. 2003. 8 окт.

¹⁸ Там же. 2012. 9 мая.

¹⁹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 30, ст. 3821.

²⁰ Целесообразно напомнить, что выявление и обоснование этого вида механизма правоотношений произведено автором путем **специальной** детализации в **специально** выделенной главе одной из его монографий в объеме почти 200 страниц [6, с. 784–951]. Впоследствии высказанные предположения были дополнены [5, с. 215–342; 6, с. 484–486, 490, 496, 532, 540, 598–625, 645–647, 660–662]. При таких обстоятельствах в формате настоящей статьи представляется возможным ограничиться лишь замечанием о том, что механизм индивидуальных конституционных правоотношений возникает при рождении ребенка и развивается на протяжении **всей жизни** человека. В свою очередь, применительно к юридическому лицу эта логическая конструкция возникает при регистрации и функционирует до прекращения его деятельности.

– у И. – **в исполнении** в разумный срок судебного акта, вынесенного в его пользу (пример 2);

– у Л. – **в установлении** кадастровой стоимости земельных участков, равной их рыночной стоимости (пример 3);

– у неопределенного числа многодетных семей, в защиту которых обратился межрайонный прокурор, – **в своемременном обеспечении** инженерными коммуникациями системы газоснабжения земельных участков, выделяемых им под строительство жилья (пример 4);

– у М. – **в согласованности** с нормативными правовыми актами большей юридической силы идейного содержания и государственного психического принуждения нормативного правового акта городской Думы, установившей, по мнению заявителя, завышенный коэффициент для расчетов арендной платы за земельные участки, государственная собственность на которые не разграничена (пример 5).

Обращает на себя внимание то, что в **каждом** из примеров **публичные** потребности, предусмотренные идейным содержанием **конкретных** правовых норм и их государственным психическим принуждением, через призму механизма **конкретных** административных правоотношений **сопрягаются** с **субъективными** потребностями. Это **умозрительное** единение заслуживает и такого ракурса. Субъективные потребности в **каждом** из примеров **одновременно** предстают публичными потребностями или потребностями государства. Поэтому неудовлетворение субъективных потребностей, очевидно, посредством административного усмотрения и доведение ситуации до конфликта, для разрешения которого потребовалось административное судопроизводство,

по существу представляет собой **отказ** от исполнения государственного волеизъявления²¹.

В развитие приведенной констатации следует привести аргументы **особой важности** для уяснения содержания административного усмотрения.

Во-первых, **наряду** с субъективным правом **неизменно** и **независимо ни от кого** в процессах упорядочивания обозначенного межличностного общения используется **естественная** категория **субъективной обязанности**. Ее суть проявляется в **однозначной реализации** потребностей, выраженных в действиях по **взысканию** (пример 1), **исполнению** (пример 2), **установлению** (пример 3), **обеспечению** (пример 4), **согласованию** (пример 5). Фактически, эти глаголы **глубинно** отображают **конкретику упоминаемой выше субъективной обязанности**. Она **безальтернативно** предназначается для **каждого конкретного** органа государственной исполнительной власти или местного самоуправления, а значит, для **каждого конкретного** должностного лица. И должна реализоваться в формате механизма **конкретного** возникшего и развивающегося административного правоотношения.

Во-вторых, **объективно** следует еще одно **концептуальное** предположение, что государственное психическое принуждение, обеспечивающее идейное содержание соответствующей **совокупности** правовых норм применительно к **каждой конкретной правовой** ситуации, в **первую очередь предназначено для соответствующих должностных лиц**. В таком, по существу, **незримом** соподчинении заключается **иерархичность** государственной власти, а также **иерархичность** государственного управления, осуществляемого

²¹ Если негативность последствий таких действий понимал Петр I, то **современному** научному сообществу, изучающему административное право, это тем более должно быть известно.

исполнительными органами власти и местного самоуправления²².

В-третьих, соответствующие субъективные обязанности, *наглядно* обозначенные в *каждом* из пяти конфликтов, разрешаемых с помощью административного судопроизводства, должны признаваться *приоритетными* для должностных лиц органов исполнительной власти и местного самоуправления. Это значит, что названные лица *в первую очередь обязаны заниматься выбором способов* исполнения указанных обязанностей²³.

В-четвертых, отмеченная *естественная императивность* обязанности для должностных лиц органов исполнительной власти и местного самоуправления объясняется необходимостью осуществления государством родовой обязанности²⁴.

В-пятых, субъективные права, субъективные свободы и субъективные интересы *не только каждого* должностного лица органов исполнительной власти и местного самоуправления, *но и каждого* физического или юридического лица посредством механизма *конкретного* возникновения и развивающегося административного правоотношения вводятся в рус-

ло законодательного регулирования²⁵. Поэтому оправданно полагать, что решения, принимаемые за счет использования административного усмотрения, с одной стороны, будут в максимальной степени наполнены *неизменяемой* логикой возникновения и развития механизма указанного правоотношения. Важно подчеркнуть, что *при необходимости* эта логика *доступна для воспроизведения и контроля*. С другой стороны, закономерности возникновения и развития отмеченного механизма способны к *масштабному* формированию условий, привносящих качество *убедительности* для каждого субъекта механизма административных правоотношений.

Следует особо подчеркнуть, что изложенные воззрения *не снижают* значимости и роли исполнительных органов государственной власти и местного самоуправления²⁶. Вместе с тем они позволяют *четче* отобразить *исполнительские функции непосредственно* государства.

Приведенная детализация, несмотря на краткость, позволяет сформулировать *ряд методических* условий, *обязательных* для *устойчивого* понимания административного усмотрения.

²² Отмеченная незримость, возможно, выступает одной из главных причин *неуспешности* разработки понимания административного усмотрения юридической наукой, которая *общепринято не использует* разработки наук, специализирующихся на изучении сознания, – психологии, нейрофизиологии и философии. Объяснить подобную отстраненность можно лишь тем, что *статика* правовой теории, будучи продуктом сознания, *не способствует* уяснению сущности и значимости режима правовой динамики и режима правовых ощущений, выступающих *неотъемлемым свойством* функционирования сознания и правосознания. Соответственно, названные научные дисциплины *не обретают связующего* аналитического центра, способного стимулировать начало исследовательского *единообразия, при всех отличиях* предмета изучения.

²³ В фактах придания должностными лицами органов исполнительной государственной власти и органов местного самоуправления качества необязательности *своим* должностным обязанностям проявляется признание ими превалирования *своих* должностных прав. Как представляется, таким же способом поступали должностные лица во времена Петра I. Ко всему прочему в приведенной констатации заключаются *исторические причины*, способные объяснить *многовековую* сохранность административного усмотрения, несмотря на *неоднократное изменение типа* российской государственности.

²⁴ О родовой обязанности подробнее см.: [6, с. 795–797, 824–829, 843–845, 859–866; 7, с. 233–234, 307–310, 398, 431–433; 8, с. 456–457].

²⁵ Вместе с тем *не получается* признать, что в науке административного права последовательно производится детализация, в частности свободы выбора между свободой усмотрения и необходимостью подчинения идейному содержанию правовых норм и их государственному психическому принуждению. Напротив, указанная детализация находится за пределами *концентрированного* внимания *всех* научных правовых дисциплин.

²⁶ По крайней мере, *никого не раздражает* наименование «исполнительные органы власти».

Во-первых, требуется **выявление и обоснование** одних и тех же правовых признаков, критериев и параметров, способных **устойчиво и универсально** характеризовать административное усмотрение. Во-вторых, **содержание** этого усмотрения **всецело** зависит от идейного содержания правовых норм Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных и федеральных законов, **каждой** из которых органично присуще свойство государственного психического принуждения. В-третьих, идейное содержание перечисленных правовых норм под воздействием их государственного психического принуждения должно **снова устойчиво, универсально и одновременно** соединяться в **органично целое, глубинно обусловленное** фактологией **каждой** отдельно взятой **конкретной** ситуации, потребовавшей административное усмотрение. В-четвертых, для **каждой** отдельно взятой **конкретной** ситуации **не может использоваться** идейное содержание и государственное психическое принуждение **одновременно всех** перечисленных правовых норм. В-пятых, это значит, что в **каждой** отдельно взятой правовой ситуации административное усмотрение потребует **не всю** правовую систему, но лишь **часть** ее. В-шестых, такая **избирательность независимо от кого-либо** формирует **индивидуальную совокупность** из идейного содержания **конкретных** правовых норм и их государственного психического принуждения. В-седьмых, подобная совокупность **способна образовываться только** в формате **возникающего и развивающегося конкретного** механизма административных правоотношений.

Таким образом, **неотъемлемо закономерная динамика** возникновения

и развития обозначенной логической конструкции механизма правоотношений формирует предпосылки к **единообразным** ее **ощущениям** субъективным сознанием и коллективным мировоззрением относительно того, **что** происходит в **каждой отдельно взятой** правовой ситуации, **каким образом** и **для чего** задействовано административное усмотрение. Причем **обязательность** изложенного **аналитического дисциплинирования** должна распространяться в **первую очередь** на **научные исследования**.

Как следствие, **доктринальное единообразие** в качестве причины будет влиять на правоприменительные результаты в деятельности должностных лиц органов исполнительной государственной власти и органов местного самоуправления. Соответственно, становится возможной обстановка **минимизирования** незаконных **усмотренческих** интерпретаций сущности административного усмотрения.

Оправданно отметить, что в **многочисленных** (десятках, как утверждается в вопросе) определениях понятия административного усмотрения **даже не предполагается** изложенное его видение.

Возрастает уверенность в том, что в методике осмысления названного усмотрения **реально** имеет место **не всестороннее** его **уяснение**, а **всего лишь** субъективное **толкование** дефиниции. Такие подходы, **судя по всему**, достаточны для написания статей и монографий²⁷. В то же время они **абсолютно непригодны** для **прикладного** системно конкретного использования **во всем многообразии** правовых ситуаций государственного управления в деятельности исполнительных органов государственной власти и местного самоуправления²⁸.

²⁷ По существу, имеет место **доктринальная и не решаемая** задача отделения наукоемкости от наукообразия.

²⁸ Представляется, что **каждый** читатель **имеет полную свободу не согласиться** с существованием обозначенных **закономерных зависимостей**, на которых основано административное усмотрение, с условием **обязательного** приведения **соответствующего доказывания**, задействующего **не только** описательный режим, но детализацию **естественного** режима правовой динамики и **естественного** режима правовых ощущений.

Объяснением этому служит *одна об-щая* уязвимость воззрений на административное усмотрение. В них *не отражается системная конкретизация претворения* высказываемых идей и слов *в системной конкретике дел* при принятии управленческих решений. Тем самым научные рассуждения существуют *сами по себе, не отображая* внутриличностного формирования административного усмотрения. Оправданно *еще раз* обратить внимание *на истоки подобной непрозрачности*, которые заключаются в *неизучении* режима правовой динамики, *неотъемлемого* от режима правовых ощущений.

Следует учитывать, что аналитический потенциал механизма административных правоотношений *не замыкается на содержании собственных* конструктивных элементов²⁹. С его помощью становится возможным *умозрительно* погрузиться на *глубину закономерного взаимодействия* возникающего и развивающегося *конкретного* механизма административных правоотношений с возникновением и развитием *еще трех других конкретных* видов механизма правоотношений. Детализация их *взаимосвязи схематично* может быть представлена следующим образом:

— механизм административных правоотношений *непосредственно* обеспечивает межличностное общение соответствующих и *всегда конкретных* должностных лиц органов исполнительной государственной власти и органов местного самоуправления с конкретными физическими лицами, а также с представителями юридического лица [6, с. 119–362]³⁰;

— *вместе с тем* приходится учитывать, что между *каждым* обозначенным должностным лицом и названным орга-

ном, в котором оно исполняет свои полномочия, возникает и на *протяжении всего времени работы* развивается механизм *конкретного* служебного правоотношения [5, с. 660; 6, с. 310–314, 519–520, 844, 977 и др.; 7, с. 432–439, 668, 774, 746 и др.];

— *кроме того, каждый конкретный* механизм административных правоотношений и *каждый конкретный* механизм служебных правоотношений выступает *неотъемлемой* частью *каждого отдельно взятого развивающегося* механизма индивидуальных конституционных правоотношений;

— *более того, снова приходится исходить* из наличия механизма *двух* индивидуальных конституционных правоотношений — как должностного лица органов исполнительной государственной власти и органов местного самоуправления, так и *конкретного* физического или юридического лица. Эти логические конструкции *своим содержанием органично взаимосвязаны* применительно к *конкретной* правовой ситуации. Обозначенная *юридическая* связь осуществляется за счет возникновения и развития механизма названных выше видов правоотношений.

Вообще-то, *аналитически на первое место* следовало поставить механизм индивидуальных конституционных правоотношений, выступающий *фундаментом всего* правового регулирования, на второе — механизм служебных правоотношений, а на третье — механизм административного правоотношения. Условная пирамида «перевернута» *вынужденно* из-за *доктринальной неведомости* сущности правоотношения, его механизма, *видовых* различий, а также *иерархических зависимостей* между ними.

²⁹ Оправданно напомнить, что ранее была *детально* обоснована *универсальная и неизменяемая* структура механизма *любого* вида правоотношений. Она включает объект, субъектов, их правовые статусы, а также взаимность и паритетность субъективных прав и обязанностей [8, с. 96–444].

³⁰ Уместно еще раз отметить, что такое общение может быть и опосредованным.

Изложенные доводы *бесстрастно* свидетельствуют о том, что административное усмотрение в *каждой* правовой ситуации *обязано приоритетно приспособляться* к исполнению *конкретной обязанности* через призму механизма перечисленных видов правоотношений. Примерный образ *конкретики* этой обязанности обозначен в *каждом* из пяти приведенных выше примеров. Это означает, что у соответствующих должностных лиц их служебные *права*, а также субъективные *интересы* и субъективные *свободы на усмотрение* не могут преодолевать пределов механизма административных правоотношений с учетом того, что эти пределы взаимообусловлены и взаимосвязаны с перечисленными видами механизма конкретных правоотношений. Основанием их *органичной естественной* и *глубинной* взаимосвязи выступают родовая обязанность государства, структурная иерархия государственной власти, в том числе продуцирующая власть органов местного самоуправления, а также взаимность и паритетность субъективных прав и обязанностей, опосредующих удовлетворение соответствующих субъективных и социальных потребностей.

Таким образом, из приведенных доводов *объективно* вырисовываются очертания *юридической аналитической универсальности*. По крайней мере, в них *объективно* проявляются *умозрительные устойчивые связи и зависимости по одним и тем же* правовым показателям «внутри» *индивидуально образующейся* совокупности идейного содержания право-

вых норм и их государственного психического принуждения с учетом того, что *умозрительность* отмеченной совокупности *целенаправленно предназначается* для *фактологии конкретной* ситуации³¹. Тем самым в этой *естественной* обусловленности *объективно* проступает наличие *правовых* закономерностей. Необходимо *еще раз* и *специально подчеркнуть*, что они *не приемлют хаотичности*, в том числе исследовательской, но *сами по себе естественным* образом способны *упорядочивать* административное усмотрение³².

Высказанные доводы, ко всему прочему, *одновременно* и *бесстрастно* проясняют гносеологические истоки *вряд ли оспоримого* положения, что юридическая наука в целом *обязана формировать обучающий продукт*. Например, научное сообщество, изучающее административное право, *обязано приоритетно* заниматься выявлением и обоснованием обозначенной выше *универсальной юридической* методики осуществления полномочий должностными лицами органов исполнительной государственной власти и органов местного самоуправления. Без этого оно *не будет способным* предлагать научные результаты, *действительно влияющие на формирование нравственного правосознания* должностных лиц органов государственной власти и органов местного самоуправления. Соответственно, становится проблематичным уяснение и использование *юридических* закономерностей в режиме правовой динамики и режиме правовых ощущений³³. Как следствие, *без единения* научного

³¹ Наличие таких связей и зависимостей *никогда* не отрицалось, но их *суть до настоящего времени не детализирована*. В результате в понимании административного усмотрения *неизбежно* сформировалась *доктринальная незавершенность*.

³² Объясняются такие способности *естественностью* социальной действительности, на пространстве которой *многие тысячелетия* до образования государств *естественные* и *идеальные* субъективные права и обязанности опосредовали *все многообразие* межличностного общения соответствующего времени и пространства в родоплеменной организации субъективного и социального благополучия.

³³ Ради *конкретики* справедливости оправданно отметить, что *юридические закономерности по традиции* не являются приоритетом для юридической науки в целом, а для науки административного права в частности.

и практического опыта по *усвоению* отмеченных закономерностей, судя по всему, невозможно совершенствование понимания административного усмотрения.

Знание правовых закономерностей, *универсально* функционирующих на пространстве *естественности* правовой действительности, обретает *особую* актуальность, так как они способны *всесторонне* стимулировать *совершенствование правосознания* не только у должностных лиц названных органов власти, но также у рядовых граждан и административного персонала различных юридических лиц³⁴.

При таких обстоятельствах возникает особая необходимость *изучения сущности* правового регулирования, а не права, которое *объективно* представляет собой *необходимую*, но *лишь часть* названного регулирования. Во всяком случае, меры правовой политики *объективно* подразумевают *не только* наличие *статики* системы правовых норм (она есть *доктринальное* средоточие теории права), но и *последовательное* ее *претворение* в *естественности* правовой действительности за счет осуществления правового регулирования. В контекстах изложенного неопределенности административного усмотрения выступают *локальным* подтверждением *доктринального* неосмысления отмеченной последовательности.

Тем самым *подтверждается* предположение об *отсутствии доктринальной* ясности как с методикой правового познания, так и с научной ценностью получаемых результатов. Оправданно еще раз подчеркнуть, что критические оценки *неизбежно* охватывают всю теорию права.

Обращает на себя внимание то, что предлагаемая методическая корректировка основана на отображении *юридических закономерностей*, привносящих *взаимно*

нравственно оправданную юридическую «технологию» в общение *каждого* должностного лица органов государственной власти и органов местного самоуправления с *каждым* так называемым «маленьким человеком». Но для того, чтобы обрести такие способности, *опять же*, наука административного права *обязана целенаправленно максимально* детализировать и *единообразно* структурировать суть обозначенной *универсальности*.

Перспектива заключается в *постепенном снижении* числа незаконного административного усмотрения, а значит и конфликтов, возникающих у обозначенных органов власти с гражданами и юридическими лицами, учитывая, что административное усмотрение *ментально* погружено в *примерный* перечень судебных споров, предусматриваемых идейным содержанием и государственным психическим принуждением правовых норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации³⁵. Ко всему прочему *не получается* признать, что судебное усмотрение *предшествует* административному усмотрению, и что содержательное соотношение между этими формами активно разрабатывается наукой административного права.

Современное юридическое научное сообщество в своей основе *неравнодушно*, но *комплиментарно* относится к категории свободы. Вместе с тем делается это *без детализации* ее *юридической* сути в *естественном* режиме ее правовой динамики и таком же *естественном* режиме ее правовых ощущений, без предоставления *доказывания*, что свобода *не обладает* динамикой и *не поддается* ощущениям. В силу этого *каждый* читатель имеет полную творческую свободу проверить, насколько определения

³⁴ Эти вопросы предопределяют самостоятельную детализацию.

³⁵ Соответственно, при разрешении *любого* подобного конфликта ресурсами административного судопроизводства материализуется судебное усмотрение. Оно также обязано учитывать закономерности возникновения и развития механизма административных правоотношений.

понятия административного усмотрения, приведенные в вопросе, корреспондируют изложенным доводам, и, в частности, отображаются ли в них форма и содержание административного усмотрения.

Соответственно, **каждый** имеет свободу не согласиться с предложенным видением административного усмотрения и продолжать в **последующих десятилетиях** «сочинять» **новые десятки** определений. Как вариант, можно использовать

все вышеизложенные доводы для формулирования **отличающегося** определения. Вместе с тем представляется, что эта задача не является **особо** актуальной. Главное, необходимо разобраться в зримой и умозраительной детализации административного усмотрения, без чего **невозможно качественное** обобщение, к которому в том числе относится искомое определение.

(Продолжение следует)

Список литературы

1. Чабан Е. А. Административное право. В 10 т. Т. 3. Теория административного усмотрения. М. : Евраз. акад. адм. наук, 2014. 280 с.
2. Серков П. П. Административное право, административное судопроизводство и механизм правоотношения // Журнал административного судопроизводства. 2016. № 1. С. 14–24.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 30 т. Т. 15. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1959. 795 с.
4. Серков П. П. Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики). В 2 ч. Ч. 2. М. : Норма, 2023. 672 с.
5. Серков П. П. Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования). М. : Норма, 2020. 688 с.
6. Серков П. П. Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования). В 3 ч. Ч. 2. М. : Норма, 2018. 1088 с.
7. Серков П. П. Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики). В 2 ч. Ч. 1. М. : Норма, 2023. 872 с.
8. Серков П. П. Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования). В 3 ч. Ч. 1. М. : Норма, 2018. 512 с.

References

1. Chaban E. A. *Administrative Law. Vol. 3. Theory of Administrative Discretion*. Moscow: Eurasian Academy of Administrative Sciences Publ.; 2014. 280 p. (In Russ.).
2. Serkov P. P. Administrative Law, Administrative Proceedings and Mechanism of Legal Relations. *Journal of the Administrative Proceedings*. 2016;1:14-24. (In Russ.).
3. Marx K., Engels F. *Compositions. T. 15*. 2nd ed. Moscow: Gospolitizdat Publ.; 1959. 795 p. (In Russ.).
4. Serkov P. P. *Legal Relationship (Theory and Practice of Modern Legal Policy). Part 2*. Moscow: Norma Publ.; 2023. 672 p. (In Russ.).
5. Serkov P. P. *Legal Relationship (Morality of Modern Legal Regulation)*. Moscow: Norma Publ.; 2020. 688 p. (In Russ.).
6. Serkov P. P. *Legal Relationship (Theory and Practice of Modern Legal Regulation). Part 2*. Moscow: Norma Publ.; 2018. 1088 p. (In Russ.).
7. Serkov P. P. *Legal Relationship (Theory and Practice of Modern Legal Policy). Part 1*. Moscow: Norma Publ.; 2023. 872 p. (In Russ.).
8. Serkov P. P. *Legal Relationship (Theory and Practice of Modern Legal Regulation). Part 1*. Moscow: Norma Publ.; 2018. 512 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Юрий Петрович Соловей, ректор Сибирского юридического университета (ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской

ABOUT THE AUTHORS

Yury P. Solovey, Rector of the Siberian Law University (12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russian Federation), Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/123456789>

Федерации; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0114-6234>; e-mail: rector@siblu.ru;

Петр Павлович Серков, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Москва, Российская Федерация)

orcid.org/0000-0002-0114-6234; e-mail: rector@siblu.ru;

Petr P. Serkov, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

Поступила | Received
17.02.2023

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
03.03.2023

Принята к публикации | Accepted
31.03.2023

УДК 342.951:351.743

DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-1-25-36

EDN: OBRCNQ

*Оригинальная научная статья***Административно-правовой статус добровольной дружины в период действия военного положения****А. В. Хромов** *Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,**Санкт-Петербург, Российская Федерация*✉ khromov-av@ranepa.ru

Аннотация. Предметом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе деятельности добровольных дружин в период военного положения, в том числе возможность их привлечения правоохранительными и иными органами к выполнению государственных задач по обеспечению общественного порядка и национальной безопасности. Цель работы – определение теоретико-прикладных проблем правового регулирования административно-правового статуса добровольной дружины в период действия военного положения. При написании статьи использованы формально-юридический, историко- и сравнительно-правовой, логические методы. Актуальность темы связана с отсутствием ясного и четкого механизма создания и функционирования добровольных дружин именно в период действия военного положения. На законодательном уровне не определена их компетенция (полномочия, формы и акты реагирования на нарушения законов физическими и юридическими лицами) в процессе обеспечения общественного порядка на подконтрольной территории. Констатируется факт отсутствия единого терминологического ряда при формировании правовой основы деятельности добровольных дружин. В основной части статьи обоснован вывод, что такие добровольные общественные организации с учетом их базовых характеристик следует именовать в нормативных правовых актах независимо от направленности их действия как «добровольная народная дружина». Представлен сравнительный анализ правового статуса добровольной дружины и добровольческих формирований. Сделан вывод, что они не соотносятся как общее и частное, добровольческое формирование в силу специфики целей образования, функционирования и финансирования не является разновидностью добровольных дружин. Обоснован вывод о том, что добровольные дружины должны активно использоваться правоохранительными органами для обеспечения усиления общественного порядка в период военного положения. Поднят вопрос о необходимости конкретизации в нормативных правовых актах административно-правового статуса добровольных дружин именно в период военного положения. Вносятся предложения о механизме правового регулирования полномочий добровольных дружин и социально-правовой защищенности дружинников при выполнении ими государственных задач в указанных условиях.

Ключевые слова: добровольная дружина, народная дружина, военное положение, добровольческие формирования, административно-правовой статус добровольной дружины, общественный порядок, органы внутренних дел, полиция

Для цитирования: Хромов А. В. Административно-правовой статус добровольной дружины в период действия военного положения // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 1. С. 25–36. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-1-25-36>. EDN: <https://elibrary.ru/obrcnq>

Original scientific article

Administrative-legal Status of a Voluntary Squad During Martial Law

A. V. Khromov

North-West Institute of Management
of the Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Saint Petersburg, Russian Federation
✉ khromov-av@ranepa.ru

Abstract. The subject of the research is social relations that arise in the course of the activities of voluntary squads during martial law, including the possibility of their involvement by law enforcement and other bodies in the performance of state tasks to ensure public order and national security. The purpose of the work is to determine the theoretical and applied problems of legal regulation of the administrative-legal status of a voluntary squad during the period of martial law. When writing the article, formal-legal, historical-and comparative-legal, logical methods were used. The relevance of the topic is associated with the lack of a clear and even mechanism for the creation and functioning of voluntary squads precisely during the period of martial law. At the legislative level, their competence (powers, forms and acts of responding to violations of laws by individuals and legal entities) in the process of ensuring public order in the controlled territory is not defined. The fact of the absence of a single terminological series in the formation of the legal basis for the activities of voluntary squads is stated. The main part of the article substantiates the conclusion that such voluntary public organizations, taking into account their basic characteristics, should be referred to in regulatory legal acts, regardless of the direction of their action, as a “voluntary people's squad”. A comparative analysis of the legal status of a voluntary squad and volunteer formations is presented. It is concluded that they do not correlate as general and private, voluntary formation, due to the specifics of the goals of education, functioning and financing, is not a kind of voluntary squads. The conclusion is substantiated that voluntary squads should be actively used by law enforcement agencies to ensure the strengthening of public order during martial law. The question is raised about the need to specify in the normative legal acts the administrative and legal status of voluntary squads precisely in the period of martial law. Proposals are made on the mechanism of legal regulation of the powers of voluntary teams and the social and legal protection of combatants when they perform state tasks under these conditions.

Keywords: voluntary squad, folk squad, martial law, volunteer formations, administrative-legal status of a voluntary squad, public order, internal affairs bodies, police

For citation: Khromov A. V. Administrative-legal Status of a Voluntary Squad During Martial Law. *Siberian Law Review*. 2023;20(1):25-36. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-1-25-36>. EDN: <https://elibrary.ru/obrcnq> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Одним из основных направлений деятельности полиции как правоохранительного органа является обеспечение общественного правопорядка. Реализация возложенных на полицию государственных задач невозможно без тесного сотрудничества и взаимодействия с общественными

объединениями и социально-активными гражданами.

Обязательным элементом правового государства и гражданского общества выступает взаимодействие публичной власти и общественности в обеспечении общественного порядка и общественной безопасности, вовлеченность рядовых

граждан в реализацию государственной правоохранительной деятельности на добровольных безвозмездных началах [1, с. 116].

Следует отметить, что идея привлечения населения к решению задач охраны правопорядка в нашем государстве имеет исторические корни, начиная с дореволюционного периода. Практически на всем протяжении становления Российского государства граждане принимали активное участие в защите государственного суверенитета, национальной безопасности и обеспечении общественного порядка. Так, еще в 1881 г. в Москве была учреждена добровольная народная дружина как «форма участия общественности в борьбе с преступностью и профилактике правонарушений» [2, с. 49].

На современном этапе развития Российской Федерации законодатель также гарантирует гражданам участие в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности в составе народных дружин (ст. 1 Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка»¹ (ред. от 14 июля 2022 г.) (далее – Федеральный закон № 44-ФЗ)). Предусмотрен механизм создания народных дружин при подразделениях пограничных органов по защите государственной границы Российской Федерации (п. 5 приказа ФСБ РФ от 17 ноября 2010 г. № 566 «Об организации работы пограничных органов с добровольными народными дружинами по защите государственной границы Российской Федерации»²).

Как приоритетное направление в Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации на период до 2025 года отмечено «содействие

органам внутренних дел и иным правоохранительным органам в охране общественного порядка в добровольных народных дружинах»³.

В то же время, характеризуя правоспособность народных дружинников ученые отмечают, что на современном уровне правового регулирования административно-правового статуса добровольных дружин не определен механизм реализации отдельных полномочий дружинников, в том числе в период военного положения [3, с. 128]. До сих пор в Российской Федерации отсутствуют единый нормативный правовой акт, определяющий правовую природу добровольных дружин, их типологизацию, основные сферы взаимодействия правоохранительных, военных государственных органов и добровольных дружин, юридические возможности их членов, а также минимальный гарантированный государством уровень социально-правовой и экономической защищенности дружинников. Не регулирует особенности административно-правового статуса добровольных дружин в период военного положения и российское законодательство в сфере обороны и безопасности. Вышеназванные пробелы не восполнены и нормативными правовыми актами о создании и применении добровольческих формирований, содействующих выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ, принятыми и введенными в действие в 2022 г. (Федеральный закон от 4 ноября 2022 г. № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴).

Следовательно, вопрос об административно-правовом статусе добровольных дружин в период военного положения

¹ *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2014. № 14, ст. 1536.

² *Рос. газ*. 2011. 12 янв.

³ *Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года* : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 27 дек. 2018 г. № 2950-р // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2018. № 53, ч. 2, ст. 8791.

⁴ *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2022. № 45, ст. 7664.

на современном этапе развития международных отношений является актуальным для проведения теоретико-прикладных исследований.

**«ДОБРОВОЛЬНАЯ ДРУЖИНА»
И «ДОБРОВОЛЬНОЕ ФОРМИРОВАНИЕ»:
СООТНОШЕНИЕ ФОРМ ДОБРОВОЛЬНЫХ
ОБЪЕДИНЕНИЙ В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ
ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ**

Введение федеральным законодателем с 24 февраля 2022 г. такого правового института, как добровольное формирование, актуализировало проблему административно-правового статуса добровольной дружины в период военного положения. Следует еще раз подчеркнуть, что в отечественной юридической науке отсутствуют комплексные исследования, посвященные деятельности рассматриваемой формы добровольческих объединений в период военных действий (войны, военной мобилизации, военной специальной операции). Практически все научные труды посвящены анализу деятельности добровольных дружин в мирных условиях жизнедеятельности российского государства и общества. Административно-правовому статусу добровольных (народных) дружин посвящено достаточное количество научных трудов таких представителей юридической науки, как В. А. Джемелинского, И. А. Зайцева, О. И. Кривовой, С. А. Майоровой, А. В. Морина, В. М. Мутина, Е. А. Николаенко, Т. В. Пилюгиной, И. В. Потапенковой, Р. А. Прощалыгина, А. Г. Репьева и др. Но только эпизодически в исторических очерках указывается на роль добровольных дружин в период Великой Отечественной войны.

Современное российское государство сохранило зародившуюся и укрепившуюся в советское время тенденцию образования и деятельности добровольных дружин в таких областях, как обеспечение общественного порядка, защита государ-

ственной безопасности и обеспечение пожарной безопасности. В то же время российский законодатель в процессе правового регулирования добровольных дружин не внес единообразия в терминологию в отношении рассматриваемой формы общественных объединений. Нормы гражданского законодательства о юридических лицах не содержат прямого указания на возможность образования некоммерческой организации и прежде всего общественного объединения в форме добровольной дружины. При принятии и введении в действие в 1995 г. новой гражданско-правовой концепции об общественных объединениях российский законодатель отказался от идеи правовой и государственной поддержки добровольных дружин по обеспечению общественного порядка, признав действовавшие ранее нормативные правовые акты об их деятельности утратившими силу. Федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»⁵ (ред. от 5 декабря 2022 г.) не предусматривались создание и деятельность дружин и иных общественных объединений граждан по охране правопорядка. И только в 2014 г. российский законодатель, обратив внимание на необходимость установления правовых основ взаимодействия общественности и органов внутренних дел в обеспечении общественного порядка, принял Федеральный закон № 44-ФЗ, в рамках которого определена правовая природа народной дружины как формы участия граждан в охране общественного порядка.

Следует обратить внимание, что в терминологическом ряду названий таких общественных объединений произошли серьезные изменения. Разработчики Федерального закона № 44-ФЗ отказались от такой характеристики, как добровольная. В настоящее время общественное объединение, основанное на членстве

⁵ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 21, ст. 1930.

и участвующее в охране общественного порядка во взаимодействии с органами внутренних дел (полицией) и иными правоохранительными органами, органами государственной власти и органами местного самоуправления, именуется «народная дружина» (ст. 2 Федерального закона № 44-ФЗ). В Федеральном законе от 6 мая 2011 г. № 100-ФЗ «О добровольной пожарной охране»⁶ (ред. от 29 декабря 2022 г.) при определении форм общественных учреждений применяются понятия «добровольные пожарные команды» и «добровольные пожарные дружины». Приказом ФСБ РФ от 17 ноября 2010 г. № 566 «Об организации работы пограничных органов с добровольными народными дружинами по защите государственной границы Российской Федерации» предусмотрена возможность привлечения граждан к защите государственной границы в форме добровольной народной дружины по защите государственной границы. При этом разработчики указанного подзаконного акта используют при определении названия такого взаимодействия пограничной службы и общественности два названия: «добровольная народная дружина» и «народная дружина», отождествляя их между собой.

Таким образом, на нормативно-правовом уровне отсутствует единый подход при определении унифицированного названия таких добровольческих объединений, отражающих взаимодействие соответствующего государственного правоохранительного (военного) органа и общественности в процессе обеспечения национальной, пожарной безопасности и общественного порядка. Думается, что исходя из целей их создания и деятельности логичным следует признать их наименование как «добровольные народные дружины». Признак добровольности отражает внегосударственный способ инициирования образования и функционирования таких общественных объединений,

народность характеризует их субъектный состав. Так, учредителями и участниками дружин являются физические лица с учетом требований российского законодательства об их образовании. Термин «добровольная народная дружина» следует признать системообразующим (объединяющим) для народных дружин, обеспечивающих общественный порядок, добровольных пожарных дружин, народных дружин по защите государственной границы. Добровольная народная дружина (форма взаимодействия граждан и государства в процессе реализации значимых государственных функций и задач в области обеспечения территориального государственного университета, национальной и пожарной безопасности, общественного порядка как в мирное время, так и на период объявления военного положения) прямо как организационно-правовая форма общественных объединений не закреплена в разделе I Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (ред. от 5 декабря 2022 г.). С учетом положений ст. 8 данного федерального закона они признаются общественными организациями, основанными на объединении граждан в целях совместной деятельности по защите общих интересов и достижении уставных целей. В тоже время положения об общественных организаций не отражают специфику административно-правового статуса добровольных народных дружин. Вносится предложение о дополнении раздела I Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ (ред. от 5 декабря 2022 г.) «Об общественных объединениях» самостоятельной ст. 17.1, отражающей базовые принципы создания и деятельности такой общественной организации без привязки к определенной сфере взаимодействия с государством, но с определением роли и места добровольной народной дружины в период военного положения.

⁶ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 19, ст. 2717.

Необходимо различать административно-правовой статус добровольных народных дружин и добровольческих формирований, деятельность которых на территории Российской Федерации узаконена с 2022 г. Добровольные народные дружины являются разновидностью общественных объединений, формируются по инициативе граждан для оказания вспомогательной помощи органам государственной власти и местного самоуправления по охране общественного порядка, государственной границы, в профилактике и тушении пожаров, проведении аварийно-спасательных работ в организациях. Добровольные народные дружины — это коллективные формы взаимодействия представителей общественности и государства с фактическим (реальным) практическим участием граждан в реализации вышеуказанных задач.

Содействие выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ, в период действия военного положения оказывают добровольческие формирования, решение о создании которых относится к исключительной компетенции Президента РФ. В состав добровольческих формирований входят граждане РФ, добровольно поступившие в добровольческие формирования, а также военнослужащие, направленные в них Минобороны России. С одной стороны, добровольческие формирования отражают взаимодействие общественности и органов государственной военной направленности по обеспечению национальной безопасности и обороны, но, с другой стороны, организация их деятельности осуществляется по инициативе государства. Количественный и качественный состав добровольческих формирований, стоящие перед ними задачи, порядок управления ими, срок функционирования, порядок прекращения и иные вопросы определяются не фактическими участниками (гражданами), а Министерством обороны Российской Федерации, исходя

из задач, стоящих перед Вооруженными Силами Российской Федерации. Следовательно, добровольческие формирования не являются разновидностью добровольных народных дружин. По своей правовой природе они не могут быть признаны общественными объединениями.

В то же время российское законодательство не исключает возможности деятельности наряду с добровольческими формированиями добровольных народных дружин в период военного положения. На федеральном уровне только запрещено создание народных дружин при политических партиях, религиозных объединениях, создание и деятельность политических партий и религиозных объединений в народных дружинах (ч. 9 ст. 12 Федерального закона № 44-ФЗ). Указанные ограничения соответствуют целям образования и функционирования добровольных народных дружин в Российской Федерации.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ДОБРОВОЛЬНОЙ ДРУЖИНЫ В ПЕРИОД ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

В определении административно-правового статуса добровольной дружины, в том числе в период военного положения, отсутствует единообразие, унификация и систематизация действующих норм. По отношению к каждому типу добровольной народной дружины в зависимости от правового статуса государственного органа, его назначения в обеспечении стабильного функционирования государства, поставленных перед ним задач и целей разрабатываются нормативные правовые акты, характерные только для указанной области. Так, взаимодействие органов внутренних дел с институтами гражданского общества по обеспечению общественного порядка осуществляется на основе требований,

установленных федеральным законодательством и внутриведомственными нормативными правовыми актами МВД России.

В процессе сотрудничества с общественными объединениями и гражданами в рамках реализации своих полномочий сотрудники полиции руководствуются Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными и федеральными законами, и прежде всего базовым Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»⁷ (далее – Закон № 3-ФЗ), подзаконными актами федерального уровня (Президента РФ, Правительства РФ) и непосредственно внутриведомственными правовыми актами Министерства внутренних дел Российской Федерации, отдельными законами субъектов Российской Федерации по вопросам охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности (при их наличии и действии).

Правовые основы взаимодействия органов внутренних дел с народными дружинами указаны в двух Федеральных законах: № 3-ФЗ и № 44-ФЗ. Последний нормативный правовой акт закрепляет основные направления деятельности граждан по охране общественного порядка как «одного из важнейших условий создания благоприятной окружающей среды в местах пребывания граждан» [4, с.174]. Как уже отмечалось ранее, вышеуказанный федеральный закон наделил граждан правом состоять в народной дружине

и участвовать в охране общественного порядка в рамках предоставленных им полномочий.

Правовую основу взаимодействия полиции с гражданами и общественными объединениями по обеспечению общественного порядка составляют федеральный и региональные кодексы (кодексы субъектов РФ) об административных правонарушениях (административной ответственности)⁸, внутриведомственные акты МВД в рассматриваемой сфере⁹, законы субъектов РФ о некоторых вопросах участия граждан в охране общественного порядка на территории определенного субъекта, например, Ставропольского края¹⁰, Алтайского края¹¹, Республики Калмыкия¹².

Указанные законы об участии граждан в осуществлении общественного порядка были приняты в 2014 г. практически всеми субъектами РФ. Цель их – установление правовых основ в указанной сфере в пределах компетенции, отведенной им федеральным законодателем, прежде всего уточнение правового субъекта народных дружин, мер их социальной поддержки и поощрения граждан за участие в деятельности таких форм взаимодействия общественности и полиции по обеспечению общественного порядка.

Таким образом, правовую основу административно-правового статуса добровольных (народных) дружин в охране общественного порядка составляют Конституция Российской Федерации,

⁷ О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 28 дек. 2022г.) // Рос. газ. 2011. 10 февр.

⁸ Об административной ответственности за совершение правонарушений на территории Алтайского края : закон Алт. края от 10 июля 2002 г. № 46-ЗС // Сб. законодательства Алт. края. 2002. № 75, ч. 1. С. 34.

⁹ О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности : приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 (вместе с Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.12.2022).

¹⁰ О некоторых вопросах участия граждан в охране общественного порядка на территории Ставропольского края : закон Ставропол. края от 26 сент. 2014 г. № 82-кз // Ставропол. правда. 2014. 27 сент.

¹¹ Об участии граждан в охране общественного порядка на территории Алтайского края : закон Алт. края от 5 сент. 2014 г. № 69-ЗС // Алт. правда. 2014. 13 сент.

¹² О некоторых вопросах участия граждан в охране общественного порядка в Республике Калмыкия : закон Респ. Калмыкия от 24 сент. 2014 г. № 70-V-3 // Хальмг унн. 2014. 27 сент.

Федеральные законы № 3-ФЗ и № 44-ФЗ, другие федеральные законы и принятые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты Российской Федерации, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, муниципальные нормативные правовые акты.

Поскольку народные дружины создаются в форме общественной организации, порядок их создания определяется Федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях».

Федеральный закон № 44-ФЗ подвергается в научной литературе критической оценке, представителями юридической науки систематично вносятся предложения, направленные на совершенствование административно-правового положения народных дружин и статуса их членов, механизма социальной защищенности участников подобных институтов гражданского общества.

В то же время федеральное конституционное и федеральное законодательство не определяет особенностей административно-правового статуса добровольных дружин в военное положение, цели и задачи деятельности таких общественных организации в указанных условиях. При этом в подп. 1 п. 2 ст. 7 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» в качестве первостепенной задачи названо «усиление охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, охраны военных, важных государственных и специальных объектов, объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения, функционирование транспорта, коммуникаций и связи, объектов энергетики, а также объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей и для окружающей природной среды».

Следует признать значимым сохранение функционирования добровольных народных дружин в период военного по-

ложения как вспомогательного эффективного помощника органов внутренних дел в обеспечении общественного порядка. Как указывает В. Б. Белоусов, «во время Великой отечественной войны активность населения несколько возросла, появились новые формы участия граждан в охране общественного порядка: истребительные батальоны, группы охраны общественного порядка и др.» [5, с. 287].

При наличии пробела в правовом регулировании административно-правового статуса добровольных дружин актуальным следует признать вопрос о способах его восполнения. Ведущим, конечно же, является правотворческий, т. е. путем разработки, принятия и введения в действие новых норм права. Но указанный способ является достаточно трудоемким и длительным. Теоретики предлагают использовать иные способы, в том числе и аналогию. С одной стороны, федеральный законодатель в 2022 г. определился с административно-правовым статусом добровольческих формирований, отдельные положения о которых можно было применить и по отношению к добровольным дружинам и их членам. С другой стороны, аналогия в публичных отраслях права не применима. Остается только один способ устранения имеющихся пробелов в административно-правовом статусе добровольных народных дружин – правотворческий. Именно на законодательном уровне необходимо четко очертить административно-правовой статус добровольной дружины в период военного положения. При этом недопустимо запрещать деятельность таких общественных организаций, так как они могут оказать серьезную поддержку в решении государственных задач, поставленных перед правоохранительными органами. При решении данного вопроса следует учитывать, что «на общий уровень состояния общественного порядка и общественной безопасности внутри страны влияет

не только общая эффективность работы правоохранительных органов, но и то, как граждане проявляют свою гражданскую активность по взаимодействию с правоохранительными органами» [6, с. 61].

СОДЕРЖАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ДОБРОВОЛЬНЫХ ДРУЖИН В ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Действующее федеральное конституционное, федеральное и региональное законодательство регулирует административно-правовой статус добровольных дружин в мирное время.

В качестве основных направлений деятельности народных дружин в научной литературе названы [7, с. 281]:

1) содействие органам государственной власти, органам местного самоуправления и правоохранительным органам в их деятельности по обеспечению общественного порядка, предупреждению и пресечению правонарушений;

2) участие в мероприятиях по обеспечению безопасности населения и охране общественного порядка при возникновении стихийных бедствий, катастроф, аварий, эпидемий, иных чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий;

3) распространение правовых знаний, разъяснение норм поведения в общественных местах.

Но не следует забывать об ограничениях, связанных с участием населения в охране общественного порядка.

Граждане, участвующие в охране общественного порядка, не имеют права:

1) выдавать себя за сотрудников полиции;

2) осуществлять деятельность, отнесенную законодательством Российской Федерации к исключительной компетенции правоохранительных органов;

3) действовать в корыстных целях;

4) допускать необоснованное ограничение прав и свобод граждан;

5) совершать действия, имеющие целью унижение чести и достоинства человека и гражданина.

Взаимодействие полиции с народными дружинами осуществляется в следующих формах:

1) обмен информацией о состоянии общественного порядка и общественной безопасности. Такой обмен, например, необходим для осуществления более качественного контроля за состоянием оперативной обстановки на территории муниципального образования или территории обслуживания участковым уполномоченным полиции. При этом необходимо отметить, что обмен осуществляется путем взаимного предоставления информации в рамках действующих нормативных актов;

2) планирование и проведение комплекса совместных мероприятий на территории муниципального района или определенного административного участка;

3) проведение с народными дружинами тренингов и инструктажей по изучению правовых основ предупреждения и пресечения правонарушений, а также специфике деятельности по осуществлению патрулирования территории муниципального района;

4) подготовка совместных предложений по совершенствованию нормативной базы, регламентирующей деятельность по охране общественного порядка;

5) оказание народными дружинами содействия сотрудникам полиции в деятельности по предупреждению и пресечению правонарушений, по рассмотрению обращений и заявлений граждан [2, с. 51].

Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (ред. от 1 июля 2017 г.) закрепляет возможность ограничения прав и свобод граждан РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства, деятельности организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности,

прав их должностных лиц в период действия военного положения. Кроме того, на граждан, организации и их должностных лиц могут быть возложены дополнительные обязанности (п. 4 ст. 1 Закона № 1-ФКЗ). В тоже время российское законодательство не конкретизирует административно-правовой статус добровольных дружин в военное положение. Отсутствует ясность и точность в разрешении на правовом уровне следующих вопросов:

- во-первых, о возможности функционирования добровольных народных дружин в период военного положения;
- во-вторых, об объеме полномочий, подчиненности таких общественных организаций при получении положительно-го ответа на первый вопрос;
- в-третьих, о формах и методах работы добровольных народных дружин в период военного положения;
- в-четвертых, о гарантиях правовой и социальной защиты членов семей в случае гибели народного дружинника в период участия в проводимых полицией мероприятиях по охране общественного порядка в период военного положения.

Думается, что добровольные народные дружин, находящиеся на территории, на которой введено военное положение, обязаны выполнять требования федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ, органов военного управления, обеспечивающих режим военного положения, и их должностных лиц и оказывать содействие таким органам и лицам.

В период военного положения добровольные народные дружины реализуют следующие направления деятельности:

- 1) содействие органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам в реализации мер по усилению общественного порядка;
- 2) участие в предупреждении и пресечении правонарушений на территории по месту введения военного положения.

Приоритетным в деятельности добровольных народных дружин следует признать контроль за соблюдением общественного порядка на улицах и в других общественных местах.

На нормативном уровне необходимо определить меры по обеспечению общественного порядка в период военного положения, в их реализации могут принимать участие дружинники.

Важно обратить внимание на такой элемент административно-правового статуса, как социально-правовая защищенность граждан – членов добровольных дружин. К сожалению, федеральный законодатель не определил конкретные меры социальной поддержки, а передал данные полномочия государственным органам субъектов РФ и местного самоуправления. Необходимо закрепить минимальный объем социально-правовых гарантий для граждан, участвующих в деятельности добровольных дружин, например, включить обязательное личное страхование жизни и здоровья гражданина, участвующего в охране общественного порядка и иных льгот по аналогии с участниками добровольческих формирований.

На законодательном уровне в целях эффективного обеспечения усиленной охраны общественного порядка следует ввести правило обязательного финансирования деятельности добровольных народных дружин в период военного положения за счет средств федерального бюджета, так как указанные общественные организации оказывают правоохранительным органам содействие в реализации последними значимых государственных задач и функций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взаимодействие сотрудника полиции с гражданами и общественными объединениями является одним из важнейших направлений его деятельности. При этом его эффективная реализация способствует

качественному претворению в жизнь других задач и целей, стоящих перед сотрудниками органов внутренних дел в период военного положения, по обеспечению усиленной охраны общественного порядка.

Добровольные дружины следует признать эффективной формой взаимодействия общественности и правоохранительных органов по предупреждению и пресечению правонарушений, устранению порождающих их причин в условиях военного положения.

Вносится предложение о включении в Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» дополнительной статьи о добровольной народной дружине как специфичной форме общественной организации в целях определения административно-правового статуса добровольной дружины и в мирное время, и в условиях введения военного положения.

Следует констатировать, что отсутствует какое-либо комплексное исследо-

вание функционала, полномочий и компетенции добровольных дружин в период действия военного положения. Не определены особенности административно-правового статуса добровольной дружины в рассматриваемой ситуации. Внесено предложение об уточнении правового положения такой разновидности общественной организации в период военного положения. Прежде всего взаимодействие сотрудника полиции с народными дружинами может выражаться в фактических (непосредственных) формах, например, в совместном патрулировании на территории административного участка.

Необходимо на законодательном уровне решить вопрос о финансировании деятельности добровольных дружин за счет средств федерального бюджета в условиях военного положения, а также об установлении дополнительных правовых и социальных гарантий дружинникам и членам их семей при выполнении государственной задачи по охране общественного порядка.

Список литературы

1. Майорова С. А. Формы участия граждан в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4 (34). С. 115–121.
2. Хмара А. М. Взаимодействие участковых уполномоченных полиции с общественными формированиями граждан по обеспечению охраны общественного порядка // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2014. № 14-3. С. 48–52.
3. Сайфуллин Э. В. Проблемы правовой регламентации участия граждан в охране общественного порядка // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2017. № 2 (76). С. 62–65.
4. Прошалыгин Р. А. Содержание правосубъектности народных дружин, общественных объединений правоохранительной направленности и их участников как субъектов охраны общественного порядка // Алтайский юридический вестник. 2016. № 4 (16). С. 127–133.
5. Белорусов В. Б. Функции общественности в охране общественного порядка: хронология становления // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2005. Т. 11, № 1. С. 286–299.
6. Николаенко Е. А., Калинин В. А. Проблемные вопросы организационно-правового участия граждан в охране общественного порядка // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2018. № 2. С. 59–63.
7. Потапенкова И. В. О проблемных вопросах реализации Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 280–283.

References

1. Mayorova S. A. Forms of Participation of Citizens in Maintaining Public Order and Ensuring Public Safety. *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2015;4:115-121. (In Russ.).
2. Khmara A. M. Interaction of District Police Officers with Public Formations of Citizens to Ensure the Protection of Public Order. *Actual Problems of Crime and Other Offenses*. 2014;14-3:48-52. (In Russ.).
3. Sayfullin E. V. Problems of Legal Regulation of Participation of Citizens in Public Protection. *Bulletin of Ufa Law Institute of MIA of Russia*. 2017;2:62-65. (In Russ.).

4. Proschaligin R. A. Maintenance of Right Subjectivity of People's Guards, Public Associations of a Law-Enforcement Orientation and Their Participants as Subjects of Protection of a Public Order. *Altai Law Journal*. 2016;4:127-133. (In Russ.).

5. Belorusov V. B. The Role of the Public in Public Order Maintenance: Chronology of Formation. *Transactions of the TSTU*. 2005;11(1):286-299. (In Russ.).

6. Nikolaenko E. A., Kalinin V. A. Problematic Issues of Organizational and Legal Participation of Citizens in the Protection of Public Order. *Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*. 2018;2:59-63. (In Russ.).

7. Potapenkova I. V. About Problems of Realization of the Federal Law of 2 April 2014 № 44-FZ "On Participation of Citizens in Maintaining Public Order". *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2014;10:280-283. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Владимирович Хромов, преподаватель факультета среднего профессионального образования Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Средний пр-т Васильевского острова, 57/43, Санкт-Петербург, 199178, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2418-9031>; e-mail: khromov-av@ranepa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr V. Khromov, Lecturer at the Faculty of Secondary Vocational Education at the North-West Institute of Management of the Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43 Sredny pr. V. O., St. Petersburg, 199178, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2418-9031>; e-mail: khromov-av@ranepa.ru

Поступила | Received
24.01.2023

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
28.01.2023

Принята к публикации | Accepted
31.03.2023

УДК 341.9

DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-1-37-47

EDN: ODATBZ

*Оригинальная научная статья***Эволюция и перспективы развития законодательства КНР об иностранных инвестициях*****Цзя Шаосюе** *Центр Международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС**Шанхайского политико-юридического университета,**Шанхай, Китайская Народная Республика*✉ ys02302041@126.com

Аннотация. С 1 января 2020 г. вступил в силу Закон КНР «Об иностранных инвестициях». Он представляет собой первый комплексный источник права, регулирующий основные аспекты иностранных инвестиций в китайскую экономику. Новый правовой режим иностранных инвестиций сформирован с учетом изменений и реальных потребностей экономики, как международной, так и внутренней. С его принятием утвердился единый правовой режим иностранных инвестиций, были восполнены правовые пробелы, существовавшие в ранее действовавшем законодательстве. Прежде всего государство унифицировало организационные правовые формы компаний с иностранными инвестициями. Новаторство проявилось также в схеме управления на прединвестиционной стадии, на этой стадии для иностранных инвестиций создается так называемый негативный список. В него включаются сферы экономики, в которые иностранные инвестиции запрещены или ограничены. В остальные экономические области иностранные инвестиции допускаются без ограничений. В отличие от предыдущего периода, Закон КНР «Об иностранных инвестициях» устанавливает принцип национального режима в отношении компаний с иностранными инвестициями. Этим они уравниваются в правах и обязанностях с юридическими лицами, использующими исключительно китайские капиталы; правовые статусы иностранных и китайских инвесторов также объявляются идентичными. Эти особенности призваны более активно поддерживать иностранные инвестиции и защищать права и законные интересы иностранных инвесторов, но с учетом интересов китайских инвесторов. В дополнение к Закону действует «Положение о применении Закона Китайской Народной Республики об иностранных инвестициях». В нем уточняются ключевые понятия и основные режимы, предусмотренные нормами Закона КНР «Об иностранных инвестициях», усиливаются меры стимулирования и способы защиты прав инвесторов, а также соответствующая юридическая ответственность. В будущем необходимо более четко определить правовые вопросы, которые не установлены в Законе КНР «Об иностранных инвестициях», в том числе, уточнить некоторые правовые понятия, более четко отрегулировать процедуры и усовершенствовать систему проверки безопасности.

Ключевые слова: стандартизация правил доступа к инвестициям, национальный режим, иностранные инвестиции, негативный список, инвестиционное право КНР

Для цитирования: Цзя Шаосюе. Эволюция и перспективы развития законодательства КНР об иностранных инвестициях // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 1. С. 37–47. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-1-37-47>. EDN: <https://elibrary.ru/odatbz>

* Данная статья подготовлена в рамках общего проекта Национального фонда общественных наук КНР под названием «Исследование механизма правового управления безопасностью данных в ШОС» (№ 22BFX160).

Original scientific article

Evolution and Prospects of the Foreign Investment Law of the People's Republic of China*

Jia Shaoxue

Center for International Legal Training and Cooperation for the SCO,

Shanghai University of Political Science and Law, Shanghai, People's Republic of China

✉ ys02302041@126.com

Abstract. On January 1, 2020, the Foreign Investment Law of the People's Republic of China came into force. It is the first comprehensive body of law governing the main aspects of foreign investment in the Chinese economy. The new legal regime for foreign investment has been formed taking into account the changes and real needs of the economy, both international and domestic. With its adoption, a unified legal regime for foreign investment was established, and the legal gaps that existed in the previous legislation were filled. First of all, the state unified the organizational legal forms of companies with foreign investments. Innovation was also shown in the management scheme at the pre-investment stage, at this stage a so-called negative list is created for foreign investment. It includes sectors of the economy in which foreign investment is prohibited or restricted. In other economic areas, foreign investments are allowed without restrictions. Unlike the previous period, the Law of the People's Republic of China on Foreign Investment establishes the principle of national treatment for foreign-invested companies. By this, they are equalized in rights and obligations with legal entities using exclusively Chinese capital; the legal statuses of foreign and Chinese investors are also declared identical. These features are designed to more actively support foreign investment and protect the rights and legitimate interests of foreign investors, but taking into account the interests of Chinese investors. In addition to the Law, there is a "Regulation on the Application of the Foreign Investment Law of the People's Republic of China". It clarifies key concepts and basic regimes under the provisions of the Law of the People's Republic of China on Foreign Investment, strengthens incentive measures and ways to protect the rights of investors, as well as the corresponding legal responsibility. In the future, it is necessary to more clearly define the legal issues that are not set out in the Law of the People's Republic of China on Foreign Investment, including clarifying some legal concepts, adjusting procedures more clearly, and improving the security inspection system.

Keywords: standardization of investment access rules, national treatment, foreign investment, negative list, investment law of China

For citation: Jia Shaoxue. Evolution and Prospects of the Foreign Investment Law of the People's Republic of China. *Siberian Law Review*. 2023;20(1):37-47. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-1-37-47>. EDN: <https://elibrary.ru/odatbz> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

15 марта 2019 г. на Второй сессии Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва был принят Закон КНР «Об иностранных инвестициях» (далее –

Закон об инвестициях), вступивший в силу 1 января 2020 года. Одновременно утратили силу: Закон КНР «О паевых совместных предприятиях китайского и иностранного капитала»¹, Закон КНР «О предприятиях

* This article was prepared as part of the general project of the National Social Science Foundation of the People's Republic of China entitled „Research on the mechanism of legal management of data security in the SCO“ (No. 22BFX160).

¹ О паевых совместных предприятиях китайского и иностранного капитала : закон КНР от 15 марта 2001 г. № 7 (утратил силу от 1 янв. 2020 г.) // Всекит. собр. нар. представителей. 2001.

с иностранным капиталом»² и Закон КНР «О контрактных совместных предприятиях китайского и иностранного капитала»³. Новый закон стал для иностранных инвесторов единообразно применимым законом на территории материкового Китая. В дополнение к закону и одновременно с ним введены в действие «Положение о применении Закона Китайской Народной Республики об иностранных инвестициях»⁴, Правовое толкование Верховного народного суда КНР «О некоторых вопросах, касающихся применения Закона КНР “Об иностранных инвестициях”»⁵, и «Положение о представлении информации об иностранных инвестициях»⁶. Закон об инвестициях и правовые положения, сформулированные на его основе, обеспечивают верховенство права в области иностранных инвестиций в Китае и открывают новый этап реформы, направленной на увеличение объема иностранных капиталов, привлеченных в китайскую экономику.

Общий контекст эволюции законодательства КНР об иностранных инвестициях

До 1 января 2020 г. в КНР действовали законы «О паевых совместных предприятиях китайского и иностранного капитала», «О предприятиях с иностранным капиталом» и «О контрактных совместных предприятиях китайского и иностранного капитала», которые имели условное общее наименование «Три закона об иностранных инвестициях». Следует отдать им должное и признать важную роль, сыгранную ими на начальном этапе реформы экономиче-

ской открытости, проводимой китайским правительством [1]. Инструментарий законов позволил государству обеспечить вливание в экономику серьезных иностранных капиталов. В конце второго десятилетия XXI в. состояние экономики Китая, а также международная экономическая конъюнктура потребовали обновления нормативного правового регулирования, поскольку «Три закона об иностранных инвестициях» не отвечали требованиям интеграции Китая в процесс экономической глобализации. Их нормы трудно адаптировались к объективным потребностям дальнейшего эффективного привлечения иностранных инвестиций и расширения внешних связей. К этому времени все недостатки правового регулирования проявились в наибольшей степени и превратились в барьер на пути экономического развития [2].

Основное внимание Законе об инвестициях уделяется созданию базовых институциональных норм, касающихся доступа иностранных инвестиций на внутренний рынок. Определяются также юридические рамки, очерчивающие сферу возможного для иностранных инвестиций. В нем используются правовые механизмы поощрения и защиты иностранных инвестиций, но также и управления ими [3]. Например, «Три закона об иностранных инвестициях» закрепляли разные требования к различным типам предприятий с иностранными инвестициями, что отражалось в неодинаковых правилах осуществления государственного надзора за разными типами предприятий. Нормы данных законов концентрировались на организации

² *О предприятиях с иностранным капиталом* : закон КНР от 31 окт. 2000 г. № 39 (утратил силу от 1 янв. 2020 г.) // Всекит. собр. нар. представителей. 2000.

³ *О контрактных совместных предприятиях китайского и иностранного капитала* : закон КНР от 13 апр. 1988 г. № 39 (утратил силу от 1 янв. 2020 г.) // Всекит. собр. нар. представителей. 1988.

⁴ *Положение о применении Закона о КНР «Об иностранных инвестициях»* : приказ Гос. совета КНР от 1 янв. 2020 г. № 723 // Гос. совет КНР. 2020. URL: <http://chinawindow.ru/china/legal-information-china/zakon-kitajskoj-narodnoj-respubliki-ob-inostrannyh-investitsiyah/> (дата обращения: 21.01.2022).

⁵ *О некоторых вопросах, касающихся применения Закона КНР «Об иностранных инвестициях»* : правовое толкование Верхов. нар. суда от 1 янв. 2020 г. № 20 // Судеб. совет Верхов. нар. суда КНР. 2020.

⁶ *Приказ Министерства торговли КНР и Главного управления по надзору за рынком КНР* от 1 янв. 2020 г. № 2 // М-во торговли КНР. 2020.

предприятий, а их содержание в основном отражало организационную структуру компаний, учреждение или реорганизацию предприятий с иностранными инвестициями. Между их предписаниями и общим корпоративным правом, включая Закон КНР «О компаниях», Закон КНР «О партнерских предприятиях», существовал серьезный конфликт, а некоторые положения «Трех законов об иностранных инвестициях» являлись техническими и просто повторяли общеизвестные корпоративные правила. В первом десятилетии текущего века государство, осознав проблемы, предпринимало попытки исправить ситуацию. Так, 1 января 2006 г. вступил в силу Закон КНР «О компаниях», ст. 217 которого предусматривала общий правовой режим для акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью с иностранными инвестициями, если иное не предусмотрено специальным законодательством об иностранных инвестициях⁷.

Очевидно, что попытка разрешения конфликта норм оказалась непринципиальной и различные правовые режимы для компаний с иностранными инвестициями и без них сохранились и даже получили более полное легальное оформление. Образовавшаяся неопределенность в какой-то степени посягала на принцип равенства, формируя разное регулирование для предприятий с одинаковыми организационно-правовыми формами. Еще одна попытка разрешения проблемы была предпринята в Законе КНР «О партнерских предприятиях», вступившем в силу 1 января 2007 г. В статье 108 Закона предусматривался специальный правовой режим для таких предприятий с иностранным участием, но норма имела отсылочный характер [4]. Специальный режим должен был определяться актом

Государственного Совета КНР «Положение по созданию партнерских предприятий иностранными предприятиями или иностранными физическими лицами в Китае»⁸, которое так и не было принято.

Инициатива реформирования законодательства об иностранных инвестициях принадлежала Председателю КНР Си Цзиньпину. Он четко указал на необходимость ускорить работу по унификации законов и подзаконных актов о внутренних и иностранных инвестициях, а также сформулировать и принять новые основополагающие законы об иностранных инвестициях. Идеология реформы объяснялась несколькими тенденциями, которые следовало принимать во внимание в процессе обновления нормативной правовой базы. Во-первых, Китай – крупнейшая страна-производитель товаров и услуг, но китайские предприятия вынуждены увеличивать затраты на рабочую силу, а также нести иные финансовые издержки, связанные с новыми экономическими реалиями. Как результат, привлекательность китайского рынка для иностранных инвесторов снижается. Во-вторых, экономический рост вызвал потребительский бум, актуализировались потребности в промышленной трансформации и модернизации. Для поддержания должного развития необходимо разнообразие в сфере услуг, финансовой индустрии и индустрии потребления. Увеличение объема иностранных инвестиций видится среди традиционных рецептов, отвечающих сформулированным условиям, обеспечивающим решение обозначенных вызовов. «Три закона об иностранных инвестициях» не позволяли сформировать новое поколение иностранных инвесторов, снижали ожидания инвесторов в отношении правовой среды Китая, что могло отразиться на деловых решениях и на общей привлекательности китайского рынка.

⁷ *О компаниях* : закон КНР от 29 дек. 1993 г. № 8 (ред. от 26 окт. 2018 г.) // Всекит. собр. нар. представителей. 1993.

⁸ *О партнерских предприятиях* : закон КНР от 23 февр. 1997 г. № 82 (ред. от 1 июня 2007 г.) // Всекит. собр. нар. представителей. 1997.

Закон об инвестициях принимался с учетом политики открытости страны, независимо от внутренней практики или специфики развития мировой экономики, а его основанием стала «стратегия управления государством в соответствии с законом». В итоге свершился переход от законодательства о корпоративной организации к законодательству об инвестиционном поведении, что, несомненно, оказалось важным шагом вперед при формировании нормативной модели режима иностранных инвестиций.

СОДЕРЖАНИЕ ЗАКОНА

Закон об инвестициях установил единые правовые нормы, регулирующие поведение иностранных инвесторов, определил национальный режим на прединвестиционной стадии, закрепил принципы содействия инвестициям и их защиты, расширил понятие иностранных инвестиций, увеличив их виды [5]. Его нормы объединяются в шесть глав и сорок две статьи: общие положения, содействие инвестициям, защита инвестиций, управление инвестициями, юридическая ответственность, дополнения к закону. Он служит «основным законом» для всей области иностранных инвестиций. Исходя из этого все поддерживающие правила, такие как «Положение о применении Закона КНР “Об иностранных инвестициях КНР”», лишь уточняют его ключевые понятия, разъясняют его нормы и оттачивают их реализацию⁹.

Уточнение ключевых понятий. Впервые, ст. 2 Закона вводит два типа субъектов иностранных инвестиций: иностранные инвесторы и иные совместные инвесторы. Вторую группу составляют китайские партнеры иностранных

инвесторов. Они являются участниками паевых совместных предприятий китайского и иностранного капитала или контрактных совместных предприятий китайского и иностранного капитала. В эпоху «Трех законов об иностранных инвестициях» китайским партнерам признавалось лишь юридическое лицо, физические лица не могли вступать в партнерские отношения с иностранными инвесторами. В «Положении о применении Закона КНР “Об иностранных инвестициях”» разъясняется, что «иные совместные инвесторы» включают как юридических, так и физических лиц. Новое регулирование существенно упростило процедуру формирования партнерских отношений между гражданами Китая и иностранными инвесторами, кроме того, их капиталы получили юридические гарантии, предусмотренные для предприятий с иностранными инвестициями.

Во-вторых, Закон расширил представление об объекте иностранных инвестиций. «Три закона об иностранных инвестициях» закрепляли один тип иностранных инвестиций, ограничивая их конструкцией “greenfield investment”¹⁰, при этом четкого определения иностранных инвестиций законы не давали. В Законе об инвестициях объект регулирования был серьезно расширен, помимо прямых инвестиций по типу “greenfield investment”, его нормы предусматривают конструкцию cross-border M&A (трансграничные слияния и поглощения), а также дают возможность финансирования проектов без создания внутри китайских организационных структур (ст. 2 Закона КНР «Об иностранных инвестициях»). Перечень возможных типов иностранных инвестиций намеренно оставлен открытым,

⁹ Так, Китай выпустил «Руководящий каталог для отраслей с иностранными инвестициями» в 2011 г. и «Специальные меры управления для доступа к иностранным инвестициям (негативный список)» в 2018 г.

¹⁰ Буквальный перевод – «инвестиции в зеленое поле». Этот тип иностранных инвестиций предусматривает прямые иностранные вложения, при которых материнская компания создает с нуля в иностранном государстве дочернюю компанию.

что позволяет гибко реагировать на внедрение новых практик, включать их в сферу регулирования, а также обеспечивать правовую защиту инвесторам, функционирующих в новых формах и использующих новые виды инвестирования.

В-третьих, «Политические обязательства» – это новая концепция, установленная ст. 25 Закона. Согласно ее предписаниям местные органы всех уровней обременяются политическими обязательствами перед иностранными инвесторами или предприятиями с иностранными инвестициями, а также в пределах полномочий обеспечивают реализацию различных типов контрактов, заключенных в соответствии с Законом. Это утверждение разъясняется в ст. 27 «Положения о применении Закона КНР “Об иностранных инвестициях”»: «политические обязательства» требуют от органов заключать соглашения о политике поддержки иностранных инвесторов и предприятий с иностранными инвестициями, преференциальном режиме для них и льготных условиях. Понятно, что содержание соглашений подчиняется действующему законодательству, но закрепление этого правового средства свидетельствует об определенной децентрализации в вопросах поддержки иностранных инвестиций, открывающей для местных властей возможности уточнять общую политику с учетом региональных условий. Соглашения, предусмотренные ст. 25 Закона, относятся к так называемому феномену правительственных обещаний, т. е. наделение органов власти полномочиями выдавать в пределах компетенции и на основании закона гарантии невластным субъектам, обеспечивая реализацию их прав и законных интересов. Тем не менее такие возможности при ненадлежащей реализации могут вызвать известную конструкцию злоупотребления административной властью.

Установление национального режима.
«Три закона об иностранных инвестици-

ях» опирались на широкое административное усмотрение (принцип административного пересмотра и утверждения) в вопросах формирования режима иностранных инвестиций, что позволяло отступать от национального принципа, который в итоге строго не соблюдался. Закон об инвестициях отменил конструкцию административного пересмотра и утверждения. Национальный режим иностранных инвестиций позволил установить единые правовые рамки и гарантии для собственных и иностранных инвесторов. Законом введена система управления инвестициями на базе национального принципа на прединвестиционной стадии и негативный список. При решении вопроса о допуске на китайский рынок режим иностранных инвестиций не может быть менее благоприятным, чем режим, предоставляемый отечественным инвесторам. Негативный список – это перечень сфер экономики, в которые не допускаются иностранные инвестиции или в отношении которых закрепляется специальное регулирование; в остальных сферах действует национальный режим. Негативные списки принимаются и обнародуются Госсоветом КНР (ст. 4 Закона об инвестициях), а сферы экономики, включенные в них, подразделяются на две группы: иностранные инвестиции запрещены (1) и ограничены (2). Специальное регулирование также действует в материковом Китае для финансовых отраслей, включающих банковское дело, ценные бумаги, страхование, валютный рынок (ст. 41 Закона об инвестициях).

Такой порядок обеспечивает национальные интересы в одних экономических областях и защищает рыночную конкуренцию во всех остальных. Представляется, что он в большей степени соответствует интересам зарубежных инвесторов, поскольку для них устанавливаются единые, постоянно действующие и прозрачные правила входа на рынок

и функционирования на нем. В отличие от этого ранее инвестор мог получить более льготный режим, но его правила опирались на дискреционные полномочия администрации, являлись уникальными, не всегда были прозрачными для других участников рынка, а главное отсутствовали единые положения о допуске на рынок.

Усиление защиты иностранных инвестиций. Идеология Закона об инвестициях предусматривает большую, в сравнении с прежним законодательством, защиту иностранных инвестиций. Именно в защите усматривается залог расширения политики открытости, обеспечения прав и законных интересов иностранных инвесторов, стандартизации управления иностранными инвестициями, и, как итог, достигается большее содействие здоровому развитию социалистической рыночной экономики. Так, ст. 20 Закона закрепляет основополагающий принцип защиты прав инвесторов от реквизиции, которая допускается только в рамках надлежащей правовой процедуры и при условии справедливой и разумной компенсации. Если в ранее заключаемых соглашениях о защите прав инвесторов использовалась формулировка о «надлежащей компенсации», то относительно недавно она изменилась, стала более строгой. Теперь компенсация должна быть «адекватной, своевременной и эффективной». В Законе об инвестициях говорится о компенсации на основании принципа «своевременности, справедливости и разумности». Тем не менее эти лингвистические формулы свидетельствуют о смене политической парадигмы, стремлении в большей степени гарантировать права лиц, вкладывающих капиталы в китайскую экономику. Значит, законодатель окончательно отказался от менее точной «надлежащей компенсации» в пользу словесных конструкций, практическая реализация которых требует усиленной защиты прав инвесторов.

В действующем законе уточняются виды имущества, которое иностранные инвесторы могут вывозить из страны, а их перечень расширяется. В частности, добавляются такие категории, как «вклад», «прибыль на капитал», «возмещение и компенсация, полученная в соответствии с законом», «сборы за пользование интеллектуальной собственностью», а также еще ряд видов. Допускается перевод указанного имущества за рубеж без ограничений, оно может быть номинировано как в юанях, так и в иностранный валюту (ст. 21 Закона об инвестициях).

Таким образом, Закон об инвестициях обозначает макроцели и правовые способы проведения реформы иностранных инвестиций, отменяет первоначальные законы, унифицирует правовой режим инвестиций из-за рубежа, разрешает коллизии между инвестиционным и корпоративным законодательством, вводя основополагающий принцип национального режима, ограничивает существовавшую ранее и слабо контролируемую административную дискрецию в части управления иностранными инвестициями.

О БУДУЩИХ ПЕРСПЕКТИВАХ

Несмотря на бесспорные достоинства Закона об инвестициях, о чем уже говорилось, определенный им механизм правового регулирования имеет отдельные недостатки. Представляется, что внимание государства следует сосредоточить на их устранении [6].

Уточнение понятийного аппарата. В статье 2 Закона, под иностранными инвестициями понимается «инвестиционная деятельность, осуществляемая прямо или косвенно иностранными инвесторами на территории материкового Китая».

Во-первых, норма не указывает формы косвенных инвестиций. Поскольку на практике «иностранная инвестиция» обычно воспринимаются как синоним с «прямыми иностранными инвестициями»,

то значение «косвенных» требует уточнения. Иначе, косвенные вложения в экономику могут либо не восприниматься в качестве инвестиций, либо пониматься неверно, что будет искажать смысл правовых предписаний. В частности, пробел формирует вероятность обхода негативных списков и внедрение зарубежного элемента в экономические сферы и предприятия, в которых такая деятельность недопустима или ограничена.

Во-вторых, Закон не содержит исчерпывающего списка иностранных субъектов инвестиционной деятельности. Так, неясно, может ли иностранное государство, его органы и организации с государственным участием выступать в качестве иностранного инвестора и пользоваться соответствующими гарантиями. Если прямые инвестиции легко отслеживаются органами государственного надзора, то косвенные инвестиции не всегда выявляются и даже могут не являться предметом такого надзора. Представляется, что в законе следует установить обязанность органов устанавливать конечного фактического иностранного бенефициара (субъекта, которому инвестор подконтролен). Безусловно, указанные вопросы требуют более четких нормативных ответов.

В-третьих, остается неопределенность в отношении реквизиции имущества, принадлежащего иностранному инвестору (ст. 20 Закона об инвестициях). Норма содержит декларативное правило – государство обязуется воздерживаться от реквизиции, и исключение – реквизиция возможна при соблюдении трех условий: 1) в особых обстоятельствах; 2) в общественных интересах; 3) в соответствии с установленной в законе процедурой. Как уже сообщалось, реквизиция сопровождается «своевременной, справедливой и разумной компен-

сацией» (ст. 20 Закона об инвестициях). Представляется, что такое регулирование открывает двери слабо контролируемому усмотрению. От государства требуется найти нормативные ответы на вопросы: насколько подробными должны быть законные процедуры; в чем состоят потребности, вызванные общественными интересами; необходимо ли проводить обязательные слушания о реквизиции, а также допустим ли административный и/или судебный арбитражный пересмотр решения; как будет определяться рыночная стоимость имущества для целей определения компенсации.

Уточнение регулятивных и охранительных норм. Ранее местные органы использовали дискрецию и давали инвесторам обещания. Поскольку в законодательстве отсутствовал развитый механизм, побуждающий власти к исполнению таких обязательств¹¹, то они часто оставались лишь пожеланиями на бумаге. В Законе об инвестициях предпринята попытка исправить ситуацию, ст. 25 прямо обязывает органы власти исполнять, взятые ими обязательства. Нормы «Положения о применении Закона КНР “Об иностранных инвестициях”» развивают указанное требование, в том числе закрепляют условия реализации «политических обязательств», предусматривают ответственность за их неисполнение, а также за нарушение законодательства при их принятии. Хотя, вид юридической ответственности не указывается. В частности, неясно, должна ли это быть дисциплинарная, административная или иная ответственность.

Закон не разъясняет, каким образом следует учитывать интересы инвесторов, которые пострадали от действий, бездействия органов власти, а также нет ответа на вопрос о возможной ответственности для субъектов, обладающих властными

¹¹ “盲目吸引外资承诺高回报，福州政府遭遇9亿纠纷” // Sina.cn. URL: <https://finance.sina.cn/sa/2004-08-03/detail-ikkncsci1388208.d.html?cref=cj> [Слепое привлечение иностранных инвестиций обещает высокую прибыль, но правительство Фуцзюу сталкивается со спором в размере 900 млн юаней // Sina.cn. URL: <https://finance.sina.cn/sa/2004-08-03/detail-ikkncsci1388208.d.html?cref=cj>] (дата обращения: 21.01.2023).

полномочиями на преддоговорной стадии. На этом этапе стороны могут подписывать меморандумы, иные соглашения о намерениях, юридическая природа которых четко не определена нормами инвестиционного права. В данной ситуации, как представляется, следует руководствоваться принципом верховенства права, по сути которого, правительство и его органы обязаны заплатить компенсацию за допущенную ими нечестность. В таком контексте от властей требуется выполнение всех договоров об инвестициях, а также и предварительных соглашений. Даже если официальный контракт с инвестором не предусматривает предварительных соглашений, но они фактически совершались, то такие договоры также должны иметь юридическую силу и исполняться под страхом ответственности [7].

Наконец, в Законе об инвестициях установлен пятилетний переходный период, в течение которого компании с иностранными инвестициями должны быть преобразованы в организационно-правовые формы, предусмотренные общим корпоративным правом, что направлено на унификацию оборота, а также обеспечение национального режима. От них требуется зарегистрировать акционерные общества или общества с ограниченной ответственностью, либо так называемые “One-person limited liability company” (компания с единственным участником, которому предоставляется ограниченная ответственность), допускается также партнерское предприятие (ст. 42 Закона об инвестициях). Закон не дает ответа на вопрос о том, как обязаны реагировать органы власти, если по истечении пятилетнего срока предприятия не будут преобразованы: следует ли принуди-

тельно преобразовать их или они будут ликвидированы.

Улучшение режима проверки безопасности иностранных инвестиций. В обновленном законодательстве большое значение придается проверке безопасности в части соблюдения негативного списка. Надзор за иностранными инвестициями является также реакцией государства на политику, проводимую европейскими странами и США, которые стали более пристально проверять происхождение иностранных капиталов, а также статус инвесторов, в том числе более пристальное внимание уделяется китайским инвестициям в эти страны [8]. Как результат, Китай в своей инвестиционной политике учитывает вопросы собственного суверенитета, проверяя иностранных инвесторов и их инвестиции, а также определяя процедуру допуска на свой рынок. Несмотря на общую политику, Закон об инвестициях провозглашает лишь общий принцип, а необходимые регулятивные нормы в нем отсутствуют (ст.ст. 35 и 40). Эта ситуация во многом объясняется тем, что проверки в инвестиционной сфере хотя и значимы для государства, но их реализация чрезвычайно сложна. Таким образом, требуется предварительный тщательный анализ практики, а лишь затем принятие необходимых норм права. В итоге проверки по-прежнему во многом осуществляются на основании положений, принятых в период действия «Трех законов об иностранных инвестициях»¹², а вопросы национальной безопасности разрешаются по Закону КНР «Об иностранных инвестициях», но с учетом требований специального закона [9]. После изучения практики государству предстоит найти ответ на вопрос об эффективности

¹² Действующая китайская система проверки безопасности иностранных инвестиций в основном предназначена для проверки трансграничных слияний и осуществляется на основании «Уведомления об осуществлении проверки безопасности для учреждения слияния иностранных инвесторов в отечественные предприятия» (2011 г.) и «Пилотных мер по надзору национальной безопасности иностранных инвестиций в пилотной зоне свободной торговли» (2015 г.).

децентрализованного регулирования в этой части, а также о возможности консолидации имеющихся административных норм, в целях унификации процедуры и формирования единой для всей страны системы контроля за инвестиционной деятельностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Закон КНР «Об иностранных инвестициях», сменивший «Три закона об иностранных инвестициях», устанавливает базовую институциональную основу для иностранных инвестиций в рам-

ках новой модели политики открытости китайской экономики¹³. Закон внедряет национальный режим на прединвестиционной стадии, негативный список и уточняет систему поддержки предприятий, действующую как для собственных компаний, так и для организаций с иностранными инвестициями. В Законе в большей степени обеспечивается правовая защита прав и законных интересов иностранных инвесторов, формируется благоприятная коммерческая среда и обеспечивается более надежная система юридических гарантий.

Список литературы

1. 崔凡、吴嵩博。《〈中华人民共和国外商投资法〉与外商投资管理新体制的建设》// 载《国际贸易问题》2019年。第4期。第2–3页。[Цуй Фань, У Сонгбо. Закон КНР «Об иностранных инвестициях» и построение новой системы управления иностранными инвестициями // Вопросы международной торговли. 2019. № 4. С. 2–3.]
2. 廖凡。《〈外商投资法〉: 背景、创新与展望》// 载《厦门大学学报 (社会科学版)》。2020年。第5期。第140–141页。[Ляо Фань. Закон КНР «Об иностранных инвестициях»: предпосылки, инновации и перспективы // Журнал Сямэньского университета (издание по общественным наукам). 2020. № 5. С. 140–141.]
3. 孔庆江、郑大好。《我国〈外商投资法〉下的外商投资保护制度》// 载《国际贸易》。2019年。第5期。第82页。[Конг Цинцзян, Чжэн Дахао. Система защиты иностранных инвестиций в соответствии с Законом КНР «Об иностранных инвестициях» // Международная экономика. 2019. № 5. С. 82.]
4. 陈咏梅、何圳申。《中国外商投资法的变革及其与国际协定的协调》// 载《国际商务研究》。2019年。第6期。第45页。[Чэнь Юнмэй, Хэ Цзуншэн. Изменения в Законе КНР «Об иностранных инвестициях» и его отношения с международными соглашениями // Международные исследования бизнеса. 2019. № 6. С. 45.]
5. 崔凡、蔡开明。《〈中华人民共和国外商投资法〉初探》// 载《上海对外经贸大学学报》。2019年。第3期。第14–15页。[Цуй Фань, Цай Каймин. Предварительное исследование Закона КНР «Об иностранных инвестициях» // Вестник Шанхайского университета международного бизнеса и экономики. 2019. № 3. С. 14–15.]
6. 宋晓燕。《中国外商投资制度改革: 从外资“三法”到〈外商投资法〉》// 载《上海对外经贸大学学报》。2019年。第4期。第5页。[Сон Сюань. Реформа системы иностранных инвестиций Китая: от «Трех законов об иностранных инвестициях» до Закона КНР «Об иностранных инвестициях» // Газета Шанхайского университета международного бизнеса и экономики. 2019. № 4. С. 5.]
7. 刘俊海。《外商投资法的理念升华与制度创新》// 载《人民论坛》。2019年。第3期。第50页。[Лю Цзюньхай. Сублимации концепции и системная инновация в законе КНР «Об иностранных инвестициях» // Народный форум. 2019. № 3. С. 50.]
8. 刘惠明、徐文婕。《中美外商投资国家安全审查制度比较——兼论〈中华人民共和国外商投资法〉的完善》// 载《长江论坛》。2020年。第3期。第80页。[Лю Хуэймин, Сюй Вэньцзе. Сравнение системы проверки национальной безопасности для иностранных инвестиций в Китае и США – о совершенствовании Закона КНР «Об иностранных инвестициях» // Чанцзянский форум. 2020. № 3. С. 80.]
9. 孔庆江。《〈中华人民共和国外商投资法〉与相关法律法规的衔接与协调》// 载《上海对外经贸大学学报》。2019年。第3期。第6页。[Конг Цинцзян. Связь и координация между Законом КНР «Об иностранных инвестициях» и другими законами // Вестник Шанхайского университета международного бизнеса и экономики. 2019. № 3. С. 6.]

¹³ 参见许英明。《外商投资法开启制度型开放新时代》// 载《中国经济时报》。2019年。3月。13日。[Сюй Инмин. Закон КНР «Об иностранных инвестициях» открывает новую эру институционального открытия // Кит. эконом. газ. 2019. 13 марта.]

References

1. Cui Fan, Wu Songbo. Law of the People's Republic of China "On Foreign Investments" and the Construction of a New System of Foreign Investment Management. *Questions of International Trade*. 2019;4:2-3. (In Chinese).
2. Liao Fan. Law of the People's Republic of China "On Foreign Investment": Background, Innovation and Prospects. *Journal of Xiamen University (Social Science Edition)*. 2020;5:140-141. (In Chinese).
3. Kong Qingjiang, Zheng Dahao. The System of Protection of Foreign Investments in Accordance with the Law of the People's Republic of China "On Foreign Investments". *International Economics*. 2019;5:82. (In Chinese).
4. Chen Yongmei, He Zhenshen. Changes in the Law of the People's Republic of China "On Foreign Investment" and Its Relationship with International Agreements. *International Business Studies*. 2019;6:45. (In Chinese).
5. Cui Fan, Cai Kaiming. Preliminary Study of the Law of the People's Republic of China "On Foreign Investment". *Bulletin of the Shanghai University of International Business and Economics*. 2019;3:14-15. (In Chinese).
6. Song Xiaoyan. The Reform of China's Foreign Investment System: from the "Three Laws on Foreign Investment" to the Law of the People's Republic of China "On Foreign Investment". *Newspaper of the Shanghai University of International Business and Economics*. 2019;4:5. (In Chinese).
7. Liu Junhai. Sublimation of the Concept and Systemic Innovation in the Law of the People's Republic of China "On Foreign Investment". *People's Forum*. 2019;3:50. (In Chinese).
8. Liu Huiming, Xu Wenjie. Comparison of the National Security Screening System for Foreign Investment in China and the United States – on the Improvement of the Law of the People's Republic of China "On Foreign Investment". *Changjiang Forum*. 2020;3:80. (In Chinese).
9. Kong Qingjiang. Communication and Coordination Between the Law of the People's Republic of China "On Foreign Investment" and Other Laws. *Bulletin of the Shanghai University of International Business and Economics*. 2019;3:6. (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цзя Шаосюе, заместитель директора Центра Международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС Шанхайского политико-юридического университета (проспект Вэйцисун, 7989, район Цинпу, Шанхай, 201701, Китайская Народная Республика), доктор права; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3159-0387>; e-mail: ys02302041@126.com

ABOUT THE AUTHOR

Jia Shaoxue, Deputy Director of the Center for International Legal Training and Cooperation for the SCO at the Shanghai University of Political Science and Law (7989 Weiqingsong Ave, Qingpu District, Shanghai, 201701, People's Republic of China), Doctor of Law; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3159-0387>; e-mail: ys02302041@126.com

Поступила | Received
23.01.2023

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
06.02.2023

Принята к публикации | Accepted
31.03.2023

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Private Law (Civil Law) Sciences

УДК 347.633

DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-1-48-54

EDN: ODEWWH

Оригинальная научная статья

Основания, порядок, правовые последствия отмены усыновления

Е. Г. Беглярова

Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация

✉ efim265@mail.ru

Аннотация. Исследуются актуальные вопросы, возникающие при рассмотрении гражданских дел об отмене усыновления, приоритетные направления защиты прав и законных интересов несовершеннолетних. Дети, оставленные без попечения родителей, безусловно, являются наиболее незащищенными в социальном и моральном плане. В статье представлен всесторонний взгляд на данную проблематику как с правовой, так и с психологической точек зрения. С правовой стороны указывается на возможность трансформации ряда правовых норм, закрепленных в Семейном кодексе Российской Федерации, в целях их наиболее эффективного применения. С психологической определена необходимость обязательного использования специальных психологических знаний при разрешении споров данной категории. Кроме того, описывается особая роль прокурора и органов опеки и попечительства в судебном процессе по делам, связанным с отменой усыновления ребенка. Особое внимание направлено на то, что принятие решения об отмене усыновления должно соответствовать прежде всего интересам несовершеннолетних, содержать безоговорочный характер. Приведены соответствующие последствия вынесенных судом решений об отмене усыновления. Объектом исследования выступает совокупность общественных отношений, возникающих в ходе рассмотрения гражданских дел указанной категории. Предметом являются нормы гражданского, семейного и гражданского процессуального права, регулирующие вышеуказанные отношения, система их реализации и применения. Проанализированы судебные акты: решения (определения) судов об отмене усыновления, обобщены статистические и отчетные данные, определены основания для подачи исковых заявлений. Выделены аспекты, связанные с необходимостью применения превентивных мер, направленных на исключение формальных оснований для подачи заявлений об отмене усыновления детей. Сделан акцент на участие в рассмотрении споров данной категории специализированных субъектов, наделенных соответствующими полномочиями и имеющими специальные познания в сфере психологии, социологии, педагогики. По результатам проведенного исследования автором сформулированы определенные выводы, сделаны практические предложения для более эффективного применения норм действующего законодательства, прежде всего в целях соблюдения прав и интересов детей. Предложены определенные варианты корректировки ряда норм действующего законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: усыновитель, усыновленный, гарантии, усыновление, отмена усыновления, защита прав и законных интересов детей

Для цитирования: Беглярова Е. Г. Основания, порядок, правовые последствия отмены усыновления // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 1. С. 48–54. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-1-48-54>. EDN: <https://elibrary.ru/odewwh>

Original scientific article

Grounds, Procedure, Legal Consequences of the Abolition of Adoption

E. G. Beglyarova

Siberian Law University, Omsk, Russian Federation

✉ efim265@mail.ru

Abstract. The topical issues that arise when considering civil cases on the abolition of adoption, priority areas for protecting the rights and legitimate interests of minors are investigated. Children left without parental care are by far the most vulnerable socially and morally. The article presents a comprehensive view of this issue from both legal and psychological points of view. On the legal side, it is indicated that it is possible to transform a number of legal norms enshrined in the Family Code of the Russian Federation in order to apply them most effectively. From the psychological point of view, the necessity of mandatory use of special psychological knowledge in resolving disputes in this category is determined. In addition, the special role of the prosecutor and the guardianship and guardianship authorities in the judicial process in cases related to the abolition of the adoption of a child is described. Particular attention is directed to the fact that the adoption of a decision to cancel the adoption should primarily meet the interests of minors, contain an unconditional character. The corresponding consequences of the decisions made by the court to cancel the adoption are given. The object of the study is the totality of social relations that arise during the consideration of civil cases of this category. The subject is the norms of civil, family and civil procedural law governing the above relations, the system of their implementation and application. Judicial acts are analyzed: decisions (determinations) of courts to cancel adoption, statistical and reporting data are summarized, grounds for filing claims are determined. Aspects related to the need to apply preventive measures aimed at excluding formal grounds for filing applications for the cancellation of the adoption of children are highlighted. Emphasis is placed on the participation in the consideration of disputes of this category of specialized entities, endowed with appropriate powers and having special knowledge in the field of psychology, sociology, and pedagogy. Based on the results of the study, the author formulated certain conclusions, made practical proposals for a more effective application of the norms of the current legislation, primarily in order to respect the rights and interests of children. Certain options for adjusting a number of norms of the current legislation in this area are proposed.

Keywords: adoptive parent, adopted, guarantees, adoption, cancellation of adoption, protection of the rights and legitimate interests of children

For citation: Beglyarova E. G. Grounds, Procedure, Legal Consequences of the Abolition of Adoption. *Siberian Law Review*. 2023;20(1):48-54. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-1-48-54>. EDN: <https://elibrary.ru/odewwh> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день отмена усыновления является достаточно неоднозначным и спорным явлением, которое можно рассматривать не только в правовом,

но и социальным плане. С точки зрения права, отмена усыновления представляет собой и компенсационную меру, направленную на защиту прав и интересов несовершеннолетних, защиту от тех действий

(бездействий) усыновителей, которые могут повлечь вред. Институт отмены в первую очередь служит интересам ребенка, поэтому в ряде случаев допускается Семейным кодексом Российской Федерации (далее – СК РФ).

В социальном аспекте такое понятие, как отмена усыновления, в большей степени представляется негативным явлением. Сам факт отказа от ребенка, независимо от причин, послуживших тому основанием, расценивается обществом как противоречащее нормам морали и этики явление.

Многие авторы и ученые в своих работах, изучая проблемы отмены усыновления, специально не задавались вопросом определения предмета защиты в подобной категории дел. Однако, занимаясь исследованиями в этой области, некоторые правоведы все-таки делают выводы, что говорить об отмене усыновления следует лишь только как о способе защиты нарушенных прав ребенка [1]. Отмена усыновления трактуется так же, как мера защиты нарушенного субъективного права.

В настоящее время нет сложившейся практики и теории относительно определения предмета по делам об отмене усыновления. Данное обстоятельство вызывает ряд проблем при применении норм материального и процессуального прав.

Основания

для отмены усыновления

Анализируя нормы Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) и СК РФ, можно сделать вывод, что категория отмены усыновления представляет собой совокупность специальных гражданских процессуальных норм, соответственно, является правовым институтом.

В пункте 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г.

№ 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей»¹ (ред. от 17 декабря 2013 г.) отмечается, что, поскольку родительские права и обязанности возникают у усыновителей в результате усыновления, а не происхождения от них детей, необходимо иметь в виду, что в случаях уклонения усыновителей от выполнения возложенных на них обязанностей родителей, злоупотребления этими правами либо жестокого обращения с усыновленными, а также если усыновители являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией, судом может быть решен вопрос об отмене усыновления (п. 1 ст. 140 СК РФ), а не о лишении или ограничении родительских прав (ст.ст. 69, 70, 73 СК РФ).

Разрешая вопрос об отмене усыновления в порядке ст. 140 СК РФ, суд, как и другие лица, участвующие в деле, руководствуется интересами ребенка.

Конвенция ООН о правах ребенка и СК РФ закрепляют за каждым ребенком неотъемлемое право жить и воспитываться в семье (ст. 54 СК РФ). Именно таким образом провозглашается и подтверждается принцип приоритета семейного воспитания несовершеннолетних детей, заботы об их благосостоянии и развитии.

Согласно «Конвенции о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления» (заключена в г. Гааге 29 мая 1993 г.)² каждое государство должно в качестве приоритетной задачи принять соответствующие меры для обеспечения того, чтобы ребенок воспитывался в своей собственной семье.

Семья должна удовлетворять потребность в создании всех условий, необходимых для содержания ребенка и его благополучного физического и психологического развития, подготовки к самостоятельной жизни. Баланс всех составляющих

¹ Рос. газ. 2006. 3 мая.

² Международное частное право : сб. документов. М. : БЕК, 1997. С. 712–720.

и их объективная оценка является основополагающим началом при рассмотрении дел об отмене усыновления.

Законодательством предусмотрены правовые последствия усыновления ребенка (ст. 137 СК РФ). За неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних (усыновителем, опекуном, попечителем) обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов последних наступает ответственность в соответствии с ч. 1 ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

Порядок проведения процедуры отмены усыновления

Согласно официальному отчету Министерства просвещения Российской Федерации на январь 2022 г. количество детей, размещенных в специализированных учреждениях по заявлению родителей «о временном помещении», составило 17,8 тыс., однако реальная численность сирот и детей, оставшихся без попечения родителей гораздо больше, чем в официальной статистике.

На протяжении последних лет социальная политика Российской Федерации направлена на то, чтобы обеспечить максимальный уровень усыновлений детей-сирот в стране [2].

Учитывая представленные данные, можно сделать вывод, что одной из причин, по которым суды приходят к выводу об удовлетворении заявленных требований об усыновлении, в 99,9 % случаев, является предоставление акта, составленного представителем органа опеки и попечительства, подтверждающего обоснованность заявленных требований потенциальным усыновителем. Иных документов, свидетельствующих о наличии достижения психо-эмоционального контакта между родителем и ребенком в ма-

териалах большинстве гражданских дел не имеется. Проведение массовой информационно-просветительской работы с потенциальными усыновителями, их психолого-педагогическое и социальное сопровождение носит для специализированных органов только рекомендательный характер.

Из анализа судебной практики можно сделать выводы, что основаниями к отмене усыновления в большинстве случаев являются:

- виновное уклонение от выполнения обязанностей родителей;
- отсутствие взаимопонимания между усыновителями и усыновленными;
- выявление тяжелой болезни у усыновленного, о которой заранее не был предупрежден усыновитель.

Однако имеют место и такие основания, которые не связаны с виновными действиями либо бездействием усыновителя, равно как и виновным уклонением от выполнения родительских обязанностей.

Законом четко определен круг субъектов, наделенных правом на обращение в суд с иском об отмене усыновления. Право на подачу указанного иска имеет и усыновитель. Инициатива подачи иска усыновителем в ряде случаев определяется иными мотивами, не связанными с его виновным поведением. Возможно наличие других субъективных факторов: отсутствием желания, наличием других детей, страхов, опасений, возрастом, таких как: состояние здоровья, нежелание нести ответственность и др. Наличие вышеназванных причин связано с внешними и внутренними факторами, обусловлено психологическим климатом не только в семье, но и в социуме, окружении усыновителя. Устранимы ли данные причины, чтобы обеспечить целостность конструкции семьи, где воспитывается усыновленный ребенок. Безусловно, одно лишь желание усыновителя отменить усыновление не является основанием для удовлетворения

иска. Не приведет ли впоследствии такое решение к ущемлению, ограничению, законных прав ребенка, воспитывающегося родителем, который этого не хочет.

Так, по делу Центрального районного суда г. Омска основанием для отмены усыновления послужило то, что приемные родители не могут наладить психологического контакта с ребенком, в силу чего последний был по их заявлению направлен для проживания и обучения в школу-интернат. При разрешении данного спора судом установлено, что после усыновления в семье появился кровный ребенок, после чего поведение усыновленного резко ухудшилось.

Рассмотрение данного спора завершилось прекращением производства по делу в связи с отказом истцов от заявленных исковых требований.

Полагаю, что при разрешении исковых заявлений об отмене усыновления, где основаниями для его подачи являются субъективные причины, в некоторых случаях, можно расценивать данные обращения как виновное уклонение от содержания и воспитания ребенка, поскольку такие действия могут причинить вред психическому здоровью ребенка.

Семейное законодательство исходит из принципа нерасторжимости отношений по усыновлению и возможности отмены усыновления только в тех случаях, когда оно перестает выполнять свои функции, т. е. когда сложившиеся в результате усыновления условия жизни и воспитания не соответствуют интересам усыновленного.

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОТМЕНЫ УСЫНОВЛЕНИЯ

Из анализа действующего законодательства можно сделать вывод, что законодатель уравнивает в правах усыновленных и родных детей. В силу п. 1 ст. 137 СК РФ усыновленные дети и их потомство по отношению к усыновителям и их родственникам, а усыновители и их родственники

по отношению к усыновленным детям и их потомству приравниваются в личных неимущественных и имущественных правах и обязанностях к родственникам по происхождению.

Следует понимать, что усыновление делает из ребенка полноценного члена семьи, наделяя его правами наследования в отношении новых родителей и других родственников [3].

По моменту возникновения: родительские правоотношения возникают с момента рождения ребенка, правоотношения по усыновлению возникают с момента вступления решения суда в законную силу [4].

Однако на законодательном уровне не закреплен механизм отказа от кровных детей, за исключением применения таких мер, как лишение и ограничение родительских прав, но только при наличии виновных действий (бездействий). Проанализировав ст. 69 СК РФ, можно провести аналогию с институтом отмены усыновления по «субъективным» причинам, не связанным с виновными действиями или бездействием родителей.

Согласно п. 2 ст. 141 СК РФ суд вправе отменить усыновление ребенка и при отсутствии виновного поведения усыновителя, когда по обстоятельствам как зависящим, так и не зависящим от усыновителя, не сложились отношения, необходимые для нормального развития и воспитания ребенка. К таким обстоятельствам, в частности, можно отнести отсутствие взаимопонимания в силу каких-либо личных качеств усыновителя и (или) усыновленного, в результате чего усыновитель не пользуется авторитетом у ребенка либо ребенок по каким-то причинам не ощущает себя членом семьи усыновителя; выявление умственной неполноценности или наследственных отклонений в состоянии здоровья ребенка, существенно затрудняющих либо делающих невозможным процесс воспитания, о наличии которых усыновитель не был предупрежден при усыновлении.

В указанных случаях суд вправе отменить усыновление исходя из интересов ребенка и с учетом мнения самого ребенка, если он достиг возраста десяти лет (ст. 57, п. 2 ст. 141 СК РФ).

Не будет ли отмена усыновления противоречить интересам ребенка? Будет ли принятие такого решения способствовать защите его законных прав? Возможно, отмена усыновления может нанести дальнейшие необратимые последствия психическому здоровью ребенка.

К лицам, имеющим государственную заинтересованность при рассмотрении данной категории гражданских дел относятся прокурор, органы опеки и попечительства и другие органы, на которые возложены обязанности по охране прав несовершеннолетних детей.

Следует отметить, что вступление прокурора в процесс для дачи заключения по существу дела об усыновлении и его отмене как форма участия прокурора в гражданском процессе была известна еще до революционному законодательству [5].

В силу специфики данной категории дел, психологической и эмоциональной составляющей, полагаю целесообразным на законодательном уровне включить в список лиц, участвующих в деле, независимого специалиста-психолога, заключение которого в соответствии со ст. 55 ГПК РФ должно расцениваться судом как доказательство, имеющее значение для рассмотрения и разрешения дела. Участие соответствующего специалиста объективно будет играть особую роль и при опросе несовершеннолетних, достигших возраста десяти лет.

В большинстве случаев при рассмотрении подобных ситуаций принятие ре-

шения не всегда обусловлено нормами семейного, гражданского права, а определяется субъективно-личностным пониманием принципов гуманности, разумности, справедливости, приоритетности интересов детей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализируя судебную практику, связанную с рассмотрением данной категории дел, можно делать вывод, что проблемы в этой сфере во многом порождаются поспешностью и формализмом, характеризующими самую главную – подготовительную – стадию процедуры усыновления (удочерения), некачественной либо несвоевременной предварительной психологической, информационно-аналитической работой, особенно в той ее части, которая позволяет предельно адекватно представлять потенциальные возможности усыновителя, его семьи, понимать и успешно реализовывать интересы детей. Безусловно, необходимо уделять внимание подготовке, повышению квалификации и самих специалистов, работающих с потенциальными усыновителями.

Важно наладить работу в сфере создания и дальнейшей реализации соответствующих проектов, направленных на работу с родителями, лишенными или ограниченными в правах, выстраиванию отношений членов кровной и замещающей семьи воспитанника. Немаловажно совершенствование механизма проведения предварительного медицинского обследования детей во избежание выявления заболеваний, которые в последствии могут стать основанием для отказа от воспитания ребенка.

Список литературы

1. Рот Л. Г. Природа ответственности лиц, заменяющих родителей, в случае неисполнения ими обязательств // Российский юридический журнал. 2010. № 5 (74). С. 166–171.
2. Ульянова А. А. Усыновление ребенка // Colloquium-Journal. 2018. № 3-4 (14). С. 65–67.
3. Смирнова Н. В. Особенности досудебной подготовки по делам об усыновлении (удочерении) // Новая наука: от идеи к результату. 2017. Т. 1, № 2. С. 244–248.

4. Абдулина О. П. Усыновление в Российской Федерации. Правовые проблемы. М. : Мир, 2019. 224 с.
5. Тетюев С. В. Заключение прокурора в гражданском процессе // Российская юстиция. 2018. № 12. С. 27–28.

References

1. Rot L. G. The Nature of Responsibility of Individuals Replacing the Parents in the Case of Not Fulfilling Their Obligations. *Russian Juridical Journal*. 2010;5:166-171. (In Russ.).
2. Ulyanova A. A. Adoption of the Child. *Colloquium-Journal*. 2018;3-4:65-67. (In Russ.).
3. Smirnova N. V. Features of Pre-Trial Preparation in Cases of Adoption (Adoption). *New Science: from Idea to Result*. 2017;1(2):244-248. (In Russ.).
4. Abdulina O. P. *Adoption in the Russian Federation. Legal Issues*. Moscow: Mir Publ., 2019. 224 p.
5. Tetuev S. V. Conclusion of the Prosecutor in Civil Proceedings. *Russian Justice*. 2018;12:27-28. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Геннадьевна Беглярова, преподаватель кафедры гражданского права Сибирского юридического университета (ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9543-7947>; e-mail: efim265@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena G. Beglyarova, Lecturer of the Department of Civil Law at the Siberian Law University (12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9543-7947>; e-mail: efim265@mail.ru

Поступила | Received
08.12.2022

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
01.02.2023

Принята к публикации | Accepted
31.03.2023

УДК 347.1

DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-1-55-63

EDN: OGFVJO

Оригинальная научная статья

Гражданско-правовые формы охранительных отношений

Д. Н. Кархалев *Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация*✉ dnk001rb@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены актуальные проблемы защиты гражданских прав и ответственности при реализации охранительной функции гражданского права. Формы охранительных отношений предлагается разделить на четыре вида: штрафная, восстановительная, превентивная и обеспечительная. Штрафная форма отличается тем, что в ее рамках реализуются меры ответственности. Неблагоприятное имущественное воздействие на правонарушителя является квалифицирующим признаком ответственности и в большинстве случаев позволяет отграничивать меры ответственности от иных мер принуждения, имеющихся в арсенале гражданского права. Оно характеризуется возложением на правонарушителя определенных имущественных лишений, обременений. Восстановительная форма характеризуется применением мер защиты. Гражданско-правовые меры защиты характеризуются тем, что по содержанию они не являются безэквивалентным имущественным лишением и применяются в принудительном порядке или осуществляются добровольно в форме восстановления положения, существовавшего до нарушения, либо пресечения действий, нарушающих право (или создающих угрозу его нарушения), либо признания субъективного права (или факта). Превентивная форма направлена на реализацию мер самозащиты. Основной чертой мер самозащиты является их компенсационный характер. Он выражается в том, что меры самозащиты применяются в случае нарушения субъективного гражданского права (или в случае создания угрозы его нарушения) в целях защиты нарушенного права. В связи с этими чертами самозащита отнесена к способам защиты гражданского права. Обеспечительная форма – меры оперативного характера, применяются во внесудебном порядке в одностороннем порядке независимо от согласия нарушителя на их осуществление (т. е. являются мерами принуждения). Для оперативных мер характерна обеспечительная черта, выражающаяся в стимулировании участников гражданского оборота к надлежащему исполнению обязательств.

Ключевые слова: защита гражданских прав, ответственность в гражданском праве, охранительные правоотношения, самозащита, штраф

Для цитирования: Кархалев Д. Н. Гражданско-правовые формы охранительных отношений // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 1. С. 55–63. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-1-55-63>. EDN: <https://elibrary.ru/ogfvjo>

Original scientific article

Civil Law Forms of Protection Relations

D. N. Karkhalev

Siberian Law University, Omsk, Russian Federation

✉ dnk001rb@yandex.ru

Abstract. The actual problems of the protection of civil rights and responsibility in the implementation of the protective function of civil law are considered. Forms of protective relations are proposed to be divided into four types: penal, restorative, preventive and provisional. The penal form is different in that it implements liability measures. Adverse property impact on the offender is a qualifying sign of responsibility and in most cases allows one to distinguish between liability measures from other coercive measures available in the arsenal of civil law. It is characterized by the imposition on the offender of certain property deprivations, encumbrances. The restorative form is characterized by the application of protective measures. Civil law protection measures are characterized by the fact that in terms of content they are not non-equivalent property deprivation and are applied forcibly or are carried out voluntarily in the form of restoring the situation that existed before the violation, or suppressing actions that violate the right (or threaten to violate it), or recognize subjective right (or fact). The preventive form is aimed at the implementation of self-defense measures. The main feature of self-defense measures is their compensatory nature. It is expressed in the fact that self-defence measures are applied in case of violation of a subjective civil right (or in case of a threat of its violation) in order to protect the violated right. In connection with these features, self-defense is classified as a means of protecting civil law. Provisional form - measures of an operational nature, are applied extrajudicially unilaterally, regardless of the consent of the offender to their implementation (that is, they are coercive measures). Operational measures are characterized by a security feature, which is expressed in stimulating the participants in civil circulation to the proper fulfillment of obligations.

Keywords: defense of civil rights, responsibility in civil law, protection relations, self-defence, penalty

For citation: Karkhalev D. N. Civil Law Forms of Protection Relations. *Siberian Law Review*. 2023;20(1):55-63. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-1-55-63>. EDN: <https://elibrary.ru/ogfvjo> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Правовая форма определяется через категории прав и обязанностей. Гражданско-правовая форма – это субъективные гражданские права и обязанности. Последние в свою очередь подразделяются на регулятивные и охранительные – право на защиту и обязанность восстановить нарушенное право.

Формы охранительных отношений достаточно многообразны. Их можно классифицировать на четыре вида: отношения по реализации мер ответственности, отношения по осуществлению мер защиты, отношения по применению мер самозащиты

и отношения по мерам оперативного воздействия.

Для целей настоящей статьи назовем первые *штрафными*, вторые *восстановительными*, третьи *превентивными*, четвертые *обеспечительными*. Все перечисленные формы имеют общие черты. Однако существуют и важные отличия.

ШТРАФНАЯ ФОРМА

Штрафная форма отличается тем, что в ее рамках реализуются меры ответственности. Неблагоприятное имущественное воздействие на правонарушителя является квалифицирующим признаком

ответственности и в большинстве случаев позволяет отграничивать меры ответственности от иных мер принуждения, имеющихся в арсенале гражданского права. Оно характеризуется возложением на правонарушителя определенных имущественных лишений, обременений.

Мерами гражданско-правовой ответственности являются предусмотренные законом санкции, применяемые судом (или реализуемые добровольно) в рамках охранительного правоотношения в форме возложения определенного объема внешнеэквивалентных имущественных лишений в целях обеспечения осуществления и защиты гражданских прав (восстановления правового положения), а также наказания правонарушителя [1, с. 12; 2, с. 9; 3, с. 277]¹. Оно содержит основные черты мер ответственности, которые обуславливают наличие у них специфических функций. Анализ функций мер ответственности позволяет выяснить направленность действия рассматриваемых мер в гражданском праве.

Мерам ответственности в гражданском праве свойственны несколько функций, как характерные для юридической ответственности в целом, так и специфические. Таковой является компенсационная функция.

Она выражается в восстановлении имущественных потерь, которые лицо понесло в результате совершения правонарушения. Статья 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) к способам защиты гражданских прав относит возмещение убытков, взыскание неустойки, компенсацию морального

вреда, у которых помимо штрафной наиболее ярко выражена компенсационная функция.

Основанием ответственности традиционно признается гражданское правонарушение, под которым принято понимать не соответствующее закону, виновное противоправное действие или бездействие, причиняющее убытки (вред) охраняемым гражданским правом имущественным или неимущественным благам.

Таким образом, *основание* – это совокупность определенных «элементов», необходимых для применения мер ответственности, а *условия* – это «характеристики» самого противоправного деяния, нарушителя и ответственности, при наличии которых складывается основание. Основание – одно, а условий может быть несколько. Иногда вину, противоправность и другие условия именуют основаниями ответственности. Думается, что такое объединение основания и условий ответственности вряд ли является правильным, так как может привести к подмене понятий.

Ответственность наступает при наличии следующих условий: а) причинение вреда; б) противоправность поведения причинителя вреда; в) причинная связь между противоправным поведением и наступлением вреда; д) вина причинителя вреда. Меры гражданско-правовой ответственности по способу определения размера ответственности можно разделить на три группы: компенсационные, штрафные и конфискационные.

Важнейшую группу составляют компенсационные меры (возмещение убытков,

¹ Красавчиков О. А. Гражданско-правовая ответственность // Советское гражданское право : учеб. для вузов / под ред. О. А. Красавчикова. М. : Высш. шк., 1985. С. 502 ; Илларионова Т. И. Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер : учеб. пособие. Свердловск : Урал. ун-т, 1980. С. 62–76 ; Грибанов В. П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей : пособие для слушателей. М. : Знание, 1973. С. 38–43 ; Нам К. В. Основные направления развития института договорной ответственности в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 13 ; Кузнецов Н. В. Меры гражданско-правовой ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 12 ; Витрянский В. В. Ответственность за нарушение договорного обязательства // Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. М. : Статут, 1998. С. 490–503.

возмещение вреда, компенсация морального вреда), которые в первую очередь имеют целью восстановление правового положения потерпевшего. Размер убытков (вреда) подлежит доказыванию и определяется, исходя из расходов, которые лицо произвело или произведет для восстановления нарушенного права (или степени физических или нравственных страданий).

Штрафные меры (взыскание неустойки, процентов по ст. 395 ГК РФ и др.) применяются независимо от наличия убытков (вреда), которых может и не быть. Размер данных мер не подлежит доказыванию и носит ярко выраженный характер наказания правонарушителя. Обычно он устанавливается в законе или конкретизируется в допустимых пределах сторонами в договоре и зависит от величины основного долга, размера неустойки (процентов) и количества дней (иных показателей) просрочки исполнения (для пени). До нарушения размер компенсационных мер ответственности невозможно даже приблизительно определить, а относительно штрафных мер, зная исходные показатели, вполне реально подсчитать размер санкций, который не «привязан» к величине расходов на восстановление нарушенного права. В этом и состоит штрафная (наказательная) составляющая данной группы мер ответственности в гражданском праве. Штрафные меры применяются в денежной форме.

Конфискационные (в широком смысле) меры направлены на лишение имущества (имущественных благ) в форме лишения субъективного гражданского права. Специфика данных мер состоит в том, что через поражение субъективных прав лицо лишается принадлежащего ему имущества. Либо это происходит вследствие отказа в возможности защищать свое право, например, в результате

злоупотребления правом. Таким образом, имущественный характер данных мер выражается в лишении субъективного права на вещь (имущество).

К описанной группе относится гражданско-правовая конфискация, лишение нанимателя права пользования жилым помещением в результате выселения, отказ в защите права, отказ в признании субъективного права и другие. Особенностью данных мер является то, что они применяются только судом и их размер не может быть изменен по соглашению сторон; они осуществляются не в денежном выражении, а правовое регулирование данных мер характеризуется императивностью.

ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ ФОРМА

Восстановительная форма характеризуется применением мер защиты. Гражданско-правовым мерам защиты присущи следующие особенности (признаки) [4, с. 50–51]².

1. По содержанию не являются безэквивалентным имущественным лишением и применяются в принудительном порядке или осуществляются добровольно в форме восстановления положения, существовавшего до нарушения, либо пресечения действий, нарушающих право (или создающих угрозу его нарушения), либо признания субъективного права (или факта).

2. Отсутствие осуждения нарушителя.

3. Тесная связь с нарушенным правом, которое защищается конкретной мерой защиты, не заменяемой какими-либо другими (за исключением кондикции).

4. Чаще всего реализуются не в денежной форме и, как правило, восстановлению подлежит существующее субъективное гражданское право.

5. Правовое регулирование мер защиты характеризуется императивным

² Об этом см.: Звягинцева Л. М. Меры защиты в советском семейном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1980. С. 10. См. также: Стоякин Г. Я. Меры защиты в советском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1972. С. 47.

характером и абсолютной определенностью размера санкций.

На основании данных признаков можно предложить следующее определение анализируемых мер.

Гражданско-правовые меры защиты – это предусмотренные законом санкции, которые применяются в принудительном порядке или осуществляются добровольно независимо от вины нарушителя в форме восстановления положения, существовавшего до нарушения, либо пресечения действий, нарушающих право (или создающих угрозу его нарушения), либо признания субъективного права (или факта), и по содержанию не являются безэквивалентным имущественным лишением.

Гражданско-правовым мерам защиты, являющимся разновидностью мер государственного принуждения, присущи, на наш взгляд, три функции: восстановительная, обеспечительная и пресекательная.

Мерам защиты не свойственна штрафная функция. Наказание – это прерогатива ответственности. Среди гражданско-правовых санкций данную функцию выполняют только меры ответственности. Сказанное отнюдь не означает, что применение мер защиты не сопровождается определенным нежелательным воздействием на нарушителя, но по содержанию не несет в себе безэквивалентных имущественных лишений, характерных для мер ответственности.

Основанием мер защиты является противоправное поведение лица. При отсутствии нарушения субъективного гражданского права необходимости в применении мер защиты нет, поскольку права лица не пострадали и восстанавливать нечего. Применительно к мерам защиты противоправное поведение представляет собой действие (или бездействие) лица, выражающееся в нарушении (или создании угрозы нарушения) нормы права и субъективного гражданского права и (или) интереса.

По результату действия все меры защиты подразделяются на *восстановительные* (присуждение к исполнению обязанности, виндикация, кондикция, реституция и др.), *пресекательные* (негаторный иск, запрещение выпуска произведения в свет и др.) и меры, направленные *на признание* права (или факта) (признание сделки недействительной, признание недействительными актов государственных органов или органов местного самоуправления и др.).

ПРЕВЕНТИВНАЯ ФОРМА

В рамках превентивной формы реализуются меры самозащиты. Согласно ст. 14 ГК РФ допускается самозащита гражданских прав. В законе содержатся требования, которые должны быть соблюдены, чтобы самозащита была правомерной: это соразмерность способов самозащиты нарушению и то, что самозащита не должна выходить за пределы действий, необходимых для пресечения нарушения.

Под самозащитой гражданских прав следует понимать совершение управомоченным лицом дозволенных законом действий фактического порядка, направленных на охрану его личных или имущественных прав и интересов [5, с. 117].

Основной чертой мер самозащиты является их компенсационный характер. Он выражается в том, что меры самозащиты применяются в случае нарушения субъективного гражданского права (или в случае создания угрозы его нарушения) в целях защиты нарушенного права. В связи с этим самозащита отнесена к способам защиты гражданского права.

С учетом изложенного представляются спорными попытки отнесения к данному способу защиты права действий, заключающихся в установке сигнализаций, клеймении вещей и др. В подобной ситуации нет нарушения гражданского права. Соответствующие действия направлены на предупреждение нарушения

гражданских прав, не являются мерой воздействия на лицо и реализуются в рамках регулятивного правоотношения (направлены на неопределенный круг обязанных лиц).

Меры самозащиты (в узком смысле слова) применяются при нарушении вещных прав во внесудебном порядке. Реализация заключается в принудительном воздействии на правонарушителя в целях приостановления, пресечения начавшегося нарушения права либо немедленной ликвидации последствий состоявшегося нарушения. Такой цели можно достигнуть только активными действиями.

Формы самозащиты определяются законом (охранительные меры). Лицо должно осуществлять самостоятельные действия только в этих формах, иначе его действия могут быть обжалованы в судебном порядке.

В юридической литературе к мерам самозащиты принято относить необходимую оборону и действия в состоянии крайней необходимости. По нашему мнению, меры самозащиты, подобно всем остальным гражданско-правовым мерам правового воздействия реализуются в охранительном правоотношении.

Согласно ст.ст. 12, 14 ГК РФ любой субъект гражданского права имеет возможность осуществлять самозащиту своего права (*субъективное право на самозащиту*).

Необходимая оборона в гражданском праве — это самостоятельные действия по пресечению (приостановлению) начавшегося нарушения абсолютного права путем психического (путем убеждения, без причинения вреда) или физического (путем причинения вреда) принуждения правонарушителя.

Таким образом, необходимая оборона в гражданском праве должна быть соразмерной и своевременной, применяться только в отношении должника правоотношения и быть направленной на защиту аб-

солютного права от неправомерного поведения обязванной стороны правовой связи.

Крайняя необходимость применяется для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества и государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости.

Превышением пределов крайней необходимости признается причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожающей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда указанным интересам был причинен вред, равный или более значительный, чем предотвращенный.

ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНАЯ ФОРМА

Обеспечительная форма охранительных отношений отличается осуществлением мер оперативного воздействия. «Под мерами оперативного воздействия, — писал В. П. Грибанов, — понимаются такие юридические средства правоохранительного характера, которые применяются к нарушителю гражданских прав и обязанностей непосредственно самим управомоченным лицом как стороной в гражданском правоотношении без обращения за защитой права к компетентным государственным или общественным органам» [5, с. 133].

Меры оперативного характера применяются во внесудебном порядке в одностороннем порядке независимо от согласия нарушителя на их осуществление (т. е. являются мерами принуждения). Для оперативных мер характерна обеспечительная черта, выражающаяся в стимулировании участников гражданского оборота к надлежащему исполнению обязательств.

Специфичен и механизм правового воздействия на нарушителя. Правовой эффект здесь достигается благодаря тому,

что реализация данных мер приводит к изменению или прекращению правоотношения. Следовательно, применение оперативного воздействия носит юридический характер.

По юридической природе оперативные меры являются односторонними сделками, т. е. правомерными юридическими действиями, влияющими на изменение договорного правоотношения. Реализация данных мер в форме бездействия исключается.

В случае неправомерного применения мер оперативного воздействия (с нарушением требований ГК РФ или иных федеральных законов) лицо вправе оспорить их в суде.

К числу мер оперативного воздействия относится удержание, отказ от (исполнения) договора, отказ от принятия ненадлежащего исполнения, приостановление встречного исполнения и др.

Согласно ст. 359 ГК РФ кредитор, у которого находится вещь, подлежащая передаче должнику либо лицу, указанному должником, вправе в случае неисполнения должником в срок обязательства по оплате этой вещи, возмещению кредитору связанных с ней издержек и других убытков, удерживать ее до тех пор, пока соответствующее обязательство не будет исполнено.

Удержанием вещи могут обеспечиваться также требования, хотя и не связанные с оплатой вещи или возмещением издержек на нее и других убытков, но и возникшее из обязательства, стороны которого действуют как представители.

Д. И. Мейер отмечал, что под правом удержания «разумеется право владельца чужой вещи не выдавать ее собственнику до исполнения лежащего на нем перед владельцем обязательства» [6, с. 265].

Удержание – это способ обеспечения исполнения обязательств, который реализуется в акцессорном обязательстве. Однако удержание – это и мера оперативного воздействия (мера принуждения),

осуществляемая в охранительном правоотношении. Возникновение удержания может быть в силу закона или в силу соглашения сторон (ст. 359 ГК РФ).

Отказ от договора – мера оперативного воздействия, применяемая в случаях, предусмотренных в законе. Например, по договору купли-продажи покупатель вправе отказаться от договора в случае существенного нарушения продавцом требований к качеству товара (ст. 475 ГК РФ) либо при невыполнении продавцом требования покупателя о доукомплектовании товара (ст. 480 ГК РФ).

Основанием применения данной меры правового воздействия является нарушение договора. Наличие вины, причинной связи, вреда (убытков) не требуется для применения данной меры. Реализуется мера в одностороннем порядке путем самостоятельных действий лица. Правовым последствием применения данной меры является прекращение правоотношения и восстановление нарушенного права.

Так, в соответствии со ст. 475 ГК РФ в случае существенного нарушения требований к качеству товара (обнаружения неустранимых недостатков) покупатель вправе по своему выбору отказаться от исполнения договора купли-продажи либо потребовать замены товара ненадлежащего качества товаром, соответствующим договору.

Управомоченная сторона вправе применить меру оперативного воздействия – отказ от исполнения договора – немедленно после нарушения, заявив об этом в устной или письменной форме.

Кредитор, не утративший интерес к исполнению обязательства, вправе направить должнику претензию, в которой он излагает свое намерение отказаться от договора, если договор не будет исполнен надлежащим образом.

Поскольку отказ от договора представляет собой по юридической природе

одностороннюю сделку, то должны соблюдаться все условия действительности сделок. В частности, отказ может быть совершен в устной форме. Письменная форма должна соблюдаться в случаях, предусмотренных ст. 168 ГК РФ.

При нарушении одного из условий действительности сделок отказ от договора не повлечет тех юридических последствий, которые наступают при реализации данной меры оперативного воздействия.

Следует отметить, что отказ от договора должен быть совершен в той же форме, что и договор. Так, в судебной практике обращается внимание по одному из дел, что доказательств направления истцом письменное уведомление с четко выраженным требованием отказа от договора отсутствует. К мерам оперативного воздействия относится отказ от ненадлежащего исполнения.

Если отказ от договора является односторонней сделкой, то отказ от ненадлежащего исполнения представляет собой юридический поступок. В отличие от сделок, реализация данной меры оперативного воздействия специально не направлена на наступление юридических последствий, что имеет место при отказе от ненадлежащего исполнения.

Право на отказ от ненадлежащего исполнения возникает при нарушении договора только в случаях, предусмотренных законом. Например, согласно ст. 468 ГК РФ при передаче продавцом предоставленных договором купли-продажи товаров в ассортименте, не соответствующем договору, покупатель вправе отка-

заться от их принятия и оплаты, а если они оплачены, потребовать возврата уплаченной денежной суммы. Мера оперативного воздействия – это приостановление исполнения (ст. 328 ГК РФ). Охранительными нормами, на основе которых реализуется данная мера принуждения применительно к отдельным договорам, являются правила ст.ст. 486, 719 ГК РФ и др.

В судебной практике в мотивировочной части одного из решений отмечается: так как заказчиком не выполнялись условия договора по оплате подрядных работ, подрядчик прекратил строительство объекта и направил об этом уведомление заказчику. Судом правильно применена к правоотношениям сторон ст. 328 ГК РФ, так как в случае непредоставления обязанной стороной обусловленного договором исполнения обязательства либо наличия обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что такое исполнение не будет произведено в установленный срок, сторона, на которой лежит встречное исполнение, вправе приостановить исполнение своего обязательства либо отказаться от исполнения этого обязательства и потребовать возмещения убытков.

Закключение

Таким образом, проанализированные выше четыре формы охранительных отношений способствуют реализации восстановительной функции гражданского права. Принцип всемерной охраны и защиты нарушенных гражданских прав находит свою реализацию с помощью каждой из этих форм.

Список литературы

1. Малеин Н. С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях / отв. ред. В. В. Лаптев. М. : Наука, 1968. 207 с.
2. Красавчиков О. А. Ответственность, меры защиты и санкции в советском гражданском праве // Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав : сб. учен. тр. Свердловск : [б. и.], 1973. Вып. 27. С. 5–16.
3. Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. I. М. : Юрид. лит., 1981. 360 с.
4. Илларионова Т. И. Начала диспозитивности и императивности в гражданско-правовом договоре // Гражданско-правовой договор и его функции : межвуз. сб. науч. тр. Свердловск : Уральский гос. ун-т, 1980. С. 45–52.

5. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2000. 410 с.
6. Мейер Д. И. Русское гражданское право. В 2 ч. Ч. 1. М. : Статут, 1997. 290 с.

References

1. Malein N. S. *Property Liability in Economic Relations*. Moscow: Nauka Publ.; 1968. 207 p. (In Russ.).
2. Krasavchikov O. A. Responsibility, Measures of Protection and Sanctions in the Soviet Civil Law. In: *Problems of Civil Liability and Protection of Civil Rights. Iss. 27*. Sverdlovsk, 1973. P. 5–16. (In Russ.).
3. Alekseev S. S. *General Theory of Law. Vol. I*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1981. 360 p. (In Russ.).
4. Illarionova T. I. Beginnings of Optionality and Imperativeness in a Civil Law Contract. In: *Civil Law Contract and Its Functions*. Sverdlovsk: Ural State University Publ.; 1980. P. 45–52. (In Russ.).
5. Gribanov V. P. *Implementation and Protection of Civil Rights*. Moscow: Statut Publ.; 2000. 410 p. (In Russ.).
6. Meier D. I. *Russian Civil Law. Part I*. Moscow: Statut Publ.; 1997. 290 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Денис Николаевич Кархалев, профессор кафедры гражданского права Сибирского юридического университета (ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Российская Федерация), доктор юридических наук; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1822-2141>; e-mail: dnk001rb@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Denis N. Karkhalev, Professor of the Department of Civil Law at the Siberian Law University (12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russian Federation), Doctor of Legal Sciences; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1822-2141>; e-mail: dnk001rb@yandex.ru

Поступила | Received
17.01.2023

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
21.02.2023

Принята к публикации | Accepted
31.03.2023

УДК 343.7

DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-1-64-76

EDN: PHXTDP

Оригинальная научная статья

Недвижимость как предмет хищения: социально-исторический анализ

А. А. Максуров

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,
Ярославль, Российская Федерация*

✉ taxurov78@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы отнесения недвижимого имущества к объектам хищения и прежде всего мошенничества. Определена важность решения такого рода вопроса с позиций истории правового регулирования, показано социально-экономическое значение недвижимости в современном обществе. Сделан вывод об изменении социальной сущности недвижимого имущества за время исторического развития, что оказало влияние на правовое регулирование защиты прав на недвижимость, в том числе нормами уголовного законодательства. Рассмотрены предпосылки и возможности историко-правового подхода в указанной части. Даны характеристики основным тенденциям развития правопонимания о недвижимости как объекте преступного посягательства и в первую очередь хищения. Автор пришел к выводу, что такое развитие во многом связано с изменением содержательных характеристик права на недвижимое имущество, с одной стороны, и уточнением места права собственности в системе других прав на недвижимость, с другой. Кроме того, исторически менялось и понятие мошенничества как вида преступного поведения. В работе определены приоритеты в исследуемой сфере послереволюционного периода, не поспешившего воспользоваться прежним историческим опытом в полной мере и предложившим свое видение вопроса. По результатам исследования сделаны выводы о том, какие возможности для совершенствования законодательства об уголовной ответственности за хищение недвижимости предоставляет генезис российского права.

Ключевые слова: объект преступления, предмет преступления, недвижимое имущество, хищение недвижимости, недвижимость как объект мошенничества

Для цитирования: Максуров А. А. Недвижимость как предмет хищения: социально-исторический анализ // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 1. С. 64–76. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-1-64-76>. EDN: <https://elibrary.ru/phxtdp>

Original scientific article

Real Estate as a Subject of Theft: a Socio-Historical Analysis

A. A. Maksurov

P. G. Demidov Yaroslavl State University,
Yaroslavl, Russian Federation

✉ maxurov78@yandex.ru

Abstract. The article deals with the actual problems of classifying real estate as objects of theft and, above all, fraud. The importance of solving this kind of issue from the standpoint of the history of legal regulation is determined, the socio-economic significance of real estate in modern society is shown. The conclusion is made about the change in the social essence of real estate during the historical development, which influenced the legal regulation of the protection of rights to real estate, including the norms of criminal law. The prerequisites and possibilities of the historical and legal approach in this part are considered. Characteristics are given to the main trends in the development of legal understanding about real estate as an object of criminal encroachment and, first of all, theft. The author came to the conclusion that such development is largely due to a change in the content characteristics of the right to real estate, on the one hand, and a clarification of the place of ownership in the system of other rights to real estate, on the other. In addition, the concept of fraud as a type of criminal behavior has historically changed. The paper identifies priorities in the area under study of the post-revolutionary period, which did not hasten to take full advantage of the previous historical experience and offered its own vision of the issue. Based on the results of the study, conclusions were drawn about the opportunities for improving the legislation on criminal liability for theft of real estate provides the genesis of Russian law.

Keywords: object of crime, subject of crime, real estate, real estate embezzlement, real estate as an object of fraud

For citation: Maksurov A. A. Real Estate as a Subject of Theft: a Socio-Historical Analysis. *Siberian Law Review*. 2023;20(1):64-76. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-1-64-76>. EDN: <https://elibrary.ru/phxtdp> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Мы полагаем, что в юридической науке имеются резервы для совершенствования норм уголовного закона об ответственности за хищение чужого недвижимого имущества.

Недвижимость в России остается достаточно дорогостоящей для большинства российского населения и, как следствие, является достаточно частым объектом преступных посягательств.

К сожалению, Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации не осуществляет сбор и анализ статистической информации именно в отноше-

нии недвижимости как объекта хищений или иных преступных посягательств¹. Поэтому в данной ситуации приходится доверять отдельным узкоспециальным исследованиям. Все они, однако, свидетельствуют о криминализации рынка недвижимости и росте общего числа преступных посягательств на недвижимое имущество.

Например, по результатам исследования Финансового университета при Правительстве РФ количество преступлений, связанных с операциями с недвижимостью, выросло на 18 % за три года, говорится в исследовании Финансового

¹ URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 11.01.2023).

университета при Правительстве РФ: если в 2015 г. было зафиксировано 6 208 дел, связанных с мошенничеством на рынке недвижимого имущества, то в 2019 г. — уже 7 340, в 2020 г. — 8 322². Примерно такими же показателями роста оперируют и другие ученые [1, с. 116–121]. Недвижимость в любой форме все чаще становится объектом преступных посягательств, а размер ущерба от преступлений такого рода постоянно растет [2, с. 162–164].

Вместе с тем в науке уголовного права до настоящего времени не выработалось единой концепции хищения недвижимого имущества, нет определенности с отграничением такого рода хищений от смежных составов преступления, даже принципиально не решен вопрос о возможности завладения чужим недвижимым имуществом путем мошенничества в форме хищения. Остаются нерешенными и практические моменты квалификации такого рода противоправных действий.

В то же время законодательство о недвижимости объективно сложно и криминологам следует учитывать содержательные характеристики гражданско-правовых конструкций, имеющие собственные логику и обоснование, и не всегда совпадающие с уголовно-правовыми «свойствами» недвижимости как объекта преступного посягательства.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕДВИЖИМОСТИ С ПОЗИЦИЙ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Недвижимость в экономической и социальной жизни общества занимает особое место. С одной стороны, как отмечают экономисты, все производительные силы общества как основа его экономического базиса, так или иначе сводятся к объек-

там недвижимости³, которые составляют первооснову для любого производства материальных благ и их распределения⁴. Недвижимое имущество — основной объект для консервативных инвестиций в современном мире⁵.

Исторически недвижимость, несомненно, является значимым благом цивилизации для человека и человечества. По сути, все мировые религии и известные духовные практики, философские построения и политические лидеры, ученые и люди творчества осуждали и осуждают произвольное лишение человека недвижимой собственности.

Для недвижимости в современной России характерны также следующие моменты, не полностью свойственные месту недвижимости в экономических и социальных системах других стран.

В частности, особо значимым моментом является социальная сущность недвижимости для большинства российского населения, для которого недвижимость заключается, главным образом, в жилом помещении.

Исходя из пирамиды потребностей человека, предложенной А. Маслоу, потребность в жилище относится к важнейшим потребностям человека. Учитывая значительную стоимость недвижимости по сравнению с общим доходом большинства российских домохозяйств, его потеря в результате хищения является крайне болезненной и для многих трудно восполнимой.

Одновременно реализация потребности в жилище является первичной для нормального человеческого существования, творческой и трудовой человеческой деятельности, т. е. содержит важный социально-экономический, а часто и предпринимательский потенциал.

² Число квартирных мошенничеств в РФ выросло за три года почти на 20 %. URL: <https://www.interfax.ru/russia/726549> (дата обращения: 11.01.2023).

³ Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс : учеб. : в 2 т. М. : Инфра-М, 2020. Т. 2. С. 214.

⁴ Самуэльсон П. Э., Нордхаус В. Д. Экономика : учеб. М. : Диалектика, 2020. С. 67.

⁵ Пиндайк Р. С., Рубинфельд Д. Л. Микроэкономика : учеб. для вузов. М. : Дело, 2020. С. 189.

Поэтому уголовно-правовая защита собственников недвижимости часто связана с одновременной защитой конституционного права граждан на жилье.

В современном мире эффективность правовой защиты собственников недвижимости – важный индикатор развитой рыночной экономики [3, с. 64]. Сегодня построение эффективной системы защиты прав собственника на принадлежащую ему недвижимость – важные проявления не только охранительной (правоохранительной), но и экономической функции как государства⁶, так и права [4, с. 121–127].

Возможности ИСТОРИКО-ПРАВОВОГО ПОДХОДА

Как мы отмечали выше, к сожалению, в уголовно-правовой доктрине нет единства мнений по поводу дефиниции недвижимого имущества как предмета уголовно-правовой охраны, нет и относительно однообразного подхода к квалификации завладения чужим недвижимым имуществом судебными органами.

Здесь может быть с успехом задействован, как мы полагаем, историко-правовой подход.

Вообще, историко-правовой подход в ряде правовых исследований, в том числе, и по нашей тематике, следует признать достаточно перспективным и значимым, поскольку подход законодателя и юристов прошлого к схожим с современными правовым проблемам не только позволит более глубоко понять нынешнюю проблематику хищений чужого недвижимого имущества, но и, возможно, обогатит нас уже апробированными временем вариантами правового регулирования в названной сфере. В любом случае, осознание

прошлых правовых достижений (равно как и недостатков) будет способствовать построению эффективного правового регулирования в данной области уже в современности [5, с. 295].

Отметим, что историко-правовой подход не следует и абсолютизировать: все-таки речь идет об анализе правовых феноменов, характерных для человеческих сообществ иных эпох, а иногда и стран с их особенностями истории, ментальности населения и другими важнейшими факторами⁷.

Вместе с тем, рассматривая вопросы генезиса уголовной ответственности за хищения чужого недвижимого имущества, мы все же приходим к выводу о наличии неких закономерностей развития данного института на различных исторических этапах правотворчества в области объективного уголовного права. Вряд ли какие-либо архаичные нормы права, свойственные совсем для иных цивилизационных формаций, могут быть подвергнуты рецепции или имплементации, однако уяснение закономерностей генезиса института уголовной ответственности за хищения чужого недвижимого имущества позволяет нам глубже взглянуть на взаимосвязь права и его социальных детерминант, что, как мы объясним позднее, особенно важно с точки зрения самого понимания возможности привлечения к уголовной ответственности за хищения чужого недвижимого имущества.

Институт хищения недвижимого имущества: ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Не будет ошибкой сказать, что институт хищения чужого недвижимого

⁶ Ануцов В. В. Экономическая функция государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 19.

⁷ История отечественного государства и права в вопросах и ответах : учеб. пособие / О. Ю. Рыбаков, С. В. Ворошилова, Ю. М. Понихин [и др.] ; под ред. Ю. М. Понихина. Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2018. С. 78 ; История отечественного государства и права : курс лекций / И. В. Архипов, Ю. М. Понихин, О. Ю. Рыбаков [и др.] ; под ред. Ю. М. Понихина. М. : Проспект, 2019. С. 89.

имущества имеет глубокие корни, хотя самые древние («первоначальные») принципиальные правовые установления на этот счет и не имели основных структурных и содержательных характеристик современного института уголовной правоохраны недвижимости, являясь, в лучшем случае, либо аналогом правовой конструкции имущественного интереса собственника, либо действием правового обычая.

Поэтому для нас интересны две параллельно идущие тенденции. С одной стороны, на протяжении веков меняется подход государства и права к недвижимому имуществу как к особому объекту собственности, что проявляется в постоянном усложнении перехода прав от первых формальных «ритуальных» действий по переводу права собственности на недвижимость на другое лицо вплоть до создания современного института государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним. С другой стороны, происходит эволюция понимания такого вида хищения как мошенничество, а также изменение в уголовно-правовой регламентации ответственности за такого рода деяние. Обе эти тенденции нуждаются в краткой характеристике.

В частности, отдельные исследователи приводят характеристики древних правовых феноменов, позволяющие считать, что прообразы формализации перехода прав на недвижимое имущество существовали уже в Древнем Египте [6, с. 323] и Индии⁸, однако, анализ данной литературы показывает, что, скорее всего, речь идет лишь о неких ритуальных действиях, связанных с переходом права собственности на недвижимое имущество от одного лица к другому.

То же самое можно сказать и о праве Древней Греции, где недвижимое имущество рассматривалось как особый объект

права, однако какого-либо влияния на особенности его уголовно-правовой охраны это не оказывало⁹.

Противоправное завладение чужим недвижимым имуществом в те времена могло быть в любой форме; чаще всего речь шла о вторжении на территорию чужого объекта недвижимости (дом) и изгнание (убийство) его хозяев, в том числе, по причине якобы имевшего у них место долга перед захватчиком, либо распахка чужого земельного участка, что, по сути, в то время означало его фактический захват. В ряде случаев при внешне правомерном переходе права собственности на недвижимость появилась практика записи о смене собственника, однако такого рода записи не имели современного значения государственного признания за лицом права на недвижимое имущество, а велись с фискальными (налоговыми) целями, причем достаточно хаотично.

Несколько более определенной стала ситуация в Древнем Риме. В постклассический период Римской империи у собственника земельного участка появилась обязанность по совершению формальных действий, связанных с переходом права собственности, а сведения о новом собственнике недвижимости (речь шла об относительно крупной недвижимости) заносились в списки – прообразы современного реестра прав [7, с. 330; 8, с. 74]. Каких-либо изменений в уголовном законе того времени это не повлекло.

Таким образом, несмотря на понимание некоторой специфики прав на недвижимость и особенностей самого объекта права в данном случае, уголовно-правовая защита не была в полной мере приспособлена под названные цели и особенности.

В исторических источниках нет сведений о результатах применения специальных инструментов уголовно-правовой

⁸ Крашенинникова Н. А. История права Востока : курс лекций. М. : Юрайт, 2020. С. 89.

⁹ История политических и правовых учений : учеб. для вузов / под ред. д. ю. н., проф. О. Э. Лейста. М. : Зерцало, 2020. С. 171.

защиты в связи с особым статусом данного предмета защиты, но вряд ли они были значительными¹⁰, в том числе, ввиду изначальной слабости юридической конструкции обязательной регистрации прав и ее низкой потенциальной востребованности (по сути, от нового собственника требовались только два действия: участвовать в формальной процедуре получения недвижимости «из рук» прежнего собственника и заявить о своем вновь возникшем праве государству, которое использовало такого рода знание, отраженное в письменном документе (прообразе реестра прав) чаще всего в фискальных целях. Если же недвижимым имуществом завладевало какое-либо лицо противоправно, то защита осуществлялась прежде всего в рамках гражданского права и процесса и уже по его результатам (если прежний собственник подтверждал свои права в суде и суд признавал его имеющим основания требовать виндикации) вставал вопрос об уголовной ответственности виновного (как правило, в виде ответственности за кражу), т. е. действовал совершенно обратный современному российскому праву подход: сначала доказывалось право, а потом уже вставал вопрос о наличии признаков уголовно-наказуемого деяния, а не наоборот, когда судом рассматривается уголовное дело и в его рамках или после его рассмотрения заявляется гражданский иск.

Тем не менее это, пожалуй, первый случай в истории, когда налицо проявилась взаимосвязь между особенностями недвижимости как объекта права собственности и уголовной ответственностью за посягательство на данный объект. С закатом Римской Империи до эпохи Средних Веков такого рода правотворческих феноменов мы не наблюдаем, хотя в литературе и имеются отдельные указа-

ния на такого рода взаимосвязи фиксации за конкретным лицом прав на недвижимое имущество и уголовной ответственностью за посягательство на нее в праве Византийской Империи [9, с. 27–51], однако недостаток текстовых источников не позволяет нам придерживаться данной точки зрения [10, с. 189], равно как не позволяет и утверждать обратное.

Видимо все-таки правильнее считать, что в континентальном праве возврат к пониманию взаимосвязи регистрации прав на недвижимое имущество и уголовной ответственности за противоправное завладение им наблюдается уже в Средние Века, главным образом, в Германии [8, с. 74]: захват ленного владения был возможен только «по праву войны» и преступным деянием в то время не считался, тогда как захват иной частной недвижимости был возможен и в результате преступления. Есть некоторые основания считать, что аналогичные нормы содержались и во французском средневековом праве, а источником норм были кутюмы (местные обычаи), однако это пока еще остается лишь предположением, хотя и весьма вероятным [11, с. 177]. Что же касается Германии, то опять-таки серьезных историко-правовых документов той эпохи не сохранилось, однако указанное вполне возможно в части имущественных отношений в сфере недвижимости городов Средневековой Германии [12, с. 42–47].

К. П. Победоносцев в своем историческом очерке писал, что ранее существовали проявления повышенной защиты прав на недвижимость. Среди приведенных им примеров мы видим такие особенности только с точки зрения норм гражданского права (вопросы соблюдения прав «соучастников владения» имением, интересов членов общины и пр.¹¹ Однако данный автор

¹⁰ Дождев Д. В. Римское частное право : учеб. для вузов. М. : Норма, 2020. С. 61.

¹¹ Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. Репринт. М. : Статут, 2021. С. 403.

подспудно указывал и на бессистемность таких способов, а также их повышенную историческую изменчивость¹².

К. П. Победоносцев строил свои выводы на том соображении, что такого рода повышенная защита прав на недвижимость была связана с несколько более распространенным в «обычном праве» перечнем ограниченных вещных прав на недвижимое имущество, который впоследствии не был учтен законодателем¹³, что, свидетельствует о попытке законодателя упорядочить существующую систему вещных прав, более подробно урегулировать востребованные практикой права и лишить правовой защиты до сих пор местами присутствовавшие архаичные формы реализации имущественных интересов в отношении недвижимости. Разумеется, значимых количественных характеристик К. П. Победоносцев в своей работе не приводит, однако факт более широкого распространения самых разнообразных форм ограниченного вещного права на недвижимость следует признать доказанным. Возможно, это было одной из причин отсутствия особой уголовно-правовой охраны недвижимого имущества в те времена.

РАЗВИТИЕ НОРМ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО В РОССИИ

Не менее сложно происходило развитие и норм об уголовной ответственности за мошенничество.

В указанном вопросе Россия оставалась в пределах «общемирового тренда», который определял, что мошенничество длительное время оставалось некоей разновидностью кражи и грабежа, однако осуществленных «наиболее ловким образом» [13, с. 17–32] и, как правило, сопряженных с обманом. В этом смысле новым подходом отличалось Соборное

уложение 1649 г., которое впервые предложило разграничение мошенничества от иных видов хищения, рассматривая его уже в качестве преступления особого рода. Авторы указывают, что с этого момента к имущественным преступлениям стали относить татьбу простую и квалифицированную (церковную, на службе, конокрадство, совершенную в государственном дворе), разбой (совершенный в виде промысла), грабеж простой и квалифицированный (совершенный служилыми людьми или детьми в отношении родителей), поджог, насильственное завладение чужим имуществом, порчу чужого имущества, а также мошенничество, которое понималось как хищение, связанное с обманом, но без насилия, и в этом смысле мошенничество противопоставлялось иным хищениям и, в первую очередь, грабежу и разбою [14, с. 18]. Одновременно мы видим, что насильственное завладение чужим имуществом, в каких бы терминах оно не выражалось, стало пониматься как отдельное посягательство на имущество, в том числе, имущество недвижимое.

Отечественные криминологи указывали, что примерно с конца XV в. в России фактически действовал особый юридический режим оборота земель и связанных с ними строений, зависящий от их происхождения и характера (вотчины, поместья и т. д.), а источники права содержали зачатки дифференциации уголовной ответственности в зависимости от характера объекта недвижимости: например, в Судебнике 1497 г. предусматривались такие виды наказуемого посягательства на право владения землей (основным видом недвижимого имущества), как нарушение межевых знаков, потрава посевов, уничтожение чужого урожая и т. п., хотя речь именно о хищении недвижимости (преступном завладении недвижимостью)

¹² Победоносцев К. П. Указ. соч. С. 404.

¹³ Там же.

как особом виде преступного посягательства на имущество все еще не шла¹⁴.

Существует и другое мнение. Так, И. Оськина и А. Лупу указывают на то, что «впервые о понятии мошенничества, способом совершения которого и поныне остается обман, было упомянуто в Судебнике Ивана Грозного 1550 г., установившем уголовную ответственность за данный вид преступления. Также в первый раз в нем даны различия между татьбою (кражей) и мошенничеством. Указание на то, что мошенничество возможно и без татьбы, появляется в Указе 1573 г. (дополнении к Судебнику), согласно которому к мошенничеству относился, например, подкуп для дачи ложных показаний. Понятия “обманщик” и “мошенник” употреблялись в Судебнике как равнозначные» [15, с. 5–6].

В то время оборот недвижимого имущества был незначителен, открытое владение похищенной недвижимостью, как и сегодня, было объективно затруднено, в связи с чем в качестве специфического вида имущества, имеющего особенности уголовно-правовой охраны, недвижимое имущество не рассматривалось. Напротив, с учетом уровня социально-экономического развития общества того времени, недвижимость сама по себе считалась наиболее «защищенным» активом, имуществом, которым завладеть было не просто.

Лишь в эпоху Петра I с развитием экономики страны значительно ускорился и гражданский оборот недвижимости, прежде всего, земельных участков, но также и привязанных к ним строений, что повлекло, в числе прочего, и введение в государственно-правовую практику самого термина «недвижимое имущество»,

впервые прозвучавшего в Указе о единонаследии от 23 марта 1714 г., хотя само содержание этого термина в Указе и не раскрывалось [16, с. 166–175].

Обращение высшей государственной власти к проблематике признания и закрепления прав на недвижимое имущество в XIX в. привело и к пониманию особенностей его уголовно-правовой охраны.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.¹⁵ похищение чужого имущества выделялось в виде разбоя, грабежа, кражи и мошенничества. Легальное определение мошенничества было дано в ст. 1665 Уложения, согласно которой таким признавалось «всякое, посредством какого-либо обмана учиненное, похищение чужих вещей, денег или инаго движимаго имущества». Таким образом, в качестве уголовно-наказуемых действий при мошенничестве рассматривался только обман, а на злоупотребление доверием в данной дефиниции не указывалось. При этом, законодатель прямо отметил, что предмет мошенничества – только движимые вещи. Те квалифицирующие признаки мошенничества, что все-таки были указаны в ст.ст. 1666–1676 Уложения, также не позволяют нам прибегнуть к расширительному толкованию.

Вместе с тем, уголовная ответственность за обман при совершении сделок с недвижимостью при отсутствии ссылок на то, что данное деяние является именно мошенничеством, в Уложении уже присутствовала.

Например, особым образом регламентировалась ответственность того лица, «кто, в намерении присвоить себе или доставить другому средство присвоить чужое недвижимое имение, составит подложные крепости, или межевые планы

¹⁴ Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть особенная: Посягательства личные и имущественные. 5-е изд. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1907. С. 228.

¹⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных : закон Рос. империи от 15 августа 1845 г. (в ред. 1885 г.) // Свод законов Российской империи : в 15 т. СПб. : Тип. Второго отд. Собств. Е. И. В., 1887. Т. XV. С. 189.

или книги, служащие доказательством права собственности...» (ст. 1677 Уложения). В статье 1688 Уложения указывается: «кто, из корыстных или иных личных видов, чрез сообщение с умыслом кому-либо ложных заведомо известий о каких-либо мнимых происшествиях или обстоятельствах, побудит его к невыгодной по имуществу сделке...». Схожие конструкции предусмотрены и ст.ст. 1689, 1690, 1694, 1695 Уложения.

Такой противоречивый подход законодателя привел к тому, что в литературе того времени уже были высказано мнение о том, что, по сути, предметом мошенничества может быть не только само недвижимое имущество, но и право на это имущество¹⁶. Однако такого рода мнение не подтверждалось судебной практикой в силу отсутствия на то прямого указания закона [17].

Таким образом, за совершение противоправного завладения недвижимостью путем обмана уголовная ответственность была, но прямо такого рода обман уголовный закон того времени мошенничеством не считал, на что обращали внимание до-революционные криминалисты¹⁷.

ИЗМЕНЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА НЕДВИЖИМОСТЬ

Мы полагаем, что в определенной мере приведенный выше подход был вызван недостаточной определенностью с правом собственности на недвижимость как основным вещным правом (все иные вещные права на недвижимую вещь про-

изводны от права собственности) в гражданском законодательстве того времени.

Как привычное нам по правовой конструкции субъективное право — право собственности на недвижимость — было определено лишь в Германском гражданском уложении¹⁸, действующем и поныне, хотя в данном акте и остались отдельные конструкции владения недвижимостью, более близкие к категории ограниченных вещных прав.

Тем интереснее другое: в ходе исследования мы пришли к однозначному выводу о том, что как в России, так и в странах Европы сложилось сходное понимание права собственности на недвижимость.

Право собственности на недвижимость как отдельный вид права в российских исторических правовых документах указывалось достаточно давно¹⁹, в том числе, в новгородской купчей грамоте [18, с. 134].

Разрешая вопросы наследования вотчин, Соборное Уложение 1649 г. учитывало особый характер прав на недвижимость²⁰, причем у историков права есть все основания полагать, что данная норма была востребованной на практике²¹.

Широко (в каких-то моментах даже шире, чем в современном праве, — при дарении, залоге и завещании и т. д.) применялись нормы, свидетельствующие о необходимости особой защиты права собственности как абсолютного вещного права в Своде гражданских законов, основными принципами которого было следование всех иных прав на недвижимость за правом собственности и необходимость

¹⁶ Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права : учеб. М. : Тип. Моск. ун-та, 1905. С. 211 ; Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 257.

¹⁷ Таганцев Н. С. Курс уголовного права. Часть Общая : учеб. СПб. : Тип. Стасюлевича, 1874. С. 109.

¹⁸ Гражданское законодательство за рубежом : сб. норматив. актов и коммент. к ним. М., 2019. С. 131.

¹⁹ Ильин А. В., Морозова С. А. Из истории права : учеб. пособие по правоведению для 10–11 классов сред. шк. СПб. : СпецЛит, 2017. С. 134.

²⁰ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М. : Юрид. лит., 2021. Т. 3 : Акты Земских соборов. 1200 с.

²¹ Латкин В. Н. Лекции по истории русского права, читанные в Императорском Училище Правоведения. СПб. : Тип. С.-Петербург. одиночной тюрьмы, 1912. С. 189.

«легитимации» права собственности на объект недвижимости со стороны государства путем регистрации сделок с имуществом такого рода²².

Таким путем достигался некий «баланс интересов» государства и общества²³. Это объяснялось требованием жизни о повышенной защите недвижимости и прав на нее, чему способствует как государственная регистрация прав на недвижимость, так и открытое владение ею добросовестным лицом [19, с. 43], хотя, скорее всего, можно найти в литературе того времени и иные позиции [20, с. 24–30].

В определенной мере такой подход может учесть и современный российский законодатель в качестве вектора возможных изменений гражданского законодательства, поскольку в отношениях собственности при прочих равных условиях, например, для отчуждающего имущество собственника возможность правовой защиты от преступных посягательств явно более важна, чем неудобства, связанные с соблюдением обязанностей по государственной регистрации перехода прав на недвижимость.

Таким образом, в дореволюционный период нашей истории мы наблюдали следующие тенденции, имеющие значение в целях настоящего исследования.

Во-первых, происходили формализация и легализация приобретения прав на недвижимость, а также перехода прав на недвижимое имущество, которые изначально отвечали более фискальным, чем охранительным целям и выражались в ритуальной форме совершения сделок с недвижимым имуществом, однако впоследствии уже стали представлять собой некоторые регистрационные действия, а результатом их стало признание государством права на объект недвижимости за конкретным лицом.

Одновременно с указанным, данные права из разрозненных разновидностей вещных прав, представляющих различного рода вариации прав владения и ограниченных вещных прав, упорядочились и привели к четкому подразделению вещных прав на право собственности и ограниченных, производных от права собственности, вещных прав, что соответствовало общемировой тенденции и отвечает принципиальным положениям действующего гражданского законодательства развитых стран.

Во-вторых, происходит развитие правового регулирования в виде дифференциации преступных посягательств на собственность, обособления мошенничества как формы завладения чужим имуществом наряду с другими уголовно-наказуемыми деяниями, приобретением мошенничеством как составом преступления присущих ему сегодня характеристик.

В-третьих, в отношении недвижимости можно указать и на влияние на вопросы правового регулирования ее оборота и уголовно-правовой охраны социально-экономической сущности данного имущества, которая приобретала все большее значение значимого средства производства.

Первоначальная защита исключительно ленных владений крупных земельных собственников с развитием экономики не могла уже отвечать потребностям все большего роста числа собственников недвижимого имущества: экономика развивалась, недвижимость «мельчала», становилась доступной широким слоям экономически активного населения.

Указанные выше тенденции в конце концов и привели к пониманию объекта недвижимого имущества как особого предмета преступного посягательства на собственность.

²² Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. М., 2018. С. 281.

²³ Латкин В. Н. Лекции по внешней истории русского права. М.: Изд-во И. М. Прохорова, 1903. С. 344.

ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

В советский период истории законодатель, по сути, отказался от присущего дореволюционному гражданскому праву деления вещей, причем, в ряде случаев, это было достаточно однозначным образом: декрет ВЦИК от 18 февраля 1918 г. «О социализации земли» (в ред. 1923 г.)²⁴ ввел примечание к ст. 21 ГК РСФСР 1922 г.²⁵, которым такое деление отменялось.

Таким образом, мы видим, что законодательство о вещных правах советского периода не имело в своей первооснове достижений дореволюционной юридической мысли, поэтому и было, в большей части, отвергнуто современным российским законодателем.

В то же время, с развитием рыночных отношений законодатель пришел к пониманию повышенной общественной опасности противоправного завладения чужим недвижимым имуществом и включил в текст Уголовного кодекса РСФСР 1960 г.²⁶ ст. 148². Эта конструкция была достаточно интересно: она предусматривала уголовную ответственность за неправомерное завладение чужим недвижимым имуществом с корыстной целью при отсутствии признаков хищения.

Подобной нормы действующий уголовный закон не содержит. Соответственно, с точки зрения уголовно-правовой защиты права собственности на недвижимое имущество защищаются тем же образом, что и на движимое.

Такого рода подход, по мнению ряда авторов, препятствует надлежащей уголовно-правовой охране прав на недвижимость [13, с. 18].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время отечественное гражданское законодательство о недвижи-

мом имуществе, в сравнении с законодательством прошлых периодов, характеризуется следующими основными чертами.

Во-первых, российское гражданское право относительно института права собственности в большей мере восприняло правовые достижения дореволюционного, нежели советского периода нашей истории, что совершенно понятно ввиду того особенного понимания собственности, которое было характерным для времен Советского Союза.

Во-вторых, несмотря на превалирование в законе абсолютно-правовой концепции права собственности на недвижимость, современное право учитывает и интересы добросовестного приобретателя недвижимости, что характерно, скорее, для относительного характера права и, соответственно, относительной же защиты. Указанный момент следует учитывать при определении способов уголовно-правовой охраны противоправно утратившего свое владение собственника недвижимости.

В-третьих, мы, как и другие авторы, не видим последовательности в закреплении норм об имущественных правах на недвижимость²⁷, поскольку расширение правовых возможностей собственника недвижимости совмещается с зачетом уступки прав на собственность именно как имущественных прав без перехода права собственности (что допускают отдельные зарубежные правовые порядки): приобрести «вторичное» право собственности или какое-либо из правомочий собственника без государственной регистрации перехода прав по российскому законодательству невозможно. Последнее обстоятельство вновь свидетельствует об отсутствии в настоящее время среди отечественных правоведов

²⁴ СУ РСФСР. 1923. № 10, ст. 123.

²⁵ Известия ВЦИК. 1922. 12 нояб.

²⁶ Уголовный кодекс РСФСР (ред. от 1 июля 1994 г.) // Рос. вести. 1994. 6 июля.

²⁷ Гражданское право : учеб. : в 2 т. / под ред. Е. А. Суханова. М. : Статут, 2018. Т. 1. С. 103.

и законодателей единой концепции субъективных вещных прав в объективном гражданском праве, что опять-таки подчеркивает актуальность заявленной тематики, хотя и принципиально облегчает уголовно-правовую защиту интересов собственника недвижимости.

Принципиально вопрос с дополнительной уголовно-правовой защитой прав собственника недвижимого имущества сегодня может быть решен не обязательно восстановлением некоего аналога ст. 148² УК РСФСР 1960 г., что нарушало бы системность норм о конструкциях составов преступления, предусмотренных Особен-

ной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Например, возможно установление квалифицирующего или особо квалифицирующего признака в одной из частей ст. 159 УК РФ с указанием, что посягательство на чужое недвижимое имущество отягчает наказание. Однако в современных условиях первоначально необходимо как минимум снять правовую неопределенность относительно возможности совершения мошенничества путем хищения чужого имущества, для чего вполне достаточно однозначного разъяснения по этому поводу Пленума Верховного Суда РФ.

Список литературы

1. Сторублёнова Е. Г., Ерин Е. Н. Статистическая характеристика преступлений против собственности // Проблемы в российском законодательстве. 2018. № 7. С. 116–121.
2. Преступность в сфере экономической деятельности: состояние, уголовно-правовые меры противодействия / Т. Д. Устинова, А. Ф. Истомин, В. А. Бурковская, Е. Ю. Четвертакова // Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью в сфере экономики : материалы расшир. заседания учен. совета. М. : [б. и.], 2019. С. 162–164.
3. Тейл Г. Экономические прогнозы и принятие решений : моногр. / пер. с англ.: Г. А. Хомянина, А. Г. Шмидта ; под ред. Е. М. Четыркина. М. : Статистика, 1971. 487 с.
4. Сазонов Н. И. О реализации экономической функции в современной России // Проблемы теории современного российского права : сб. науч. тр. РАЕН. Сер.: Право / под ред. акад. РАЕН, проф. Н. В. Щербаковой. М. : Ярославль : Верхне-Волжский науч. центр, 2015. Вып. 2. С. 121–127.
5. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд. М. : Статут, 2020. 414 с.
6. Томсинов В. А. Государство и право Древнего Египта : моногр. М. : Зерцало-М, 2011. 512 с.
7. Виндшейд Б. Об обязательствах по римскому праву / пер. с нем. А. Б. Думашевского. СПб. : Тип. А. Думашевского, 1875. 602 с.
8. Дерибурт Г. Пандекты / пер. с нем. 6-е изд., испр. СПб. : Гос. тип., 1905. Т. 1, ч. 2: Вещное право. 364 с.
9. Dagron G. Lawful Society and Legitimate Power // Law and Society in Byzantium, Ninth-Twelfth Centuries / ed. by A. E. Laiou, D. Simon. Washington, 1994. P. 27–51.
10. Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи. СПб. : Алетейя, 2019. 576 с.
11. Дюби Ж. История Франции. Средние века (987–1460): от Гуго Капета до Жанны д'Арк / пер. с франц. Г. А. Абрамова, В. А. Павлова. М. : Междунар. отношения, 2001. 415 с.
12. Келлер О. Нюрнбергское городское право как источник городского права на землях Центральной и Восточной Европы // Журнал международного права и международных отношений. 2013. № 1. С. 42–47.
13. Клепицкий И. А. Собственность и имущество в уголовном праве // Государство и право. 1997. № 5. С. 74–83.
14. Буз С. А. Уголовная ответственность за кражу чужого имущества в законодательстве монархической России X–XVIII вв. Краснодар, 2020. 312 с.
15. Осыкина И., Лупу А. Русская правда о мошенничестве // ЭЖ-Юрист. 2013. № 8. С. 1–6.
16. Иванова Е. Н. Недвижимое имущество как правовая категория и объект преступного посягательства // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2012. № 2. С. 166–175.
17. Упоров И. В. Признаки мошенничества в уголовном праве императорской России // Центральный научный вестник : электрон. журнал. 2019. Т. 4, № 5 (70). URL: <http://cscb.su/n/040501/040501021.htm> (дата обращения: 11.01.2023).
18. Товтолес Н. Н. Общая собственность по русскому гражданскому праву // Журнал Министерства юстиции. 1900. № 8. С. 134–139.
19. Мейер Д. И. Русское гражданское право (по исправленному и дополненному 8-му изд., 1902) : в 2 ч. Изд. 3-е, испр. М. : Статут, 2003. Ч. 2. 831 с.
20. Тараборин Р. С. Гражданское законодательство Российской Империи в дореволюционной правовой мысли: к историографии вопроса // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2013. № 1. С. 24–30.

References

1. Storublenkova E. G., Yerin E. N. Statistical Characteristics of Crimes Against Property. *Gaps in Russian Legislation*. 2018;7:116-121. (In Russ.).
2. Ustinova T. D., Istomin A. F., Burkovskaya V. A., Chetvertakova E. Yu. Crime in the Sphere of Economic Activity: State, Criminal Law Countermeasures. In: *Criminal Law and Criminological Problems of Combating Crime in the Sphere of Economy*. Moscow, 2019. P. 162–164. (In Russ.).
3. Theil H. *Economic Forecasts and Policy*. M.: Statistika Publ.; 1971. 487 p. (In Russ.).
4. Sazonov N. I. On the Implementation of the Economic Function in Modern Russia. In: Shcherbakova N. V. (Ed.). *Problems of the Theory of Modern Russian Law. Iss. 2*. Moscow, Yaroslavl: Upper Volga Scientific Centre, 2015. P. 121–127. (In Russ.).
5. Gribanov V. P. *Implementation and Protection of Civil Rights*. 2nd ed. Moscow: Statut Publ.; 2020. 414 p. (In Russ.).
6. Tomsinov V. A. *State and Law of Ancient Egypt*. Moscow: Zertsalo-M Publ.; 2011. 512 p. (In Russ.).
7. Windscheid B. *On Obligations Under Roman Law*. St. Petersburg: A. Dumashevskiy Printing House; 1875. 602 p. (In Russ.).
8. Dernburg H. *Pandekten. 1. Bandes, 2. Utheilung: Das Sachenrecht*. 6th ed. St. Petersburg: State Printing House, 1905. 364 p. (In Russ.).
9. Dagron G. Lawful Society and Legitimate Power. In: Laiou A. E., Simon D. (Eds.). *Law and Society in Byzantium, Ninth-Twelfth Centuries*. Washington, 1994. P. 27–51.
10. Medvedev I. P. *Legal Culture of the Byzantine Empire*. St. Petersburg: Aleteya Publ.; 2019. 576 p. (In Russ.).
11. Duby G. *History of France. Middle Ages (987–1460): Hugh Capet to Joan of Arc*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.; 2001. 415 p. (In Russ.).
12. Keller O. Nuremberg City Law as a Source of City Law on the Lands of Central and Eastern Europe. *Journal of International Law and International Relations*. 2013;1:42-47. (In Russ.).
13. Klepitskij I. A. Property and Belongings in Criminal Law. *State and Law*. 1997;5:74-83. (In Russ.).
14. Buz S. A. *Criminal Liability for Theft of Another's Property in the Legislation of Monarchical Russia in the 10th–18th Centuries*. Krasnodar, 2020. 312 p. (In Russ.).
15. Oskina I., Lupu A. Russian Truth About Fraud. *EG-Yurist*. 2013;8:1–6. (In Russ.).
16. Ivanova E. N. Immovable Property as a Legal Category and an Object of Crime. *Proceedings of the Institute of State and Law*. 2012;2:166-175. (In Russ.).
17. Uporov I. V. Conditions for Shipping Katorgi in the Final Period of the Russian Empire. *Central Science Bulletin*. 2019;4(5). Available at: <http://cscb.su/n/040501/040501021.htm> (In Russ.).
18. Tovtoles N. N. Common Property Under Russian Civil Law. *Journal of the Ministry of Justice*. 1900;8:134-139. (In Russ.).
19. Meier D. I. *Russian Civil Law (According to the Corrected and Supplemented 8th ed., 1902). Part 2*. 3rd ed.. Moscow: Statut Publ.; 2003. 831 p. (In Russ.).
20. Taraborin R. S. Pre-Revolutionary Conception of Civil Legislation in the Russian Empire: Historiography of the Problem. *Business in Law*. 2013;1:24-30. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексей Анатольевич Максуров, преподаватель Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова» (ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5781-6524>; e-mail: maxurov78@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Aleksei A. Maksurov, Lecturer of the P. G. Demidov Yaroslavl State University (14 Sovetskaya st., Yaroslavl, 150003, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5781-6524>; e-mail: maxurov78@yandex.ru

Поступила | Received
19.01.2023

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
02.02.2023

Принята к публикации | Accepted
31.03.2023

УДК 343.2

DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-1-77-89

EDN: QDGUXE

Оригинальная научная статья

Изменение категории преступления судом: закон, теория, практика

Р. Д. Шарапов *Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)**Университета прокуратуры Российской Федерации,**Санкт-Петербург, Российская Федерация*✉ srd72@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена уголовно-правовой характеристике изменения судом категории преступления на менее тяжкую. Уголовно-правовая норма, предусмотренная ч. 6 ст. 15 Уголовного кодекса Российской Федерации, подвергается догматическому анализу с опорой на положения теории уголовного права и судебной практики. Раскрывается содержание условий и основания изменения категории преступления как инструмента индивидуализации уголовной ответственности. Определена сущность изменения категории преступления судом, состоящая в том, что норма призвана устранить противоречие между необходимостью применить к осужденному уголовно-правовые последствия менее тяжкого преступления ввиду того, что назначенное ему наказание, отражающее существенно меньшую степень общественной опасности содеянного, соответствует категории менее тяжкого преступления, и невозможностью это сделать по формальным причинам ввиду того, что предусмотренная уголовным законом максимальная мера наказания за совершенное преступление категоризирует его как более тяжкое. В условиях невозможности изменения категории преступления по уголовному делу о преступлении небольшой тяжести для оценки фактических обстоятельств содеянного, свидетельствующих о существенно меньшей степени его общественной опасности, рекомендуется обсудить вопрос о применении уголовно-правовой нормы о малозначительности деяния (ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации). Суд при вынесении приговора обязан рассмотреть вопрос о возможности изменения категории преступления на менее тяжкую при наличии предусмотренных в ч. 6 ст. 15 Уголовного кодекса Российской Федерации формальных условий, однако изменить категорию преступления суд вправе при том оценочном основании, что степень общественной опасности преступления с учетом фактических обстоятельств его совершения существенно снижена. Изменение категории преступления не может влиять на применение уголовно-правовых норм, определяющих преступность деяния (квалификацию), а также регламентирующих правила назначения наказания отдельно за каждое совершенное преступление. Практика принятия судом решения об изменении категории преступления при вынесении постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям не соответствует процессуальному порядку применения ч. 6 ст. 15 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: категория преступления, изменение категории преступления, индивидуализация ответственности, оценка общественной опасности, постановление приговора

Для цитирования: Шарапов Р. Д. Изменение категории преступления судом: закон, теория, практика // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 1. С. 77–89. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-1-77-89>. EDN: <https://elibrary.ru/qdguxe>

Original scientific article

Changing the Category of Crime by the Court: Law, Theory, Practice

R. D. Sharapov

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russian Federation*

✉ srd72@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the criminal law characterization of the change by the court of the category of crime to a less serious one. The criminal law norm provided for by Part 6 of Art. 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, is subjected to dogmatic analysis based on the provisions of the theory of criminal law and judicial practice. The content of the conditions and grounds for changing the category of crime as a tool for the individualization of criminal liability is revealed. The essence of changing the category of a crime by the court is determined, which consists in the fact that the norm is designed to eliminate the contradiction between the need to apply the criminal legal consequences of a less serious crime to the convicted person due to the fact that the punishment imposed on him, reflecting a significantly lower degree of public danger of the deed, corresponds to the category of a less serious crime, and the impossibility to do this for formal reasons, due to the fact that the maximum penalty for a crime committed by the criminal law categorizes it as more serious. In the context of the impossibility of changing the category of crime in a criminal case of a crime of minor gravity in order to assess the actual circumstances of the deed, indicating a significantly lower degree of its public danger, it is recommended to discuss the application of the criminal law norm on the insignificance of the act (part 2 of article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation). When passing a sentence, the court is obliged to consider the possibility of changing the category of crime to a less serious one in the presence of those provided for in Part 6 of Art. 15 of the Criminal Code of the Russian Federation of formal conditions, however, the court has the right to change the category of a crime on the basis of an assessment that the degree of social danger of a crime, taking into account the actual circumstances of its commission, has been significantly reduced. A change in the category of a crime cannot affect the application of criminal law norms that determine the criminality of an act (qualification), as well as regulate the rules for sentencing separately for each crime committed. The practice of a court decision to change the category of a crime when issuing a decision to terminate a criminal case or criminal prosecution on non-rehabilitating grounds does not correspond to the procedural order of application of Part 6 of Art. 15 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: category of crime, change in the category of the crime, individualization of responsibility, assessment of public danger, sentencing

For citation: Sharapov R. D. Changing the Category of Crime by the Court: Law, Theory, Practice. *Siberian Law Review*. 2023;20(1):77-89. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-1-77-89>. EDN: <https://elibrary.ru/qdguхе> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

С декабря 2011 г. Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ) предусматривается право суда изменить категорию преступления на менее тяжкую

при наличии указанных в законе условий и оснований (ч. 6 ст. 15)¹. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 7 дек. 2011 г. № 420-ФЗ // Рос. газ. 2011. 9 дек.

Уголовного кодекса Российской Федерации»² (далее – постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10) изменение категории преступления на менее тяжкую позволяет обеспечить индивидуализацию ответственности осужденного за содеянное и является реализацией закрепленных в ст.ст. 6 и 7 УК РФ принципов справедливости и гуманизма.

Статистическая динамика применения ч. 6 ст. 15 УК РФ носит скачкообразный характер и свидетельствует о том, что данная мера уголовно-правового воздействия далеко не так распространена в практике уголовного судопроизводства как, например, освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Анализ данных, представленных Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, позволяет сделать вывод, что ежегодно по стране судами изменяется категория преступления в среднем 4 тыс. осужденным. Так, в 2013 г. зафиксировано 3 189 таких осужденных, а в 2017 г. – 1 959. В последние годы суды стали заметно чаще использовать свое право на изменение категории преступления (в 2021 г. – 6 528 осужденных, в 1 полугодии 2022 г. – 3 743 осужденных)³. Объяснение этому можно усмотреть в том, что Верховный Суд РФ, разъяснив порядок применения ч. 6 ст. 15 УК РФ в вышеупомянутом постановлении Пленума, сделал данную норму более понятной для судов, в том числе показал возможность применения в рамках судебного приговора положений института освобождения от уголовной ответственности вслед за изменением категории преступления с тяжкого на преступление средней тяжести. Не случайно при применении ч. 6 ст. 15 УК РФ чаще всего изменяется категория тяжких преступлений [1, с. 42].

Вместе с тем практика изменения категории преступления, а также теоретиче-

ские оценки этой уголовно-правовой нормы демонстрируют расхождение мнений по ряду вопросов, подтверждают актуальность тезиса о том, что «норма об изменении категории преступления существенно расширяет пределы судебного усмотрения, поэтому зачастую решение данного вопроса является непредсказуемым, не всегда остается ясным, чем руководствуется судья, применяя ч. 6 ст. 15 УК РФ либо отказывая в ее применении» [1, с. 40].

Сущность изменения категории преступления

В основе принятия судом решения о понижении категории преступления лежит обнаружившаяся по уголовному делу существенная разница между индивидуальной степенью общественной опасности конкретного преступления, оценку которой дает суд, и типовой степенью его общественной опасности, оценку которой дает законодатель, устанавливая категорию тяжести преступления. Анализируемая уголовно-правовая норма призвана устранить противоречие между необходимостью применить к осужденному уголовно-правовые последствия менее тяжкого преступления ввиду того, что назначенное ему наказание, отражающее существенно меньшую степень общественной опасности содеянного, соответствует категории менее тяжкого преступления, и невозможностью это сделать по формальным причинам ввиду того, что предусмотренная уголовным законом максимальная мера наказания за совершенное преступление категоризирует его как более тяжкое. Таким образом, категоризация преступлений становится инструментом не только дифференциации уголовной ответственности в руках законодателя, но и индивидуализации такой ответственности в руках суда.

² Рос. газ. 2018. 19 мая.

³ Судебный департамент при Верховном Суде РФ : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 08.01.2023).

Суд имеет право изменить категорию преступления только на менее тяжкую, и только не более чем на одну категорию преступления. Это означает, что особо тяжкое преступление при наличии оснований допустимо перевести в категорию тяжких преступлений, тяжкое преступление – в категорию преступлений средней тяжести, преступление средней тяжести – в категорию преступлений небольшой тяжести. Изменение категории преступления в отношении преступлений небольшой тяжести невозможно ввиду отсутствия в уголовном законодательстве менее тяжкой категории преступлений. Поэтому если по уголовному делу о преступлении небольшой тяжести фактические обстоятельства содеянного свидетельствуют о существенно меньшей степени его общественной опасности, то следует обсудить вопрос о применении ч. 2 ст. 14 УК РФ.

УСЛОВИЯ И ОСНОВАНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Суд вправе принять решение об изменении категории преступления на менее тяжкую при одновременном наличии следующих обстоятельств:

1. Наличие по обвинению в преступлении одного или нескольких смягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных чч. 1 или 2 ст. 61 УК РФ.

При этом следует иметь ввиду, что перечень предусмотренных данной статьей смягчающих наказание обстоятельств не является исчерпывающим. В случаях, когда в соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ судом в качестве смягчающих признаны обстоятельства, не предусмотренные ч. 1 ст. 61 УК РФ, они также учитываются при изменении категории преступления на менее тяжкую.

Напротив, если смягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления, оно само

по себе не может повторно учитываться при назначении наказания (ч. 3 ст. 61). Поэтому при отсутствии иного смягчающего обстоятельства, признанного таковым в порядке чч. 1 или 2 ст. 61 УК РФ, изменение категории преступления невозможно.

2. Отсутствие по обвинению в преступлении отягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного чч. 1 или 1¹ ст. 63 УК РФ.

Если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака состава преступления, в том числе квалифицированного состава преступления, то, как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в вышеупомянутом постановлении, такое обстоятельство по смыслу ч. 2 ст. 63 УК РФ не препятствует применению судом положений ч. 6 ст. 15 УК РФ. Например, грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное по мотивам, предусмотренным п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, или совершение кражи в составе группы лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ) само по себе не является препятствием для рассмотрения судом вопроса об изменении категории такого преступления на менее тяжкую.

Напротив, наличие одного или нескольких отягчающих наказание обстоятельств, указанных в чч. 1 или 1¹ ст. 63 УК РФ, исключает возможность изменения категории преступления на менее тяжкую.

3. Назначение судом наказания за преступление средней тяжести, тяжкое или особо тяжкое преступление в пределах, установленных в ч. 6 ст. 15 УК РФ, а именно: за преступление средней тяжести – назначено наказание, не превышающее трех лет лишения свободы, или другое более мягкое наказание; за тяжкое преступление – назначено наказание, не превышающее пяти лет лишения

свободы, или другое более мягкое наказание; за особо тяжкое преступление – назначено наказание, не превышающее семи лет лишения свободы.

В ответ на возникший в судебной практике вопрос о том, что понимать под «наказанием, не превышающим трех, пяти и семи лет лишения свободы», суды выработали позицию, согласно которой под таким наказанием следует понимать наказание в виде лишения свободы на срок, не превышающий указанных пределов, в том числе равный им, независимо от назначения дополнительных видов наказания. Например, назначение осужденному за кражу, ответственность за которую предусмотрена ч. 2 ст. 158 УК РФ, наказания в виде лишения свободы на срок три года с ограничением свободы на срок до одного года не исключает возможности понижения категории данного преступления до категории преступлений небольшой тяжести, несмотря на то что формально такое наказание превышает соответствующий предел. Под «другим более мягким наказанием» понимается наказание, не связанное с лишением свободы. Назначение условного осуждения (ст. 73 УК РФ) также не препятствует принятию решения об изменении категории преступления.

4. Фактические обстоятельства совершения преступления, учитываемые судом, снижают степень его общественной опасности.

Последнее обстоятельство является наиболее сложным для мотивирования в судебной практике. Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ, данному в вышеупомянутом постановлении, разрешая вопрос о возможности измене-

ния категории преступления, «суд принимает во внимание способ совершения преступления, степень реализации преступных намерений, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, вид умысла либо вид неосторожности, мотив, цель совершения деяния, характер и размер наступивших последствий, а также другие фактические обстоятельства преступления, влияющие на степень его общественной опасности. Вывод о наличии оснований для изменения категории преступления на менее тяжкую может быть сделан судом, если фактические обстоятельства совершенного преступления свидетельствуют о меньшей степени его общественной опасности». Иначе говоря, суд с указанием на конкретные фактические обстоятельства уголовного дела должен прийти к убеждению, что индивидуальная степень общественной опасности совершенного осужденным преступления является меньшей по сравнению с типовой степенью общественной опасности данного преступления, выраженной в санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ. При этом согласно разъяснению Конституционного Суда РФ законодатель не устанавливает, какое именно значение при решении вопроса об изменении категории преступления могут иметь те или иные имеющиеся в деле обстоятельства, предоставляя тем самым суду общей юрисдикции право в каждом конкретном случае давать им оценку, не допуская произвольного отказа в таком изменении⁴.

Так, суд кассационной инстанции не усмотрел оснований для применения ч. 6 ст. 15 УК РФ в отношении осужденного по ч. 2 ст. 210 и ч. 1 ст. 30, п. «а», «г»

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Левицкого Станислава Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 3, частью первой статьи 10, частью шестой статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 23 окт. 2014 г. № 2397-О ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гвоздилова Александра Петровича на нарушение его конституционных прав частью шестой статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 23 окт. 2014 г. № 2503-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ч. 3 ст. 228 УК РФ, просившего в кассационной жалобе изменить категорию преступления, за которое он осужден по ч. 2 ст. 210 УК РФ. Несмотря на наличие прочих условий для изменения категории преступления (осужденному назначено наказание в виде четырех лет лишения свободы, не выявлено каких-либо отягчающих обстоятельств, есть обстоятельство, смягчающее наказание – наличие пятерых несовершеннолетних детей), то, что в совершении преступления участвовало значительное число лиц, умысел членов преступного сообщества и их деятельность были направлены на совершение особо тяжких преступлений, совершенное осужденным преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 210 УК РФ, сопряжено с таким преступлением, как приготовление к незаконному сбыту наркотических средств организованной группой в особо крупном размере, не позволяют в данном случае принять решение об изменении установленной законом категории преступления⁵.

По смыслу ч. 6 ст. 15 УК РФ фактические обстоятельства преступления, влияющие на степень его общественной опасности, не могут исчерпываться характеризующими преступление смягчающими наказание обстоятельствами, наличие которых является самостоятельным условием для изменения категории преступления.

К фактическим обстоятельствам преступления, влияющим на степень его общественной опасности, которые должен учитывать суд при изменении категории преступления, не относятся обстоятельства, характеризующие личность виновного (семейное положение, состояние здоровья, престарелый возраст, положительная

характеристика по месту жительства, работы или учебы, совершение лицом преступления впервые, ходатайство потерпевшего о непривлечении виновного к уголовной ответственности и т. п.), а также обстоятельства, характеризующие поведение лица после совершения им преступления (явка с повинной, возмещение причиненного ущерба или иное заглаживание причиненного преступлением вреда, способствование раскрытию и расследованию преступления, признание вины, в том числе чистосердечное раскаяние и т. п.). Указанные обстоятельства влияют на степень общественной опасности лица, совершившего преступление, однако непосредственно само преступление не характеризуют и не влияют на степень его общественной опасности. Обстоятельства, характеризующие личность виновного и его поведение после совершения преступления, могут учитываться в качестве одного из условий для изменения категории преступления на менее тяжкую – наличие смягчающих наказание обстоятельств.

В судебной практике, однако, наметилась тенденция принятия решений, в которых игнорируется указанное разграничение⁶ [2, с. 38–44], а по данным некоторых исследователей наиболее распространенными основаниями принятия решения об изменении категории преступления являются обстоятельства, связанные с позитивным постпреступным поведением лица и его характеристикой [1, с. 36]. Примечательна позиция Верховного Суда РФ, выраженная по делу Пономарева: «С учетом взаимосвязанных положений ст. 6 и ч. 6 ст. 15 УК РФ при изменении категории преступления,

⁵ Приговор по делу о приготовлении к незаконному сбыту наркотических средств, участии в деятельности преступного сообщества оставлен без изменения, поскольку наказание назначено в соответствии с требованиями закона, с учетом характера и степени общественной опасности содеянного, конкретных обстоятельств дела, является справедливым и соразмерным совершенному преступлению : кассация, определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 15 февр. 2012 г. № 49-О11-113. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 13 авг. 2013 г. № 47-Д13-14. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

представляющей собой, по сути, реализацию принципа справедливости, необходимо учитывать и личность виновного, которая также должна свидетельствовать о меньшей степени общественной опасности». В частности, отказывая в применении ч. 6 ст. 15 УК РФ, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ мотивировала свое решение так: «Как видно из материалов уголовного дела, Пономарев, будучи условно осужденным по приговору от 4 сентября 2015 года по п. “а” ч. 3 ст. 158 УК РФ и по приговору от 23 октября 2015 года по ч. 1 ст. 226 УК РФ, в период испытательного срока вновь совершает преступление против собственности, за которое осуждается по обжалуемому приговору. Такое поведение осужденного свидетельствует о том, что у Пономарева не сформировалось уважительное отношение к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, не появились стимулы к правопослушному поведению, то есть примененные в отношении его меры уголовно-правового характера в виде условного осуждения не достигли цели его исправления. При таких обстоятельствах степень общественной опасности личности Пономарева по-прежнему остается высокой. Таким образом, разрешая вопрос о возможности применения положений ч. 6 ст. 15 УК РФ, Судебная коллегия, принимая во внимание обстоятельства, влияющие на степень общественной опасности преступления, в том числе характеризующие личность осужденного Пономарева, приходит к выводу об отсутствии оснований для изменения категории преступления»⁷.

Итак, перечисленные в ч. 6 ст. 15 УК РФ обстоятельства, служащие осно-

вой для принятия судом решения об изменении категории тяжести преступления, являются исчерпывающими, однако они не однородны по своему характеру и значению. Первые три обстоятельства (наличие смягчающих обстоятельств, отсутствие отягчающих обстоятельств, назначение наказания в пределах, установленных законом) являются формальными и образуют *условия* для изменения категории преступления, тогда как последнее обстоятельство (снижение степени общественной опасности преступления с учетом фактических обстоятельств его совершения) является оценочным и образует *основание* для изменения категории преступления. Об этом основании говорится в п. 6¹ ч. 1 ст. 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

В судебной практике сформировался подход, в соответствии с которым при отсутствии одного или нескольких условий для изменения категории преступления на менее тяжкую суд имеет право не приводить в приговоре обоснование того, почему он не применил ч. 6 ст. 15 УК РФ⁸ (вопрос о наличии основания для изменения категории преступления не разрешается). При наличии всех формальных условий для изменения категории преступления решение суда о неприменении ч. 6 ст. 15 УК РФ должно быть мотивированным⁹ (вопрос о наличии основания для изменения категории преступления должен быть разрешен). Именно такое разъяснение дано Пленумом Верховного Суда РФ в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, согласно которому суд решает в соответствии с п. 6¹ ч. 1 ст. 299 УПК РФ вопрос о возможности изменения категории преступления

⁷ Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 4 дек. 2018 г. № 48-УД18-25. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 24 дек. 2018 г. № 205-АПУ18-32 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2019. № 12.

⁹ Постановление президиума Оренбургского областного суда от 19 июня 2017 г. № 44г-72/2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

на менее тяжкую при наличии одного или нескольких смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств, назначив за совершение преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления наказание, указанное в ч. 6 ст. 15 УК РФ.

Вместе с тем указанный подход не в полной мере соответствует предусмотренной в ч. 1 ст. 299 УПК РФ последовательности вопросов, которые разрешает суд при постановлении приговора, на что справедливо обращается внимание в доктрине [1, с. 34]. Согласно этой последовательности прежде разрешается вопрос о наличии основания для изменения категории преступления (п. 6¹), затем – вопрос о том, какое наказание должно быть назначено подсудимому (п. 7). Иначе говоря, вопрос о наличии одного из условий изменения категории преступления – назначение наказания в пределах, установленных законом, – решается после принятого решения о применении ч. 6 ст. 15 УК РФ, что оборачивается противоречием процессуального порядка разрешения вопросов приговора гипотезе материально-правовой нормы об изменении категории преступления. Поэтому на практике суд избирает меру наказания в резолютивной части приговора исходя из уже предreshенного вопроса об изменении категории преступления, руководствуясь пределами наказания, установленными в ч. 6 ст. 15 УК РФ. Впрочем, в такой «подгонке» меры наказания нет ничего, что противоречило бы принципам назначения уголовного наказания, поскольку все средства уголовно-правового воздействия, имеющиеся в распоряжении суда, в том числе право изменить категорию тяжести преступления, подчинены задаче максимальной индивидуализации уголовно-правового реагирования на преступление, что предполагает их взаимосвязанное применение.

ИЗМЕНЕНИЕ

КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ПРИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПОДСУДИМЫХ И МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Внимания заслуживает вопрос об изменении категории преступления при множественности подсудимых или преступлений. Вопрос о применении оснований для изменения категории преступления на менее тяжкую решается отдельно в отношении каждого из подсудимых и по каждому из совершенных подсудимым преступлений (чч. 2 и 3 ст. 299 УПК РФ). Такое же разъяснение дал Пленум Верховного Суда РФ (п. 6 упомянутого постановления). Решение суда об изменении категории тяжести преступления, принятое в отношении одного или нескольких подсудимых, не влечет правовых последствий для лиц, в отношении которых решение об изменении категории преступления не принималось. Например, если преступление совершено в соучастии, но решение об изменении категории преступления суд принял только в отношении исполнителя, то само по себе это не влечет изменения категории преступления в отношении других соучастников. Или, например, изменение судом категории преступления с особо тяжкого на тяжкое преступление не исключает уголовной ответственности другого лица за заранее не обещанное укрывательство особо тяжкого преступления (ст. 316 УК РФ).

Если лицо осуждается за совершение нескольких преступлений, то решение об изменении категории преступления на менее тяжкую принимается при наличии к тому оснований отдельно по каждому преступлению. При этом в случае так называемой идеальной совокупности преступлений (ч. 2 ст. 17 УК РФ), не исключается право суда изменить категорию тяжести всех преступлений, входящих в совокупность, учитывая при этом одни и те же фактические обстоятельства, если они одновременно снижают степень общественной опасности всех преступлений.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ИЗМЕНЕНИЯ КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Пленум Верховного Суда РФ специально подчеркнул, что изменение категории преступления возможно только после того, как осужденному назначено наказание с учетом предусмотренных УК РФ правил назначения наказания, в том числе с учетом назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 64 УК РФ), при условии, что вид и срок назначенного наказания отвечают требованиям ч. 6 ст. 15 УК РФ.

Это обуславливает процессуальный порядок принятия судом решения об изменении категории преступления, предполагающий вынесение по уголовному делу обвинительного приговора с назначением наказания. В частности, вопрос об изменении категории преступления на менее тяжкую решается: судом первой инстанции при вынесении обвинительного приговора по уголовному делу, рассмотренному как в общем, так и в особом порядке судебного разбирательства (главы 40, 40¹ УПК РФ); судом апелляционной инстанции — при вынесении апелляционного приговора либо определения, постановления об изменении приговора суда первой инстанции; судом кассационной или надзорной инстанции при изменении приговора нижестоящего суда. Продолжающаяся практика принятия судом решения об изменении категории преступления при вынесении постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с освобождением лица от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным в главе 11 Особенной части УК РФ, в том числе с назначением судебного штрафа (ст. 76²), не соответствует указанному порядку [3, с. 4; 4, с. 52; 5, с. 122].

Положения ч. 6 ст. 15 УК РФ могут быть применены судом, разрешающим вопросы, связанные с исполнением при-

говора, если вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу, наказание осужденному в соответствии с п. 13 ст. 397 УПК РФ смягчено до пределов, предусмотренных ч. 6 ст. 15 УК РФ. В этом случае решение об изменении категории преступления на менее тяжкую принимается судом исходя из фактических обстоятельств преступления, изложенных в приговоре.

Требования, предъявляемые к описательно-мотивировочной и резолютивной части обвинительного приговора, в соответствии с которым изменяется категория преступления, изложены в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10.

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗМЕНЕНИЯ КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Особого внимания заслуживает вопрос о правовых последствиях изменения категории преступления на менее тяжкую. Характер правовых последствий данного судебного решения продиктован тем, что возможность изменения категории преступления появляется у суда только после того, как осужденному назначено наказание с учетом предусмотренных уголовным законом правил назначения наказания, исходя из категории преступления, которую определил законодатель. Таким образом, изменение категории преступления не влияет на применение уголовно-правовых норм, определяющих преступность деяния, а также регламентирующих правила назначения наказания отдельно за каждое совершенное преступление. Применение данных норм предшествует резолютивному выводу суда об избранной мере наказания за отдельное преступление. Изменение категории преступления оказывает влияние только на те уголовно-правовые нормы, применение которых возможно после назначения наказания.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в п. 1 постановления № 10, изменение категории преступления на менее

тяжкую улучшает правовое положение осужденного, поскольку влияет, в частности, на назначение осужденному к лишению свободы вида исправительного учреждения (ст. 58 УК РФ); назначение наказания по совокупности преступлений (ст. 69 УК РФ); назначение условного осуждения (п. «б» ч. 1 ст. 73 УК РФ); отмену или сохранение условного осуждения (чч. 4, 5 ст. 74 УК РФ); возможность освобождения от отбывания наказания в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), истечением срока давности уголовного преследования или исполнения обвинительного приговора суда (ст.ст. 78, 83, 94 УК РФ), изменением обстановки (ст. 80¹ УК РФ) или вследствие акта об амнистии (ст. 84 УК РФ), применением к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 92 УК РФ); исчисление срока наказания, после фактического отбытия которого возможны применение условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ст.ст. 79, 93 УК РФ) или замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ); исчисление срока погашения судимости (ст.ст. 86, 95 УК РФ).

В пункте 10 указанного постановления подчеркивается, что «решение суда об изменении категории преступления с тяжкого на преступление средней тяжести позволяет суду при наличии оснований, предусмотренных статьями 75, 76, 78, 80¹, 84, 92, 94 УК РФ, освободить осужденного от отбывания назначенного наказания. В этих случаях суд постановляет приговор, резолютивная часть которого должна, в частности, содержать решения о признании подсудимого виновным в совершении преступления, о назначении ему наказания, об изменении категории преступления на менее тяжкую с указанием измененной категории преступления, а также об освобождении от отбывания

назначенного наказания (пункт 2 части 5 статьи 302 УПК РФ)».

Таким образом, изменив категорию преступления на менее тяжкую сразу же после назначения осужденному наказания, суд в дальнейшем применяет положения уголовного закона, относящиеся к измененной категории преступления (назначение наказания по совокупности преступлений, назначение условного осуждения, назначение осужденному к лишению свободы вида исправительного учреждения, освобождение от наказания и т. д.).

Если в отношении осужденного изменена категория преступления на менее тяжкую, то все предусмотренные уголовным законом правовые последствия, связанные с его судимостью (например, при определении рецидива преступлений в случае совершения нового преступления, применении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, исчислении срока погашения судимости), также должны определяться с учетом измененной категории преступления.

Пленум Верховного Суда РФ не стал специально указывать на то, что в число уголовно-правовых норм, на применение которых влияет решение суда об изменении категории преступления, не включаются нормы уголовного закона, которые регламентируют связанные с категоризацией преступлений основания назначения наказаний (ст. 48, ч. 2 ст. 53, ст. 53¹, ч. 1 ст. 56, ч. 1 ст. 57 УК РФ). Отсутствие взаимосвязи последних с ч. 6 ст. 15 УК РФ следует из формального условия применения данной нормы – виновному должно быть назначено наказание с учетом предусмотренных УК РФ правил назначения наказания.

Пленумом Верховного Суда РФ не дано также разъяснения вопроса о том, влияет ли изменение категории преступления с тяжкого на преступление средней тяжести на возможность освобождения от наказания с назначением

судебного штрафа (ст. 76² УК РФ). В теории уголовного права на данный вопрос даны как положительный [3, с. 40; 4, с. 55; 5, с. 127], так и отрицательный ответы [6, с. 49; 7, с. 50]. Представляется, что изменение категории преступления исключает возможность применения нормы об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76² УК РФ), потому что, во-первых, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством данная мера уголовно-правового характера назначается не на основании обвинительного приговора, а по постановлению или определению суда о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (ч. 5 ст. 446², ч. 1 ст. 446³, ст. 446⁵ УПК РФ), во-вторых, не урегулирован порядок и правовые последствия отмены судебного решения в случае неуплаты лицом судебного штрафа, назначенного вследствие изменения категории преступления. В судебной практике, однако, высказано мнение о том, что изменение категории преступления влечет возможность применения указанного положения¹⁰, что нашло отражение в том числе в одном из решений Верховного Суда РФ¹¹.

За пределами перечня уголовно-правовых норм, на применение которых влияет решение суда об изменении категории преступления, оказались положения уголовного закона об освобождении от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76¹) и применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90). Законодатель не предусматривает их реализацию в форме обвинительного приговора [8, с. 20].

Напротив, Пленум Верховного Суда РФ специально подчеркнул, что решение суда

об изменении категории преступления не влияет на юридическую оценку деяния, т. е. квалификацию преступления. Например, при осуждении лица за приготовление к тяжкому преступлению изменение категории такого неоконченного преступления на менее тяжкую не влечет вывода об отсутствии в деянии подсудимого состава преступления на том основании, что приготовление к преступлениям средней тяжести является уголовно не наказуемым в соответствии с ч. 2 ст. 30 УК РФ. Равным образом, например, изменение категории преступления с тяжкого на преступление средней тяжести не может служить основанием для прекращения уголовного преследования лица за преступление, предусмотренное ст. 210 УК РФ, якобы потому что преступление, в целях совершения которого создано преступное сообщество (преступная организация), не является тяжким. Такой же вывод допустим в отношении всех других преступлений, основание ответственности за которые связано с категорией преступления (ч. 5 ст. 128¹, ч. 3 ст. 150, ч. 2 ст. 299, ч. 3 ст. 303, ч. 2 ст. 306, ч. 2 ст. 307, ст. 316, 325¹ УК РФ).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изменение категории преступления является значимым средством индивидуализации уголовной ответственности, поскольку позволяет учесть в приговоре существенную разницу между индивидуальной степенью общественной опасности конкретного преступления, оценку которой дает суд, и типовой степенью его общественной опасности, оценку которой дает законодатель, устанавливая категорию тяжести преступления. Наиболее существенное смягчение уголовно-правовых последствий совершенного

¹⁰ Павлова В. В. Анализ судебной практики применения судами области положений ч. 6 ст. 15 УК РФ об изменении категории преступления // Тверской областной суд : офиц. сайт. URL: http://obsud.twr.sudrf.ru/modules.php?name=press_der&op=3&did=63 (дата обращения: 08.01.2023).

¹¹ Кассационное определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 21 сент. 2021 г. № 063-УД21-1-КЗ // ЮИС «Легал-акт». URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21092021-n-63-ud21-1-k3/?ysclid=lf9eyprds243031320> (дата обращения: 08.01.2023).

преступления возможно при изменении категории преступления с тяжкого на преступление средней тяжести, вследствие чего к осужденному при наличии прочих условий могут быть применены положения институтов освобождения от уголовной ответственности и освобождения от уголовного наказания (ст.ст. 75, 76, 78, 79, 80, 80¹, 83, 84, 92 УК РФ). Поскольку применение ч. 6 ст. 15 УК РФ невозможно по уголовному делу о преступлении небольшой тяжести, то для оценки фактических обстоятельств содеянного, свидетельствующих о существенно меньшей степени его общественной опасности, следует обсудить вопрос о применении уголовно-правовой нормы о малозначительности деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ).

Наличие смягчающих обстоятельств, отсутствие отягчающих обстоятельств, назначение наказания в пределах, установленных законом являются формальными условиями для изменения категории преступления. При их наличии суд, исходя из требования п. 6¹ ч. 1 ст. 299 УПК РФ, обязан рассмотреть вопрос о возможности изменения категории преступления на менее тяжкую. При этом применение ч. 6 ст. 15 УК РФ возможно при том оценоч-

ном основании, что степень общественной опасности преступления с учетом фактических обстоятельств его совершения существенно снижена.

Суд имеет право на применение ч. 6 ст. 15 УК РФ при множественности преступлений и множественности подсудимых, однако в отношении отдельного преступления и отдельного подсудимого.

Поскольку изменение категории преступления оказывает влияние только на те уголовно-правовые нормы, применение которых возможно после назначения наказания по приговору суда, применение ч. 6 ст. 15 УК РФ не может влиять на применение уголовно-правовых норм, определяющих преступность деяния (квалификацию), а также регламентирующих правила назначения наказания отдельно за каждое совершенное преступление. Практика принятия судом решения об изменении категории преступления при вынесении постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, в том числе с назначением судебного штрафа (ст. 76² УК РФ), не соответствует процессуальному порядку применения ч. 6 ст. 15 УК РФ.

Список литературы

1. Кулева Л. О. Изменение категории преступления: анализ судебной практики // Уголовное право. 2022. № 1 (137). С. 33–44. DOI: https://doi.org/10.52390/20715870_2022_1_33
2. Мингалимова М. Ф. Изменение категории преступления // Уголовное судопроизводство. 2017. № 4. С. 38–44.
3. Артеменко Н. В., Шимбарева Н. Г. Применение ч. 6 ст. 15 Уголовного кодекса: комментарий постановления Пленума // Уголовное право. 2019. № 4. С. 4–10.
4. Власенко В. В. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76² УК РФ) // Уголовное право. 2017. № 1. С. 52–59.
5. Юсупов М. Ю. Вопросы применения нового вида освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Уголовное право. 2016. № 6. С. 122–128.
6. Трухин С. А. Соотношение части 6 ст. 15 УК РФ с общими правилами назначения наказания и освобождения от него // Судья. 2018. № 9 (93). С. 45–48.
7. Скрипченко Н. Ю. К вопросу об изменении категории преступления // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 48–51.
8. Толкаченко А. А. Современные особенности реализации норм об освобождении от уголовной ответственности и наказания // Судья. 2020. № 8 (116). С. 18–27.

References

1. Kuleva L. O. Changing the Category of a Crime: the Analysis of Judicial Practice. *Criminal Law*. 2022;1:33-44. DOI: https://doi.org/10.52390/20715870_2022_1_33 (In Russ.).

2. Mingalimova M. F. Changing Crime Category. *Criminal Judicial Proceeding*. 2017;4:38-44. (In Russ.).
3. Artemenko N. V., Shimbareva N. G. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation “On Precedents in the Application of Part 6 Art 15 of the Criminal Code of the Russian Federation by the Courts”. *Criminal Law*. 2019;4:4-10. (In Russ.).
4. Vlasenko V. V. Release of Criminal Liability with Imposition of a Court Fine (Article 762 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Criminal Law*. 2017;1:52-59. (In Russ.).
5. Yusupov M. Yu. Issues of Application of New Type of Release of Criminal Liability with Imposition of a Court Fine. *Criminal Law*. 2016;6:122-128. (In Russ.).
6. Trukhin S. A. The Ratio of Part 6 of Art. 15 of the Criminal Code of the Russian Federation with General Rules for Sentencing and Release from It. *Judge*. 2018;9:45-48. (In Russ.).
7. Skripchenko N. Yu. On the Issue of Changing the Category of Crime. *Russian Justice*. 2019;3:48-51. (In Russ.).
8. Tolkachenko A. A. Modern Particularities of Realisation of Rules on Exemption from Criminal Responsibility and Punishment. *Judge*. 2020;8:18-27. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Роман Дмитриевич Шарапов, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (Литейный пр-т, 44, Санкт-Петербург, 191104, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9834-1174>; e-mail: srd72@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Roman D. Sharapov, Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penitentiary Law at the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation (44 Liteiny pr., St. Petersburg, 191104, Russian Federation), Doctor of Legal Sciences, Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9834-1174>; e-mail: srd72@mail.ru

Поступила | Received
15.01.2023

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
10.02.2023

Принята к публикации | Accepted
31.03.2023

РЕЦЕНЗИИ Reviews

УДК 340.111.5

DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-1-90-99

EDN: QMVSTM

Оригинальная научная статья

Рецензия на монографию: Серков П. П. Правоотношение (теория и практика современной правовой политики). Москва: Норма, 2023. 1544 с.

Н. Н. Цуканов

Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Российская Федерация

✉ nikolai_zukanov@mail.ru

Аннотация. В представленной рецензии дается общая оценка очередной монографии известного российского ученого, специалиста, обладающего значительным опытом практической работы, доктора юридических наук, профессора Петра Павловича Серкова. Констатируется философско-юридическая направленность проведенного исследования, оцениваются ключевые положения и выводы автора, отмечаются перспективы дальнейшего научно-практического использования полученных результатов. В первой части рецензии рассматривается специфика определенного П. П. Серковым предмета исследования. Отмечается, что последний многократно шире тематики правоотношений в привычном для современного юриста смысле. Название монографии обусловлено тем, что автор работы уделяет этой категории особое место, признавая ее фундаментальной основой системы правового регулирования. Обращается внимание на широту и разнообразие иллюстративного материала, оригинальность использованных автором способов постановки исследовательских задач и формулирования научных вопросов, определения методов их решения, избрания формы и стилистики изложения полученных результатов. В обоснование выводов приводятся многочисленные ссылки на текст монографии, формулируются краткие обобщения. Второй раздел работы посвящен стилистике изложения научного материала, акцентируется внимание на ее влиянии на восприятие текста и на его содержание. Отмечается, что указанная особенность делает текст более ярким, образным, но в то же время значительно осложняет работу с ним, затрудняет точное понимание авторской идеи. Третий раздел отражает особенности структуры работы. В рецензии обращается внимание на нестандартность подхода П. П. Серкова к наименованию и взаимному расположению структурных элементов, на трудно-разрешимость отдельных сформулированных П. П. Серковым научных вопросов. Особо отмечается используемый автором метод аргументации посредством ссылок на недоказанность того или иного тезиса. Отмечаются спорные положения монографии. Рецензент не разделяет скептического отношения автора к методологии современной юридической науки, его мнения о необходимости пересмотра роли метода абстрагирования в научных юридических исследованиях, о месте правоотношения в структуре правовой материи и по ряду иных научных вопросов.

Ключевые слова: рецензия, правоотношение, правовая политика, философия права, правовое регулирование

Для цитирования: Цуканов Н. Н. Рецензия на монографию: Серков П. П. Правоотношение (теория и практика современной правовой политики). Москва: Норма, 2023. 1544 с. // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 1. С. 90–99. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-1-90-99>. EDN: <https://elibrary.ru/qmvstm>

© Цуканов Н. Н., 2023

Original scientific article

**Review of the Monograph: Serkov P. P. Legal Relationship
(Theory and Practice of Modern Legal Policy).
Moscow: Norma, 2023. 1544 p.**

N. N. Tsukanov

*Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Krasnoyarsk, Russian Federation*

✉ nikolai_zukanov@mail.ru

Abstract. The presented review gives a general assessment of the monograph by the famous Russian scholar, a specialist with significant practical experience, Doctor of Legal Sciences, Professor Petr Pavlovich Serkov. The philosophical and legal orientation of the study is stated, the key provisions and conclusions of the author are evaluated, the prospects for further scientific and practical use of the results are noted. In the first part of the review, the specifics of the subject of research determined by P. P. Serkov are considered. It is noted that the latter is many times wider than the subject of legal relations in the usual sense for a modern lawyer. The title of the monograph is due to the fact that the author of the work gives this category a special place, recognizing it as the fundamental basis of the system of legal regulation. Attention is drawn to the breadth and diversity of the illustrative material, the originality of the methods used by the Author of setting research problems and formulating scientific questions, determining methods for solving them, choosing the form and style of presenting the results. Numerous references to the text of the monograph are given to substantiate the conclusions, and brief generalizations are formulated. The second section of the work is devoted to the style of presentation of scientific material, focuses on its influence on the perception of the text and its content. It is noted that this feature makes the text more vivid, figurative, but at the same time significantly complicates the work with it, makes it difficult to accurately understand the Author's idea. The third section reflects the features of the structure of the work. The review draws attention to the non-standard approach of Petr P. Serkov to the naming and mutual arrangement of structural elements, to the intractability of certain scientific questions formulated by Petr P. Serkov. The method of argumentation used by the Author by means of references to the unprovenness of one or another thesis is especially noted. The controversial provisions of the monograph are noted. The reviewer does not share the Author's skeptical attitude to the methodology of modern legal science, his opinion on the need to revise the role of the abstraction method in scientific legal research, on the place of legal relations in the structure of legal matter, and on a number of other scientific issues.

Keywords: review, legal relationship, legal policy, philosophy of law, legal regulation

For citation: Tsukanov N. N. Review of the Monograph: Serkov P. P. Legal Relationship (Theory and Practice of Modern Legal Policy). Moscow: Norma, 2023. 1544 p. *Siberian Law Review*. 2023;20(1):90-99. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-1-90-99>. EDN: <https://elibrary.ru/qmvstm> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Выход монографии «Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики)» известного российской ученого доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста РФ П. П. Серкова стал ярким событием

в научном мире. Работа служит продолжением предыдущей монографии «Правоотношение (нравственность современного правового регулирования)» [1], обладает теми же особенностями, в значительной мере сохраняет уже отмеченные достоинства и недостатки [2].

© Tsukanov N. N., 2023

СПЕЦИФИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ

Как и в предыдущем случае, содержание монографии не ограничено традиционными для юридической литературы вопросами, связанными с правоотношением, не предполагает их доминирования, и более того, значительная часть этих вопросов остается за рамками авторского внимания. Читатель не обнаружит характерных для подобных публикаций рассуждений относительно структуры правоотношения (в привычных для него терминах), их отраслевой специфики, оснований возникновения, места в механизме правового регулирования и т. д. Предмет рассуждений многократно шире. В названиях всех четырех глав работы, а также всех сорока четырех входящих в эти главы параграфов термин «правоотношение» упоминается лишь единожды.

Многообразие и многоаспектность рассматриваемой проблематики автор, как и в предыдущей работе, связывает с особым местом правоотношения в юридической среде. Так, механизм правоотношений определяется в качестве «основной юридической закономерности правового регулирования» (Ч. 2. – § 2.4), отмечается, что «жесткая прагматика комплекса взаимных естественных зависимостей наделяет механизм правоотношений способностями быть единственной универсальной юридической логической конструкцией, на которой зиждется все правовое регулирование» (Ч. 2. – С. 630).

Исследование правоотношений, по замыслу автора, не только неизбежно даст новый импульс изучению иных правовых явлений, но и будет иметь позитивные внеюридические последствия: «Доказуемость реального существования, но непостижимости метафизических проявлений в правовом регулировании через призму механизма индивидуальных конституционных правоотношений сможет постепенно активизировать осмысление

и освоение нравственного и духовного опыта взаимодействия и сотрудничества между гражданами, обществом и государствами, оптимально сближая их усилия» (Ч. 2. – С. 586); «Механизм правоотношений способен сберегать жизненные силы и продлевать благополучные годы субъективной жизни и существования социума в динамике разнообразных, но всегда конкретных актов межличностного общения» (Ч. 2. – С. 669).

По своему содержанию материал не является чисто и даже преимущественно правовым исследованием, скорее это философия права, поскольку основное внимание автора приковано к поиску смысла права, его места в жизни человека и общества.

В монографии отсутствуют обязательные для юридической литературы многочисленные ссылки на правовые источники, оценка судебной и иной правоприменительной практики. В ряде случаев вниманию читателя предлагается «умозрительный испытательный стенд», где в формате условного обозначения («АП-1, БП-2, ВП-3...») перечисляются судебные решения (Ч. 2. – С. 163, 192, 205, 247, 313; Ч. 1. – С. 377, 438, 440, 447, 665 и т. д.). Сами решения в кратком виде отражены в первой части монографии на страницах 311–319, но их содержание, имеющее отношение к рассматриваемому вопросу, остается далеко не всегда очевидным. В единичных случаях приводятся ссылки на нормативные и иные официальные источники (Ч. 1. – С. 378, 407; Ч. 2. – С. 460–461; Ч. 1. – С. 852, 854–855), однако в большинстве случаев лишь в формате их наименований.

В числе выводов отсутствуют предложения, связанные с совершенствованием нормативной правовой основы и практики ее применения. Более того, автор сознательно уклоняется от анализа правовых вопросов в их утилитарно-прагматическом контексте. Правовая материя рассматривается,

скорее и преимущественно, в качестве социокультурного феномена. Вопросы, традиционно предполагающие изначально юридическую направленность, анализируются через призму метаюридических факторов с использованием нестандартных логических конструкций и терминологии, широчайшего по своей природе и поразительного по разнообразию фактологического и иллюстрационного материала. Автор, конечно, не отрицает практического смысла юридического материала, но обращается к нему на совершенно ином уровне. Например, небезосновательно отмечается, что «право как идейный фундамент межгосударственных отношений в целом безукоризненно корректно обслуживает различные правовые режимы, а значит, фактически любую идеологию» (Ч. 1. – С. 140).

В части постановки исследовательских задач П. П. Серков существенно расширяет традиционные границы юридического исследования. Формулируются задачи принципиально иного уровня. «Важно уяснить, – пишет автор, – имеются ли в социальной среде простейшие “наночастицы”, слагающие правовую действительность и аналитические “точки опоры”, в чем-то связующие, а в чем-то разделяющие эту действительность» (Ч. 1. – С. 87); «Юридическое научное сообщество, разрабатывая правовую теорию, упустило из виду что-то очень важное в ее форме и содержании, а как следствие, и в отмеченном приспособлении. Поэтому не получается установить, кто из исследователей прав полностью или частично, а кто не прав и в какой части, вследствие чего возникла и сохраняется концептуальная неизвестность относительно адекватного отображения современной естественности правовой действительности» (Ч. 2. – С. 23).

Подобные подходы позволяют генерировать необычные исследовательские вопросы. «Главное заключается в том,

что доктринально не объясняется необычность (мягко сказать) динамики в следующей ситуации. Как субъект права, каждый человек доктринально признается обладателем субъективных прав. Вместе с тем во время урегулирования общепризнаваемого общественного отношения один из субъектов, видимо, лишается своего права этой же доктриной. Более того, снова этой же доктриной он наделяется только субъективной обязанностью, а другой субъект снова необъяснимо от обязанности освобождается» (Ч. 2. – С. 94). «По существу, приходится признавать неизвестность того, что за ощущения послужили доктринальному введению категории субъекта права, каким образом они связывают человека и право и для чего потребовалась эта безмолвная категория?» (Ч. 2. – С. 123).

Для решения подобных вопросов предлагается использовать социологию права, которая, по утверждению автора, «как и догма позитивного права, образно говоря, выступает якорем, удерживающим на одном месте познание и применение закономерностей, реально влияющих на социальную и правовую действительность в несмолкаемо бушующем житейской море чувств, эмоций, мотивов» (Ч. 1. – С. 127), философию, социологию, психологию, вирусологию, зоологию, лингвистику и многие другие науки. Например, на странице 137 (Ч. 2) отмечается, что правовые ощущения выступают естественным индикатором правовой действительности по самоорганизации благополучия существования человека в обществе, что «сознание и психика человека через ощущения обладают способностью распознавать, какие зависимости подлежат юридикации в качестве нравственно оправданных, с помощью каких свойств и для достижения каких состояний» (Ч. 2. – С. 516).

Интересно, что, признавая динамичность привлекаемых для решения

подобных вопросов перечисленных наук, автор не связывает подобную возможность с наукой юридической. «Если право, – задается вопросом П. П. Серков, – представляется собой нормативный порядок, то неясны причины, по которым полемика вокруг соотношения права и закона окончательно не завершилась?». На наш взгляд, потому, что многие элементы правовой материи связаны с вопросами, здравый смысл при ответе на которые – категория конкретно историческая, способная иметь географическую, политическую, социально-культурную и иную специфику, подвластная правилам темпоральной логики.

Для оценки представленных П. П. Серковым предложений уместно провести аналогию и вспомнить, что в советской и современной российской юридической литературе не принято отграничивать науку административного права от науки государственного управления, как это происходило, например, в работах классиков камералистики Ж. А. Д. фон Юсти, Ж. Э. Пюттера, И. фон Соненфеля, Л. фон Штейна и т. д., а также более поздних зарубежных исследователей, например французских административистов Б. Гурнея, Ж. Веделя, Р. Драго и т. д.

В контексте подобного противопоставления наука государственного управления не является нормативистской, она направлена на изучение закономерностей деятельности государственной администрации с использованием методологии, более близкой философии, психологии, социологии, истории и т. д. Как уже отмечалось в предыдущих работах рецензента, ценность подобного подхода заключается в способности науки государственного управления оперировать весьма разнообразным инструментарием, а также в меньшей зависимости научной доктрины от политической конъюнктуры. По словам А. Ф. Вивьена, государственное управление «больше изучает социаль-

ные явления, нежели писанные законы, она делает более смелые обобщения и свободнее в выборе решений...» [цит. по: 3, с. 10]. Подобный подход эффективен против правового идеализма, выражающегося в убежденности исследователя в абсолютной достаточности правовых средств для решения любых юридических проблем. В то же время увлечение им таит и существенные недостатки. Как отмечает Р. Драго, «те авторы, которые занимаются наукой государственного управления, не зная административного права, в результате сложных исследований вновь открывают закономерности, которые уже хорошо известны студентам второго курса» [3, с. 13]. Но главное заключается в том, что сознательный отказ от использования метода абстрагирования закономерно ставит перед исследователем заведомо неразрешимые задачи в части широты предмета исследования при определенных требованиях к глубине проработки вопроса. В частности, не очень понятно, каким должен быть объем такой работы, должен ли такой научный текст содержать материал и выводы, представляющие научный интерес для профессионального психолога или физика, если да, то уместно ли в таком случае говорить о научной специализации исследователя.

Специфика стилистики изложения научного материала

Как и прежде, особенностью работы остается яркий, но очень сложный для восприятия стиль изложения. С определенной степенью условности его можно сравнить со стилистикой художественного произведения, автор которого вправе пожертвовать ясностью, недвусмысленностью текста в угоду другим обстоятельствам и задачам: для создания особой художественной композиции, для подчеркивания глубины, объемности восприятия произведения, учета индивидуальных особенностей исполнителя, передачи

собственного эмоционального отношения к событию и т. д.

В рецензируемой монографии категории нередко упоминаются описательно, с использованием многозначительных терминов, сложных терминологических конструкций, нестандартных ракурсов, непредсказуемо чередуется при этом сложность постановки вопроса от, казалось бы, очевидных до совершенно неожиданных. Многие положения работы могут быть поняты только в результате анализа контекста, например: «прагматизм правоприменительного достижения конкретики справедливости приемлет лишь единственно возможный вариант в виде убедительной доказанности научных выводов» (Ч. 1. – С. 166); «известно, что в современной юриспруденции превагирует доктринальный подход придания приоритета интуиции, а не выявлению и обоснованию юридической сути присущих глубинных повторений в каждом отдельно взятом факте “деятельности людей”» (Ч. 2. – С. 501–502); «...для осуществления дел аналитики реальных сюжетов в естественности правовой действительности. Об этом свидетельствует неясность того, как надо рассуждать о делах в формате правовой доктрины» (Ч. 2. – С. 99); «не ясны причины, по которым приоритет в понимании новых векторов регулирования придан лишь правообразованию. По крайней мере, возникает потребность в объяснении того, что умолчание о правореализации не ограничивает понимание так называемой догмы права, что в таком “урегулированном” виде не сохраняет регулятивные способности. Соответственно, в познании только “государственного правообразования” прояснится, что образует “другое” право, каким образом и для чего это происходит» (Ч. 2. – С. 449) и т. д.

Как представляется, П. П. Серков достаточно скептически относится к эффективности традиционных для современной

юридической науки методов познания. «Современное своеобразное научное “кружение” вокруг того, что было сказано в прошлом, не способствует последовательному и всестороннему выявлению, уяснению, доказыванию и объяснению того, что, для чего и каким образом происходит в современной правовой действительности. Доводы об интеграции научных точек зрения в целом правильные, но они не означают формирования комплексно структурированных юридических знаний» (Ч. 1. – С. 165). Как результат: «В правовой теории отсутствуют юридические закономерности» (Ч. 1. – С. 162); «сложно разглядеть масштабные исследовательские успехи, когда новые поколения исследователей пытаются изменять понятийный аппарат, но из десятилетия в десятилетие сохраняют сложившуюся методiku научных рассуждений, несмотря на неподтвержденность ее состоятельности в решении тактических задач и движении к долгосрочным перспективам» (Ч. 1. – С. 84); «теории прошлого воспринимаются в форме их пересказа» (Ч. 2. – С. 24); «в 21 веке не выявлено единой юридической конкретики, способной глубинно объединить точки зрения, гипотезы и теории авторов прошедших эпох и недавнего прошлого» (Ч. 2. – С. 51); «снова приходится констатировать, что правовая аналитика идеалов должного и ежедневного сущего как проявление правовой онтологии не основана на фундаменте системной конкретики одних и тех же признаков, критериев и параметров» (Ч. 2. – С. 266).

СПЕЦИФИКА СТРУКТУРЫ РАБОТЫ

Первая часть монографии охватывает две главы: «Конкретика справедливости. Неведомые закономерности или утопия» и «Сущность правовой политики».

Нельзя не согласиться с автором в том, что «исследовательская пылкость должна приводить к углубленному

проникновению в это бытие, а не вращаться вокруг в целом общих рассуждений о важности права, справедливости и т. д.» (Ч. 1. – С. 82), «должностные лица, наделенные государственной властью, имеют полное право на то, чтобы получать от юриспруденции высококачественную аналитику и выверенные предложения о видении того или иного явления и события правовой действительности» (Ч. 1. – С. 86) и иными подобными утверждениями. В ходе своих рассуждений автор фиксирует бесспорную связь между правовыми и этическими категориями: «идеи и слова юридической науки в первую очередь обязаны ориентировать на нравственные дела и противостоять культивированию безнравственных дел» (Ч. 1. – С. 190); «справедливость обязана обладать системной конкретикой динамических ресурсов в актах применения системы права, а также каждой отдельно взятой правовой нормы» (Ч. 1. – С. 106); «современная юриспруденция обязана выявить юридическую конкретику действия вируса безнравственности в естественности правовой действительности» (Ч. 1. – С. 484); «юриспруденция должна заниматься исследованием комплексности этико-юридической модели социальной организации жизни сознания, а не права и этики раздельно» (Ч. 1. – С. 565). При этом за основу принимается близкая к безусловной предопределенность правовых категорий нравственными: «Юриспруденция занимается познанием всех правовых вопросов, но не затрагивает главного – степени эффективности влияния права на формирование нравственно оправданной идеологии мер правовой политики» (Ч. 1. – С. 459). В конечном итоге автор приходит к небесспорному заключению, что «сущность естественной гармонии правового регулирования всего многообразия межличностного общения заключается в обеспечении достижения конкретики справедливости»

(Ч. 1. – С. 621). Однако, как уже отмечалось ранее, характер соотношения указанных категорий выглядит более сложным, в том числе речь идет и о взаимосвязи правовых норм с нормами иных социальных регуляторов. Как отмечается в Основых социальной концепции Русской Православной Церкви, «право содержит в себе некоторый минимум нравственных норм, обязательных для всех членов общества. Задача светского закона – не в том, чтобы лежащий во зле мир превратился в Царствие Божие, а в том, чтобы он не превратился в ад».

Рассуждая о правовой политике, П. П. Серков вполне справедливо отмечает, что «если объектом правовой деятельности выступают общественные отношения, то объектом правовой политики – правовая жизнь в целом. ... объектом правовой политики можно считать и правовую деятельность, которая, в свою очередь, является составной частью правовой действительности, важнейшим сегментом правового развития общества» (Ч. 1. – С. 405). В главе анализируются исторические начала правовой политики, характеризуются ее закономерности, отражается связь правовой политики и правовой социализации. В то же время довольно неожиданно, что, раскрывая понимание современной правовой политики (Ч. 1. – § 2.3), автор за основу принимает рассуждения не о политике в праве, а о праве в политике, что, очевидно, предполагает иную расстановку приоритетов.

Вторая часть монографии основана на противопоставлении весьма специфических категорий «неопределенности» (первая глава) и «определенности» (вторая глава) в правовой сфере. Как и в предыдущих разделах работы, формулировки названий параграфов проявляют некоторые элементы научно-публицистического стиля, вследствие чего читателю, вероятно, будет трудно (если вообще возможно) спрогнозировать, о чем пойдет речь

в последующих параграфах: «Неопределенности правовой диалектики», «Неопределенности метафизики в праве», «Определенности правовых уроков вирусологии», «Определенности закономерностей правового регулирования», «Определенности некоторых аспектов правового регулирования» и т. д.

В первом параграфе «Неопределенность столпа юриспруденции» на странице 23 П. П. Серков отмечает: «Юридическое научное сообщество, разрабатывая правовую теорию, упустило из виду что-то важное в ее форме и содержании... Поэтому не получается установить, кто из исследователей прав полностью или частично, а кто не прав и в какой части, вследствие чего возникла и сохраняется концептуальная неизвестность относительно адекватного отображения современной естественности правовой действительности». Продолжая эту мысль, автор использует термин «столп юриспруденции», под которым понимает собрание исследовательских идей, слов и дел «всей цивилизации», которое положено «в основу формирования современных доктринальных приоритетов права». При этом предлагается два варианта современного исследовательского «распоряжения» отмеченным наследием: 1) пересказ рассуждений с фрагментарными ссылками на текст, 2) «погружение в юридические смыслы точек зрения и, гипотез и теорий... их включение в доктринальную аналитику и богословскую мысль» (Ч. 2. – С. 25), на основании чего строятся рассуждения о существующих неопределенностях.

Подобный подход, на мой взгляд, не выглядит перспективным, во-первых, в силу необъятности предмета исследования и грандиозности обозначенной задачи, во-вторых, в силу того, что отмеченная вариативность представляет собой разные стороны одного и того же явления, а их сочетание – разницу в качестве про-

веденного исследования. Не случайно автор, явно симпатизируя второму варианту, тем не менее в качестве вывода предлагает следующий тезис: «Парадокс заключается в том, что в естественности неисчислимого повторения актов общения, включая межгосударственные отношения, протекающих на протяжении тысячелетий современной юриспруденции, не выявлены универсальные показатели, единообразно характеризующие динамику и ощущения соответствующей правовой действительности» (Ч. 2. – С. 51).

В оригинальной стилистике и манере изложения текста кроется нехарактерная для научного текста особенность. По своему содержанию материал в большей степени отражает не результаты исследований автора, а его наблюдения и описание отношения к ним. Рассуждения о «неопределенностях в праве» не сопровождаются формулировками утверждений, позитивный смысл которых предполагает наличие нового знания об общеизвестных фактах, получения знания, превосходящего общеизвестные представления о соответствующем предмете. Например, отмечается, что «несмотря на “мощь человеческого разума”, проблема права и свобод, а также “компенсации опасностей самоопределения и свободы” обсуждаются без использования результатов юридической науки» (Ч. 2. – С. 23); «не известны юридические препятствия, по которым результаты “правопознания” до настоящего времени не объединяются в идеях, словах и делах за счет унифицированных признаков, критериев, параметров того же правопонимания» (Ч. 2. – С. 40); «парадокс правовой диалектики проявляется в том, что в статике искусственности права доктринально усматривается единство и борьба противоположностей, а в естественной динамике событий правовой действительности ощущения противоречивости даже не предполагаются» (Ч. 2. – С. 163) и т. д. При этом в выводах работы понятные

рекомендации на этот счет отсутствуют. Обличение неэффективности предыдущих подходов к проведению научных исследований в области юриспруденции не завершается ни систематизированными рекомендациями, ни примерами решения прикладных вопросов посредством использования новой научной парадигмы. В качестве ожидаемых выводов читателю в конце каждого параграфа предлагаются парадоксы, характеризующие, по мнению автора, предмет исследования.

Раскрывая наименования тем, отраженных в названиях параграфов, автор весьма активно использует ссылки на недоказанность того или иного факта, на маловероятность возможности его отрицания как на обоснование своих выводов: «вряд ли получится убедительно отрицать, что правовые идеи, слова и дела обязательно предназначены для конкретного человека, общества в целом и образованного им государства» (Ч. 2. – С. 80); «не представлены доказательства того, что доктринальная несогласованность идей и слов о правопонимании единообразно воспринимается человеком, общества и государством» (Ч. 2. – С. 89); «не представлены доказательства того, что доктринальная несогласованность идей и слов о правопонимании единообразно воспринимается человеком, обществом и государством... в частности, не встретилось доказывания и того, что эти идеи и слова

последовательно способствуют обучению всех членов общества делам нравственного смирения перед своими обязанностями и нравственного терпения чужих прав, прививают ответственные ощущения совести и вины, взаимного уважения» (Ч. 2. – С. 189) и т. д.

Полагаю, что задача доказать что-либо, как правило, ставится в случае наличия разумных сомнений в привычных способах решения соответствующего вопроса. В этом смысле «недоказанность» также должна быть доказанной, а «неопределенность» обоснована убедительными аргументами, подтверждающими наличие вариативности в способах решения стандартных вопросов, а также научно-практической значимости этой вариативности. Считаю, что этот компонент не нашел в работе надлежащего отражения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следует признать, что представленная монография содержит интереснейший материал для научного осмысления. Нет никаких сомнений в том, что в ней читатель встретится с автором, обладающим богатейшим профессиональным и жизненным опытом, широчайшей эрудицией, настойчивостью, мощным терминологическим арсеналом и удивительной способностью обращать внимание на неочевидное в казалось бы банальных для каждого юриста вопросах.

Список литературы

1. Серков П. П. Правоотношение (нравственность современного правового регулирования) : моногр. М. : Норма, 2020. 688 с.
2. Цуканов Н. Н. П. П. Серков. Правоотношение (нравственность современного правового регулирования): монография. М.: Норма, 2020. – 688 с. // Государство и право. 2021. № 4. С. 161–164. DOI 10.31857/S102694520000000-1
3. Драго Р. Административная наука / пер. с фр. канд. юрид. наук В. Л. Энтина ; под ред. Б. М. Лазарева. М. : Прогресс, 1982. 215 с.

References

1. Serkov P. P. *Legal Relations (The Morality of Modern Legal Regulation)*. Moscow: Norma Publ.; 2020. 688 p. (In Russ).
2. Tsukanov N. N. P. P. Serkov. *Legal Relations (The Morality of Modern Legal Regulation)*: monograph. M.: Norma, 2020. – 688 pp. *State and Law*. 2021;4:161-164. DOI: 10.31857/S102694520000000-1 (In Russ).
3. Drago R. *Administrative Science*. Moscow: Progress Publ.; 1982. 215 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай Николаевич Цуканов, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (ул. Рокоссовского, 20, Красноярск, 660131, Российская Федерация), доктор юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4476-6772>; e-mail: nikolai_zukanov@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nikolai N. Tsukanov, Deputy Head of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (20 Rokossovsky st., Krasnoyarsk, 660131, Russian Federation), Doctor of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4476-6772>; e-mail: nikolai_zukanov@mail.ru

Поступила | Received
22.02.2023

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
08.03.2023

Принята к публикации | Accepted
31.03.2023

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В целях повышения качества публикуемых материалов все присланные работы (научные статьи, сообщения, обзоры, рецензии и т. д.) проходят рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат». К рассмотрению принимаются только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях и не находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Предоставляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Статьи принимаются на русском и (или) английском языке. Материалы для публикации на английском языке представляются зарубежными авторами без перевода в какой-либо их части на русский язык.

Требования к оформлению рукописи научной статьи, направляемой в журнал

Рукопись научной статьи (далее – рукопись, статья) представляется в электронном виде в формате, поддерживаемом Microsoft Word версии 2007 или выше (doc, docx, rtf). Приоритетной формой представления рукописи является заполнение формы на сайте журнала <https://www.siberianlawreview.ru/jour/author/submit/1>. Рукопись статьи для публикации с лицензионным договором в 2 экземплярах и заявкой автора может быть также направлена на электронную почту редакции (nauka@siblu.ru).

Рукопись принимается на русском и английском языках, при этом она должна соответствовать профилю журнала и отражать результаты оригинальных научных исследований.

Общий объем рукописи (всех ее структурных элементов) должен составлять от 20 до 40 страниц машинописного текста или 40–45 тыс. знаков с учетом пробелов.

При наборе текста необходимо использовать шрифт Times New Roman. Размер шрифта для основного текста рукописи – 14 пт, сноска – 12; нумерация сноска сквозная. Межстрочный интервал – полуторный. Расстановка переносов не применяется.

Перед текстом статьи указывается **УДК**.

Статья в обязательном порядке должна включать следующие **структурные элементы**:

- название статьи;
- сведения об авторах и их аффилиации;
- аннотацию;
- ключевые слова;
- финансирование (при наличии);
- введение;
- основную часть статьи, состоящую из трех и более разделов, каждый из которых должен иметь собственное наименование;
- заключение;
- благодарности (данный раздел включается по усмотрению автора);
- список литературы на русском языке;
- список литературы на английском языке (References);
- информацию об авторах.

Наименования структурных элементов статьи «Аннотация», «Ключевые слова», «Финансирование», «Введение», «Заключение», «Благодарности», «Список литературы», «References» должны быть воспроизведены в тексте статьи. Структурные элементы статьи не нумеруются.

Название статьи (не более 10 слов) должно содержать основные ключевые слова, характеризующие содержание статьи. Указывается на русском и английском языках. Располагается в левой верхней части листа.

Авторы и их аффилиация указываются в следующей строке после названия статьи с выключкой влево. Данные приводятся без сокращений, на русском и английском языках (фамилия, имя, отчество, место работы (название организации, соответствующее указанному в ее уставе, город, страна), адрес электронной почты).

В обязательном порядке указываются идентификаторы (ORCID iD, Researcher ID и др.). Если таковые отсутствуют,

авторам необходимо предварительно зарегистрироваться на <https://orcid.org>.

Очередность упоминания авторов зависит от их вклада в выполненную работу. Авторы могут указываться в алфавитном порядке, если их вклад в исследование равноценен.

Аннотация (объем 250–300 слов) – самостоятельный источник информации о статье, краткая характеристика работы, представляется на русском и английском языках. Аннотация должна быть логичной и отражать основное содержание статьи (предмет, цель, методы и выводы исследования). Сведения, содержащиеся в названии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишней вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание публикации, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения, в аннотации не приводятся. Рекомендуется составлять аннотацию в соответствии со структурой ее основной части, выбирая из каждого раздела самые важные сведения, дающие в совокупности полное представление о содержании статьи.

Аннотацию рекомендуется составлять после завершения работы над статьей. Особое внимание следует уделить качеству перевода.

Ключевые слова (5–10 слов или словосочетаний) должны отражать специфику темы, объект и результаты исследования. Ключевые слова или словосочетания отделяются друг от друга точкой с запятой.

Финансирование – факультативный структурный элемент, включающийся в статью при наличии финансовой поддержки исследования юридическими и физическими лицами. Здесь может содержаться указание на то, за счет каких грантов, контрактов, стипендий удалось провести исследование.

Введение должно содержать обоснование актуальности и новизны темы исследования, обзор литературы по теме исследования, постановку исследовательской проблемы, формулирование гипотезы исследования, описание методов, которые использовались для получения результатов, указание на цели и задачи исследования.

Основная часть статьи, состоящая из трех и более разделов, включает в себя фактические результаты исследования, их интерпретацию, в том числе оценку соответствия полученных результатов гипотезе исследования, обобщение его итогов, сравнение с результатами других исследователей, предложения по практическому применению результатов исследования, а также по направлению будущих исследований.

Заключение содержит главные идеи статьи, итоги исследования без дословного воспроизведения формулировок, содержащихся в основной части статьи.

Благодарности. Данный структурный элемент включается в статью по усмотрению автора в целях выражения признательности коллегам за помощь в подготовке статьи, критические комментарии, которые позволили улучшить содержание рукописи, благодарности за поддержку исследования людям и организациям.

Список литературы должен содержать ссылки на все научные источники информации, упомянутые в тексте статьи.

Литература, используемая при написании статьи, должна отражать современное состояние вопроса, включать публикации как в отечественных, так и в зарубежных журналах и изданиях.

Список приводится в конце статьи, выстраивается по порядку упоминания источников в тексте, а не по алфавиту, независимо от названия и языка источника, и пронумеровывается. В одном пункте перечня следует указывать только один источник информации.

Список литературы на русском языке оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и тщательно выверяется.

В списке литературы сведения об используемом издании должны обязательно содержать указание на издательство, общее количество страниц в используемом издании либо на конкретные страницы, где содержится соответствующий материал, если издание имеет периодический характер.

Если источник имеет DOI, то его указание является обязательным.

По тексту статьи даются отсылки к необходимому номеру библиографической записи из составленного списка, которые приводятся в квадратных скобках. Если отсылка к источнику информации в тексте статьи встречается несколько раз, то в квадратных скобках повторно указывается его номер из списка (без каких-либо изменений в самом библиографическом списке). В случае прямого цитирования обязательно указывают номер страницы (например: [1, с. 25], [1, с. 59–60]).

Обязательные параметры списка литературы:

- не менее 10–12 источников, из них: не менее 25 % источников – зарубежные (из которых 10 % – статьи из журналов, индексируемых в Web of Science, Scopus; работы на английском, немецком, французском языках, опубликованные в периодических научных изданиях (не дополнительных выпусках), а также статьи в сборниках трудов конференций и монографии, опубликованные в издательствах, не замеченных в применении недобросовестной издательской политики);
- не более 15 % источников – монографии;
- ссылки на литературу, опубликованную ранее 2009 г., должны быть единичными, кроме исследований, отражающих исторический аспект проблемы;
- не допускается самоцитирование. В случае невозможности избежать упоминания о ранее опубликованных автором трудах следует указать лишь на то, что автор уже рассматривал данный вопрос, при этом ссылки на опубликованные труды в тексте статьи не делаются, и в списке литературы они не приводятся.

Не включаются в список литературы следующие внеучебные источники информации:

- диссертации, авторефераты диссертаций;
- учебники, учебные пособия;
- нормативные правовые акты и комментарии к ним, судебные акты;
- правила, стандарты, патентные документы;
- словари, энциклопедии, другие справочники;
- доклады, отчеты, протоколы, данные статистики;
- средства массовой информации, интернет-ресурсы.

Ссылки на перечисленные внеучебные источники информации приводятся в подстрочных сносках.

Подстрочные сноски оформляются как примечания, вынесенные из текста вниз страницы, со сквозной нумерацией в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

В списке литературы на английском языке (**References**) порядок источников должен соответствовать русскоязычному списку литературы. Ссылки на источники оформляются в формате Vancouver. После описания источника необходимо указать язык издания, например, если оно было опубликовано на русском языке – (In Russ.). Для англоязычных источников это правило не применяется. Если источник написан на латинице (на немецком, французском и проч.), он должен быть процитирован в оригинальном виде.

При переводе русскоязычных источников и источников на других кириллических языках рекомендуется проверять наличие официального опубликованного перевода.

Транслитерация производится по стандарту BSI и применяется в следующих случаях:

- для обозначения фамилии, имени, отчества (при наличии) авторов источника;
- для собственных названий издательств, например: Nauka, YurLitinform;
- если нет информации об использовании журналом англоязычного названия (рекомендуется проверить на официальном сайте данного журнала).

При подготовке списка литературы можно обратиться к автоматическим системам подготовки списка литературы (EndNote, Mendeley, Zotero и др.)

В блоке «**Информация об авторах**» для каждого автора указываются: полные фамилия, имя, отчество (при наличии), должность, место работы и его полный юридический адрес, ученая степень, ученое звание, почетное звание, все имеющиеся идентификаторы автора, адрес электронной почты, а также контактный номер телефона, который будет использован только для связи редакции с автором и не будет публиковаться в журнале и (или) на его сайте.

Формулы, таблицы и рисунки, приводимые в статье, должны быть пронумерованы, а рисунки и таблицы также и названы, к ним должны быть отсылки в тексте статьи. В таблицах не должно быть пустых граф. Простые внутрострочные и однострочные формулы, а также рисунки и таблицы должны быть набраны без использования специальных редакторов. Рисунки и формулы также прилагаются к статье отдельными файлами в формате JPEG с разрешением не менее 300 dpi.

Не допускаются во всех структурных элементах статьи:

- набор шрифтом «все прописные»;
- полужирное начертание;
- наличие двух и более пробелов подряд;
- знаки табуляции;
- абзацный отступ пробелами и (или) знаком табуляции;
- мягкий перенос;
- разреженный и (или) уплотненный шрифт.

В случае несоответствия статьи установленным требованиям к оформлению и (или) содержанию решением редакционной коллегии статья отклоняется, о чем автор информируется по электронной почте.

За достоверность приведенных в статье сведений ответственность несут ее авторы.

INFORMATION FOR AUTHORS

In order to improve the quality of published materials, all submitted works (scientific articles, messages, reviews, etc.) are reviewed and checked by the “Antiplagiat” system. Only original articles that have not been previously published and are not pending in other publications are accepted for consideration. The article submitted for publication should be relevant, have novelty, contain a statement of tasks (problems), a description of the main research results obtained by the Author, conclusions. Articles are accepted in Russian and/or English. Materials for publication in English are submitted by foreign Authors without translation in any part of them into Russian.

Requirements to the formatting of the scientific article submitted to the journal

The manuscript of the scientific article (hereinafter referred to as the manuscript/article) shall be submitted in electronic version, in the format supported by Microsoft Word 2007 or higher (doc, docx, rtf). The priority form of the Article submission is the filling of the form at our web-site <https://www.siberianlawreview.ru/jour/author/submit/1>. The manuscript of the article to be published with the license agreement (in duplicate) and the Author's request enclosed may also be sent to the editorial office's e-mail nauka@siblu.ru.

The manuscript shall be accepted in Russian and English, hereby it should comply with the Journal's profile and highlight the results of the original scientific research.

The total volume of the article (including all the article elements) must be 20 to 40 type-written pages or 40,000–45,000 characters (blank spaces included).

For the text typing use Times New Roman font. Font size for the body of the Article – 14 pt, footnotes – 12; footnote numbering – consecutive. Line spacing – 1.5. No hyphenation.

UDC Code before the text of the Article is mandatory.

The Article must include the following **structural elements**:

- Title of the Article;
- The Authors and Their Affiliation;
- Abstract;
- Keywords;
- Funding (if any);
- Introduction;
- the body of the Article consisting of three or more sections each having its own title;
- Conclusion;
- Acknowledgements (to be included at the Author's discretion);
- References (in Russian)
- References (in English);
- Information about Authors.

The titles of the structural elements (“Abstract”, “Keywords”, “Funding”, “Introduction”, “Conclusion”, “References”) must be stated in the text of the Article. The Article structural elements shall not be numbered.

Title of the Article (maximum 10 words) must contain the main key words. Shall be provided in Russian and English. Left-aligned in the top of the page.

The Authors and their affiliation are indicated on the line right after the title of the article (research paper), aligned to the left. The data is given without abbreviations, in Russian and English (last name, first name, patronymic (if any), place of work (name of the organization corresponding to that specified in its charter, city, country), e-mail address).

Authors must state their identifiers (ORCID iD, Researcher ID). If they have no identifiers the Authors should first sign in at: <https://orcid.org>.

The sequence of the enumeration of the Authors is based on their contribution to the work completed. If the contribution to the research is equal the Authors may be listed alphabetically.

Abstract (250–300 words) – independent source of information of the Article, brief characteristic of the Work, shall be

provided in Russian and English. The Abstract must be logical and highlight the main contents of the Article (subject, objective, methods and conclusions of the study). The data contained in the title of the Article must not be repeated in the text of the Abstract. Avoid excessive introductory phrases, like “the Author of the article reviews...”. Historical data (unless they are the main contents of the Article), description of the previously published works and commonly known provisions shall not be included into the Abstract. We recommend to make up the Abstract in accordance with the structure of the body of the Article selecting the most important data from each section to provide in aggregate the comprehensive idea of the contents of the Article.

The Abstract should be made up after the completion of the work on the Article. Special emphasis should be given to the quality of the translation.

Keywords (5–10 words or word-combinations) should highlight the specific features of the topic, object and findings of the study. The Keywords must be separated with a semi-colon.

Funding is an optional structural element included in the article if there is financial support for the study by legal entities and (or) individuals. This may contain an indication of what grants, contracts, scholarships were used to conduct the study.

Introduction shall include the substantiation of the topicality and novelty of the study, review of the literature on the study subject-matter, study problem setting, definition of the study hypothesis, description of the methods used to obtain the findings, definition of the study objectives and tasks.

The body (main part) of the Article consisting three or more sections, contains the actual findings of the study, interpretation thereof, including compliance of the findings obtained with the study hypothesis, limitations of the study and generalization of its outcomes, comparison with the findings of other researchers, proposals on the future practical application of the future studies.

Conclusion contains the main ideas of the body of the Article, outcomes of the study without verbatim repetition of the definitions included in the body of the Article.

Acknowledgements. This structural element shall be included into the Article at the Author's discretion to express appreciation to the colleagues for the help with the Article preparation, including critical comments which enabled the manuscript improvement, gratitude for the financial support of the study by people and institutions.

References section shall contain references to all the scientific information sources mentioned in the text of the Article.

The literature used for the Article writing shall highlight the present-day state of the problem and include publications in both Russian and international journals and editions.

The Reference list is provided at the end of the Article and made up in the order the sources are referred to in the text, not alphabetically, regardless of the original title and language, the listed references shall be numbered. One list item shall include only one information source.

The *references in Russian* shall be made up in accordance with GOST R 7.0.5–2008 “Bibliographic Reference. General Requirements and Rules of Making” and carefully checked.

The list of references must state the publishing house, total number of pages in the edition used, or specific pages containing the relevant materials if the edition is periodical.

If the reference has a DOI it must be stated.

In the text of the Article references to the specific number of the bibliographic record from the list shall be provided in square brackets. If the reference to the information source in the text of the Article is made several times, the source number from the list shall be repeated in the square brackets (without any changes in the List of References itself). In case of direct citation the page number must be provided (for example: [1, p. 25], [1, p. 59–60]).

Mandatory parameters of the List of References:

- minimum 10–12 sources, including: minimum 25 % sources – international (out of which 10 % – articles from the journals indexed in Web of Science, Scopus; works in English, German, French published in the scientific periodicals (not supplementary issues!) as well as articles in the collections of proceedings of the conferences and monographs published in the reputable publishing houses);

- maximum 15 % sources – monographs;
- references to the literature published before 2009 must be single, except studies containing historical aspect;
- avoid self-citation. If it is impossible to mention the previously published works, just mention in the Article that the Author has already reviewed this issue, in this case no references to the published works should be included into the list of references.

The following extrascientific information sources shall not be included into the list of references:

- dissertations, author's abstracts of the dissertations;
- text books, workbooks;
- statutes and regulatory acts, judicial acts;
- rules, standards, patents;
- dictionaries, encyclopedias, other reference books;
- reports, statements, protocols, statistics data;
- mass media, the Internet resources.

References to the extrascientific information sources above shall be provided in the footnotes.

The footnotes shall be made as notes to the text provided at the bottom of the page, consecutively numbered as per GOST R 7.0.5–2008 “Bibliographic Reference. General Requirements and Rules of Making”.

In the “**References**” (in English), the order of sources should correspond to the Russian-language list of references. References to sources are made in Vancouver format. After describing the source, it is necessary to indicate the language of the publication, for example, if it is published in Russian – (In Russ.). For English-language sources, this rule does not ap-

ply. If the source is written in Latin (German, French, etc.), it must be quoted in its original form.

When translating Russian-language sources and sources in other Cyrillic languages, it is recommended to check the availability of an official published translation.

Transliteration shall be applicable in the following cases:

- to provide the surname, given name and patronymic (if applicable) of the Authors of the reference;
- for the proper names of the publishing houses, for example, Nauka, Yurlitinform;
- if the information of the use of the English title by the Journal it not available (check by the journal official web-site is recommended).

The transliteration shall be provided as per BSI standard.

To prepare the list of references automatic systems for the preparation of the list of references may be used (EndNote, Mendeley, Zotero, etc.)

In the “**Information about Authors**” section, for each Author, the following is indicated: full surname, first name, patronymic (if any), position, place of work and its full legal address, academic degree, academic title, honorary title, all available identifiers of the Author, e-mail address, as well as a contact phone number, which will be used only for communication between the Editorial office and the Author and will not be published in the journal and (or) on its website.

Formulae, figures, table. All the formulae, tables and figures must be numbered, and the figures and tables – also titled, there must be references to them in the body of the Article. The tables must not have blank columns. Simple inline and single-line formulae as well as figures and tables must be typed without using special editor software. Figures and formulae shall be attached to the Article as separate files in JPEG-format, resolution – min. 300 dpi.

In the Article elements above the following shall not be admissible:

- using Caps Lock,
- bold font,
- two or more consecutive blank spaces,
- tabulation symbols,
- paragraph indent using blank spaces and tabulation character,
- soft hyphens,
- sparse or condensed font.

If the Article does not comply with the requirements to the lineup and/or contents above the editorial board shall decline the Article and notify the Author by e-mail.

The reliability of the data used in the texts shall be the Authors' responsibility.

Научный журнал «Сибирское юридическое обозрение»

Редактор: *О. В. Арефьева*

Редактор текстов на английском языке: *Д. Т. Караманукян*

Компьютерная верстка и оформление: *Л. А. Зарубина*

Дизайн обложки: *О. Ю. Шелихов*

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 19 апреля 2019 г. Регистрационный номер ПИ № ФС 77-75350

Индекс в подписном каталоге «Почта России» – ПП812

Свободная цена

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов научного журнала «Сибирское юридическое обозрение» ссылка на журнал обязательна

© Редакция научного журнала «Сибирское юридическое обозрение», 2023

Адрес издателя и редакции: ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Россия

Телефон: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

Дата выхода в свет: 28.04.2023

Подписано в печать 11.04.2023

Тираж 200 экз.

Формат 70 x 100 / 16. Усл. печ. л. 8,45. Уч.-изд. л. 9,37.

Отпечатано в ООО «Полиграфический центр "Татьяна"»

Адрес типографии: ул. Жукова, 107, Омск, 644046, Россия

Scientific journal “Siberian Law Review”

Editor: *O. V. Arefeva*

Text editor in English: *D. T. Karamanukyan*

Desktop publishing and design: *L. A. Zarubina*

Cover desing: *O. Yu. Shelikhov*

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor) at April 19, 2019. Registration No. PI № FS 77-75350

Index in the subscription catalog “Russian Post” – PP812

Price discretion

When reprinting or reproducing by any means in whole or in part the materials of the scientific journal “Siberian Law Review” reference to it is obligatory

© The editorial board of the scientific journal “Siberian Law Review”, 2023

Address of the publisher and the editorial office: 12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russia

Phone: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

Release date: 28.04.2023

Signed print 11.04.2023

Circulation 200 copies.

Format 70 x 100 / 16. Cond. pr. pg. 8.45. Edit. pr. pg. 9.37.

Printed in LLC “Printing Center “Tatyana”

Printing office address: 107 Zhukova st., Omsk, 644046, Russia